

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

БЕЛО

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Белогвардейщина. Параллельная
история Гражданской войны
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018602

Белогвардейщина. Параллельная история Гражданской войны: Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0033-2

Аннотация

«Белогвардейщина» – пожалуй, лучшее за последние годы исследование, посвященное Белому движению. Ее по достоинству оценили читатели, многочисленные тиражи этой книги не залеживались на полках магазинов. Написанная просто, увлекательно, и в то же время, дающая глубокий научный анализ событий, книга будет интересна и полезна учащимся, преподавателям и широкому кругу любителей истории.

Содержание

От автора	4
1. Империя перед гибелью	6
2. Февраль	11
3. Дорога в пропасть	19
4. Красные фальстарты	25
5. Лавр Георгиевич Корнилов	28
6. Генерал Крымов	33
7. Накануне переворота	36
8. Октябрь	41
9. Поход на Питер – Краснов и Керенский	46
10. «Десять дней, которые потрясли мир...»	49
11. Михаил Васильевич Алексеев	54
12. Добровольческая армия	58
13. Кто разжигал гражданскую	63
14. Первое нашествие	68
15. Ледяной поход	73
16. Последняя битва Корнилова	78
17. Антон Иванович Деникин	81
18. Брестское позорище	84
19. «Новый порядок»	88
20. Михаил Гордеевич Дроздовский	93
21. Россия и иностранцы	96
22. Чехословаки	99
23. Всевеликое войско Донское	104
24. Загадки шестого июля	111
25. Борис Викторович Савинков	114
26. Медвежий угол	117
27. Закавказская резня	120
28. Второй Кубанский поход	125
29. Партизан Шкуро	130
30. белые – но все разные...	133
31. Тоталитаризм во младенчестве	138
32. Северный фронт	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Белогвардейщина. Параллельная история Гражданской войны

От автора

Гражданская война... Сколько литературы о ней написано, какое огромное значение в истории России она занимает! И, тем не менее, ее до сих пор можно считать «неизвестной войной». Представления о ней десятилетиями создавались пропагандистскими потоками только с одной стороны, с советской. А пропаганда – она и есть пропаганда. Соотношение сил искажалось, изображение большевиков приукрашивалось, их противников – опошлялось и очернялось. Все, что не соответствовало подобным оценкам, попросту замалчивалось. И чем дальше уходили страшные годы гражданской, тем больше лакировалась картина войны. Кинофильмы, художественная и научно-популярная литература превращали ее в легенду, в некую красивую сказку, на примерах которой требовалось воспитывать молодежь.

Но и западные источники о русской трагедии грешат откровенно предвзятым подходом. Если разобраться, они тоже представляют собой пропагандистский штамп. Хорошо знакомый нам тупой и навязчивый штамп «демократической» идеологии. Поражения белых армий и правительств однозначно объяснялись их «недостаточной демократичностью», неумением привлечь крестьян уступками в аграрной политике. Правда, факты показывают обратное. Чем «демократичнее» вело себя какое-либо правительство, тем быстрее оно погибло. И какая аграрная политика могла быть хуже большевистской продразверстки? Однако факты отменяются. Подобные взгляды прочно утвердились в западной исторической науке, а оттуда перебрались в современную российскую.

К сожалению, страдают существенными недочетами и труды белых авторов. Их создавали проигравшие. Политики пытались задним числом доказать свою правоту, а вину свалить на других. Многие военные старались честно разобраться, почему же они были разбиты, но их кругозор оказывался слишком узким, ограничивался личными впечатлениями. Недостатки и отрицательные стороны в собственном лагере они невольно преувеличивали и выдвигали на первый план, зачастую упуская из виду, что у красных те же явления процветали в куда более крупных масштабах. А достижения и положительные стороны обычно преуменьшали или умалчивали. Считали их бессмысленными, ведь ко времени написания мемуаров эти достижения уже погибли. Мучительно переживали ошибки и недочеты в той или иной операции. Вот если бы повернуть корпус в ином направлении! Если бы перебросить дополнительную дивизию! Сражение завершилось бы иначе, а там, глядишь...

Основных своих ошибок белые так и не осознали, или осознали слишком поздно. Увлечение теми же демократическими учениями, а отсюда разброд взглядов в самом широчайшем спектре – либералы, социал-демократы, эсеры, сепаратисты. Слепое доверие западным «союзникам». К монархической идее белогвардейцы смогли вернуться только в эмиграции, да и то не все. Вернулись после того, как в полной мере испробовали на себе пагубность прочей идеологической шелухи. Там же, в эмиграции, сумели оценить на своей шкуре черствость и подлость зарубежных «друзей»...

И все-таки, невзирая на вопиющие просчеты, Белое Движение было подвигом. Оно вобрало в себя лучших сынов России, самых горячих, самых искренних ее патриотов, готовых жертвовать собой за «единую и неделимую». Хотя бы за единую и неделимую, неза-

висимо от политических ориентиров. За такую Россию, чтобы была по-прежнему великой державой, чтобы ее никто не грабил, не растаскивал на части, не устраивал над ней чудовищных экспериментов. Белогвардейцы заслуживают того, чтобы рассказать о них.

Эта книга не касается глубинных корней революции, закулисных интриг и механизмов разрушения империи. Чтобы осветить данные вопросы, понадобились отдельные исследования, им посвящены другие работы автора. А перед вами – всего лишь полное описание гражданской войны. Но описание с малоизвестной и затертой, белой точки зрения.

1. Империя перед гибелью

Наверное, сейчас уже для каждого здравомыслящего человека очевидно, что нигде и никогда социальные революции не являются нормальным, здоровым явлением. Классики марксизма, назвав их «локомотивами истории», мягко говоря, подтасовали факты. Буржуазная революция в Англии стоила восемнадцати лет войн, резни, виселиц, диктатуры Кромвеля. Великая революция во Франции обошлась в четверть века ужасов, массового террора, гильотин, наполеоновских войн и разрухи. А гражданская война в США унесла больше жизней, чем страна потеряла во всех внешних войнах, вместе взятых, и на полстолетия отбросила Америку в разряд второстепенных государств. Опыт России стал еще более страшным.

О причинах революции 1917 г. ученые спорят до сих пор. Одни выводят их еще из преобразований Петра, расколовших народ, другие из времен Николая I и Александра III, тормозивших реформы. Третьи, напротив, винят реформы, проведенные в правление Александра II и Николая II. Четвертые сводят эти причины к неизбежным издержкам перехода к капитализму и неудачам Мировой войны. Но стоит отметить одну важную особенность – если детально и всесторонне проанализировать ситуацию, то никаких весомых причин для революции, *собственно, и не было*. Потому что никогда после 1917 г. Россия не смогла достичь дореволюционного уровня благосостояния своих граждан!

Накануне гибели Российская империя была одной из ведущих мировых держав, зачастую выступала определяющей силой или третейским судьей во всех вопросах международной политики. Она находилась на взлете своей культуры, блистала целыми плеядами великих писателей, поэтов, художников, музыкантов, философов. Не зря начало XX в. прозвали Серебряным веком русской культуры.

Страна переживала бурный экономический подъем. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10–12 раз, а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля – в 700 раз, нефти – в 1500 раз. Огромная держава покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, созданы нефтепромыслы Баку и Грозного. Были построены такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмосковье, Иваново, Лодзи. Текстильная промышленность полностью обеспечивала саму Россию, ее продукция широко шла на экспорт.

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность ничуть не уступали другим отраслям экономики. В нашей стране насчитывалось 21 млн. лошадей (всего в мире – 75 млн.). 60 % крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. На мировом рынке продовольствия страна была абсолютным лидером, занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна, сахара. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России. Между 1890-м и 1914 гг. объем внешней торговли утроился.

По темпам роста промышленной продукции и производительности труда наша страна вышла на первое место в мире. По объему производства занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, эти цифры определялись зарубежными исследователями и являются весьма некорректными. В системы экономики западных держав были включены их колонии и сырьевые приатки. За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний в расчет не принимались. И если бы, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана, часть Китая и т. д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

Средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй в мире (после США). По воспоминаниям Н. С. Хрущева, он даже в должности секретаря Московского горкома партии получал меньше и имел меньше благ, чем в бытность простым рабочим до революции. Ведущие предприниматели заботились не только о бытовых условиях и оплате, но и о культурном развитии своих работников, устраивали школы, поездки в театры, музеи, концерты знаменитостей. Об условиях труда красноречиво говорит тот факт, что большинство фабрик и заводов, выстроенных до революции, без существенной реконструкции проработали вплоть до конца XX века.

Конечно, существовали и проблемы. Например, в европейских губерниях России очень остро стоял земельный вопрос. Крестьянам не хватало земли, они мечтали (и всячески старались) увеличить наделы. Но даже сама эта проблема говорила о многом. Русская деревня была перенаселенной, а не запустелой и заброшенной! А жители были умелыми и трудолюбивыми, готовы были вложить в работу еще большие усилия. Им предоставили такую возможность, Николай II и премьер-министр Столыпин начали масштабную переселенческую кампанию. 3 млн. крестьян, получая значительную поддержку от казны, смогли переехать и осваивать безграничные просторы Сибири, Алтая, Казахстана, Дальнего Востока (скажем, в Забайкалье бедняцкими считались хозяйства в 15 голов крупного скота плюс 30 овец. А богатыми считались люди с тысячными стадами и десятитысячными отарами).

Столыпин провел и аграрные реформы. Раньше земля принадлежала общине, подлежала периодическим переделам. По жребию хороший участок мог достаться пьянице, а рачительному хозяину – участок, вчера принадлежавший пьянице, заросший бурьяном. Теперь желающие имели право отделиться от общины, взять землю в постоянное пользование, получить ссуды для развития частного хозяйства.

Население России достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой – 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было обычным делом. По подсчетам Менделеева, во второй половине XX в. численность жителей России должна была перевалить за 600 млн. 30 % детей получали среднее образование – заканчивали гимназии, реальные училища, земские школы. Почти все деревенские мальчики и девочки ходили в церковно-приходские школы, обучались закону Божию, чтению и письму. А в 1912 г. был принят закон о всеобщем начальном образовании.

Аппарат управления страны, о котором мы привыкли судить лишь по гипертрофированным карикатурам сатириков, был куда более отлажен и действовал куда эффективнее современного. На всю Россию насчитывалось около 250 тыс. государственных чиновников – вдесятеро меньше, чем при советской власти, не говоря уж о сегодняшних управленческих штатах. И при этом четко обеспечивал все функции жизнедеятельности государства. Еще сохранялось деление на сословия, но границы между ними стали уже очень зыбкими. Личное дворянство автоматически приобреталось с высшим образованием, награждением первым орденом, выслугой в первый офицерский или гражданский чин. А для получения потомственного дворянства достаточно было профессорского звания, чина полковника или, соответственно, более высоких орденских и гражданских степеней. Но преимуществ это уже не давало ни малейших, превратилось в формальность.

Россия пользовалась всеми возможными политическими свободами. Существовала свобода слова, печати. Цензура с 1905 г. была упразднена, а в 1914 г. ввели только военную цензуру. Существовал двухпалатный парламент, Государственный Совет и Государственная Дума, в ней были представлены партии, вплоть до большевиков. Запрещалась разве что экстремистская и террористическая деятельность, но ведь это нормально для любого государства. Даже большевистская «Правда» издавалась легально, а когда ее все же закрывали за противозаконные публикации, возобновляла работу под другим названием с прежним соста-

вом редколлегии. Весь центральный аппарат политической полиции, знаменитого «Третьего отделения» насчитывал... три десятка офицеров. А по России и до тысячи не дотягивал. Смертная казнь применялась крайне редко – только в тех случаях, когда политика переплеталась с уголовщиной и террором.

Да, на фронтах Мировой войны случились серьезные неудачи. В 1915 г. страна пережила острый кризис с боеприпасами и вооружением, из-за этого нашим войскам пришлось отступить, оставить противнику Польшу, Литву, часть Прибалтики и Белоруссии. Но к 1917 г. положение полностью выправилось. Отечественная промышленность совершила в войну гигантский рывок, было построено 3 тыс. новых заводов и фабрик, старые модернизировались. Выпуск винтовок вырос в 11 раз, снарядов в 20, орудий в 10 раз. В производстве артиллерии наша страна обогнала Англию и Францию. Армия получила оружие и боеприпасы в таких количествах, что их хватило на всю гражданскую войну, да еще и осталось потом, раздаривалось большевиками дружественным правительствам.

Русские потери были большими, но отнюдь не катастрофическими. До февраля 1917 г. на всех фронтах было убито и умерло от ран около 600 тыс. солдат и офицеров (в Германии за тот же период – 1,05 млн., во Франции – 850 тыс.) Наши армии снова наступали, крушили неприятелей в знаменитом Брусиловском прорыве, заняли обширную территорию в Малой Азии, прорывались к Багдаду. А Германия дышала на ладан, исчерпала людские, продовольственные, сырьевые ресурсы. Ее союзники, Австро-Венгрия и Турция, были разгромлены русскими, тайком от немцев пытались завязать переговоры о мире. На летнюю кампанию готовились мощные удары по врагам – и все данные говорят о том, что в 1917 г. война должна была завершиться. Победа русских и их союзников по Антанте была реальной и близкой.

Наша страна отнюдь не надорвалась, не была разорена и измочалена. Она сохранила колоссальный золотой запас. Во всех государствах, участвовавших в войне, было установлено строго нормированное снабжение, но не в России! У нее было в достатке продовольствия. После трех лет сражений карточки ввели только на сахар. На мясо, хлеб, рыбу никаких ограничений не существовало. В тылу, как в мирное время, сверкали огнями и манили деликатесами трактиры и рестораны. Правда, война вызывала транспортные трудности, случались перебои то с одними, то с другими товарами, этим пользовались торговцы, задирали цены. За дешевыми сортами продуктов выстраивались очереди...

Все эти причины были, конечно же, недостаточными, чтобы из-за них бунтовать, проливать кровь, совершать переворот. Но сказались факторы иного свойства. К началу XX в. значительная часть русского дворянства, интеллигенции, учащихся, оказалась заражена западными либеральными и демократическими теориями. Идеализировали Англию, Францию, искренне считали, что и для России будет лучше перестроиться по иноземным образцам. Слабели устои Православия. Многие начинали воспринимать веру на уровне красивых народных обычаев. Другие и вовсе отбрасывали ее. Слепо перенимали зарубежные оценки событий, чужие взгляды. Русские особенности государства, власть царя, Церковь, безоглядно относили к «реакционным институтам», а все, что противостоит им, причисляли к «прогрессивному». Доходило до того, что суды присяжных симпатизировали революционерам и террористам, оправдывали их под общие оации.

Очень быстрое промышленное развитие России тоже дало побочные эффекты. С одной стороны, набрали вес крупные предприниматели и банкиры. Изрядно округлив состояния, они потянулись к политической власти – такой же, как у их западных коллег. Эти деятели верховодили в Государственной Думе, организовывали и финансировали оппозицию. Выдвигали проекты реформ, чтобы самим дорваться к рычагам управления страной. А с другой стороны, промышленный бум привел к значительному росту числа рабочих. Не только квалифицированных, но и чернорабочих, люмпенов, случайного сброда. Подобная публика скапливалась в фабричных центрах, где можно найти временные заработки. Война усугу-

била этот процесс. Лучшие рабочие-патриоты уходили в армию. Даже те из них, кто имел броню на оборонных заводах, вставали в строй добровольцами. А на их места потянулись шкурники, именно в поисках брони. Для агитаторов и смутьянов формировалась самая подходящая почва.

Накопились противоречия и в деревне. Столыпинская реформа велась как раз по западным образцам. Но русские крестьяне не успели превратиться в крепких собственников-фермеров. Зато традиционные деревенские общины были разрушены. Люди утрачивали чувство единства, взаимопомощи, плеча соседей. Земля, прежде общая, становилась предметом раздоров. Разорившиеся крестьяне завидовали удачливым соседям, видели в них хищников, как бы обокравших односельчан.

А на всех этих слабостях успешно играли враги России. Ее внутреннее разложение во многом стало результатом целенаправленных диверсий. К началу XX в. правительства и спецслужбы великих держав уже отработали подобные методики – поддержать оппозицию, возбудить недовольство, спровоцировать волнения. Против России разрушительные технологии впервые были опробованы в период Русско-японской войны. Недовольство стало нагнетаться искусственно. Зарубежные газеты, а с их подачи и российские, всячески раздували масштабы поражений, было спровоцировано «Кровавое воскресенье». Советники царя настояли на реформах, был издан Манифест от 17 октября, превративший Россию в конституционную монархию, даровавший ей политические свободы. Но это лишь подлило масла в огонь, революционерам открылась дорога для легальной деятельности. И в тот самый момент, когда наши армии на Дальнем Востоке готовились к решительному наступлению на врага, тылы были взорваны революцией.

Но в России еще возобладало здоровое начало. За веру, царя и Отечество поднялись патриоты, казачество, подавляющая часть вооруженных сил. Мятежи были легко подавлены. Правительство возглавил Петр Аркадьевич Столыпин. Не считаясь с воплями разбушевавшейся общественности, с мнениями иностранцев, он не побоялся разогнать слишком радикальную Думу. Ввел военно-полевые суды, ценой жизни немногих погромщиков и террористов остановил вакханалию анархии и преступности. Страна быстро преодолела раздрай, вновь упрочила положение на международной арене, продолжалось ее мирное развитие.

Однако в этот же период, в 1907–1914 гг., усилилась раскачка государства. Ее вели и Дума, и либеральная пресса, принадлежащая российским толстосумам, и революционеры, а за ними стояли зарубежные покровители. Грянула Мировая война, и разрушительные технологии были запущены на полную катушку. Германия и ее сателлиты внедрили широкий план по развалу тылов противника. Радикальные революционные партии, сепаратистов, националистов напрямую брали на содержание. Ряд российских банков и фирм были тесно связаны с германскими, через них шло финансирование, осуществлялись экономические диверсии. Из-за границы проникала агентура: в разгар войны двери в нашу страну были широко открыты, в нее можно было свободно попасть через Швецию и Финляндию, входившую в состав империи, но не подчинявшуюся ее юрисдикции (именно из-за этого самому сильному разложению подверглись Балтфлот и Петроград).

Впрочем, к разрушению страны приложили руку не только ее противники, но и союзники. Россия выступала главным конкурентом Англии, Франции и Америки в мировой экономике. А сила и доблесть русских армий напугали «друзей». После войны пришлось бы учитывать требования царя, делиться плодами победы. Западные правительства и их агенты прилагали все усилия, чтобы не допустить этого. Иностранцы опекали думских либералов, подталкивали добиваться кардинальных реформ. Оппозиция наглела, позволяла себе безобразные выходки. А когда царь и правительство пытались прижать Думу, на ее защиту вставали те же иностранцы! Союзники. Разве можно было не считаться с ними?

А в результате получалось, что враги и «друзья» России, ее собственный парламент, пресса, реформаторы, революционеры, даже патриоты, поддавшиеся влиянию союзников, действовали в одном направлении. Каждый преследовал свои цели, нередко противоположные друг другу, каждый мечтал о своем, но раскачку вели вместе. Многие были и впрямь убеждены: если изменить основы государственности, русским это пойдет только на пользу. Остальных настойчиво убеждали, внушали представления о недостатках «царского режима». Впечатление от побед старались подпортить, распространялись версии о невиданных потерях. Неудачи преувеличивали, объявляли национальным позором. Временный кризис со снабжением (он проявился во всех воюющих странах) объясняли не иначе как «отсталостью царизма».

Русские люди в то время были избалованы изобилием, высоким уровнем жизни – на этом тоже играли. Подогревалось возмущение даже небольшими трудностями военного времени, подорожанием, нехваткой каких-то товаров. Очереди за продуктами представляли как настоящее оскорбление человеческого достоинства. Лидеры Думы захлебывались жаркими речами, либеральные и демократические газеты критиковали каждый шаг правительства, все шире бурлили забастовки рабочих – их подбивали все кому не лень, а они и рады были побузить, потребовать повышения зарплаты (и без того высокой).

Николай II был честным, отзывчивым, благородным человеком. Но по натуре очень мягким. За подавление революции 1905 г. его оплевала вся западная общественность, клеймила как «палача» и «убийцу» (хотя в Англии или Франции любой бунт подавлялся куда более жестоко, чем в России). Царь больше не хотел такой славы, суровых мер по наведению порядка не предпринимал. Конфликт с оппозицией он старался уладить миром – ведь свои, русские, неужели нельзя договориться хотя бы на время войны? Шел навстречу, снимал членов правительства, вызывавших нападки общественности. Но выходило еще хуже. Атмосфера в стране накалялась. Вместо опытных министров назначались лица случайные, некомпетентные. Пролезали интриганы или деятели, которые просто сумели понравиться Николаю II, как министр внутренних дел Поливанов. Он полностью игнорировал тревожную обстановку, успокаивал царя и царицу бодрими докладами – все в порядке, ситуация под контролем.

Но бездействие власти подрывало авторитет государя. А смутьяны всех мастей делали все возможное, чтобы совсем порушить его. Распространялись грязные лживые сплетни про царицу, про Распутина. Добавилась еще более страшная клевета – дескать, при дворе свила гнездо измена. Отсюда и нехватки со снабжением, отступление, царица и ее окружение тайно пересылаются с немцами. К началу 1917 г. заговорщики, изменники и их иностранные подстрекатели добились своего. Николай II потерял опору даже среди монархистов. Кто-то мало-помалу поддавался потокам порочащих слухов. Кто-то видел, что империя катится к гибели, но считал, что для ее спасения нужен другой царь, более решительный, энергичный, способный навести твердый порядок. А между тем, ситуация подошла к критической грани, Петроград превратился в настоящую пороховую бочку. Как это нередко бывает, грозные события начались неожиданно...

2. Февраль

Революция – стихия... Землетрясение, чума, холера – тоже стихия. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует...
И. А. Бунин

Хороша или плоха была Февральская революция? Нужна или нет? Вряд ли этот вопрос имеет смысл. Февраль, в отличие от Октября, был стихийным явлением. Как в грозовой туче: накопилась разность потенциалов – и грянуло. Вряд ли можно выделить и правую сторону в данном социальном конфликте. По меткому выражению председателя Государственного Совета Щегловитова, на одном полюсе общества оказались «паралитики власти», а на другом – «эпилептики революции». Назревал конфликт давно, но никаких мер для его лечения – ни «профилактических», ни «хирургических» – не предпринималось. И прорвался он внезапно.

Искрой в бочке пороха стали всего лишь трехдневные перебои в Петрограде с черным хлебом. Только с черным – белый, чуть подороже, лежал свободно. Для этого имелись и объективные причины – снежные заносы, помешавшие подвозу муки. Пошли слухи, что на хлеб введут карточки, и дефицит тут же усилился: хлеб начали скупать на сухари. Все большее число людей, отстоявших «хвост» – т. е. очередь, которые и без того возмущали тогдашних россиян, – оставались с пустыми руками. По нынешним временам и не заметили бы. А в начале века это было неслыханно! И 23 февраля взорвалось. Город забурился. Наложился еще ряд факторов. По старому стилю 23 февраля – это 8 Марта, Международный женский день. Как всегда, по случаю «пролетарских праздников» социалисты готовили очередную забастовку. Не какую-то экстраординарную, а рядовую, как бы «плановую» – лишний раз о себе заявить. Тем более что стачкомы оборонных предприятий щедро подкармливались германской агентурой (естественно, через благовидное посредничество нейтральных лиц, чтобы рабочие не отшатнулись от такой «помощи»). Эта забастовка никакого размаха не получила, но некоторые цеха и заводы все же откликнулись, на работу не пошли. Ну а кроме того, после долгих морозов и метелей выдался погожий денек, и улицы были полны гуляющей публики. Стихийные волнения начали, как снежный ком, обрастать народом. Забастовщики ринулись агитировать и звать за собой другие заводы. Неуправляемые толпы, в которые затесалось много подростков, буянов с рабочих окраин, просто хулиганья, принялись громить продуктовые лавки и магазины. Что-то разворовывали, а больше разбрасывали и втапывали в снег, голода никакого не было, и продуктов лежало полно, хотя во время войны они и подорожали. Накапливаясь, толпы хлынули от окраин к центру, подпитываясь там за счет студентов, курсисток и прочих сочувствующих. К одним обидам приплюсовались другие, из воплей «хлеба!» стали рождаться крики «долой!». Кое-где образовывались стихийные митинги, разгонялись полицией, но тут же перетекали в другие места. К вечеру волнения вроде утихли, но на следующий день возобновились с новой силой. Теперь уже забастовали почти все заводы, и то же самое повторилось с гораздо большим размахом.

Еще можно было предотвратить катастрофу, навести порядок. Но царь находился в Ставке, в Могилеве, а его правительство было уже далеко не то, что в 1905–1907 гг. Мало-мальски деловые люди из него постепенно изживались, слишком уж неудобными они были, беспокойными. А оставались приспособленцы, придворные шаркуны, умеющие подстраиваться к мнениям царицы, выдвиненцы Распутина. На момент кризиса в столице оказался, наверное, наихудший состав правителей из всех возможных. Никаких действий против беспорядков практически не предпринималось. Как-нибудь само уляжется, ведь волнения и прежде случались. Два дня о событиях в столице даже не докладывали царю! Он, правда,

получал тревожные сигналы от председателя Думы М. В. Родзянко, от частных лиц, но они тонули в гладких и благодушных рапортах его любимчика, министра внутренних дел Протопопова, военных и гражданских властей.

А положение в Питере обострялось стремительно. Войдя во вкус и чувствуя безнаказанность, разбушевавшиеся толпы били витрины, останавливали и переворачивали трамваи. Полиция цепочками в 10–20 человек противостоять многотысячным шествиям не могла. Городовых забрасывали камнями, льдом, досками. Кое-где из толпы раздавались и револьверные выстрелы. Среди полиции появились раненые, а потом и первые убитые, а самим им применять оружие запрещалось. В середине дня 24.02 градоначальник Балк запросил войска. Однако казаки, выехав на улицы, никакой помощи полиции не оказывали. На третьем году войны в Питере находились уже не прежние отборные служаки, выученные бороться с беспорядками, а обычные станичники с бору по сосенке – кто после фронта, кто от сохи. У них и нагаек не было, а боевое оружие использовать запрещали. Что ж, с кулаками переть на толпу? А многие сочувствовали демонстрантам и считали уличный разгон недостойным себя делом. Кроме того, формально казаки не были подчинены полиции. По планам военного времени, составленным все тем же Протопоповым, в случае беспорядков общее руководство их подавлением переходило к военным властям. В Петрограде ее принял командующий округом ген. Хабалов, личность в практическом отношении не менее бездарная. Боевым генералом он не был, продвигался по линии военно-учебных заведений, затем побыл губернатором Уральской области и по протекции получил теплое место в столице. Точно так же и на местах не военные командиры поступали в распоряжение полицейских начальников, а наоборот. А военным командирам все это было до лампочки, многие из них даже города как следует, не знали. Поэтому казаки в лучшем случае сопровождали городовых, подкрепляя их своим видом. А на просьбы о реальной помощи не реагировали. И при столкновениях с демонстрантами оставались сторонними наблюдателями. Мало того, 25.02 при разгоне митинга у памятника Александру III какой-то казак (пьяный? идейный? или просто дурак?) зарубил шашкой пристава Крылова. Молва разнесла слух об этом «подвиге» по всему городу, и казаков затопили морем симпатии – качали на руках, кормили и напайвали, славили «казаки за нас!». Чего еще станичнику надо?

Ненадежных казаков перестали выпускать из казарм. Но столичная пехота была ничуть не лучше. По традиции здесь квартировала гвардия. Точнее, настоящие гвардейские полки были на фронте, а в Питере остались от них запасные батальоны для формирования пополнений. Численность их была огромной, каждый батальон с хорошую дивизию, в ротах по полторы тысячи. Главным образом только что призванные новобранцы. Попадали сюда и после лазаретов, попадали пойманные дезертиры и отбывшие срок преступники. Сюда же направляли местных, питерских призывников (а поскольку на большинстве заводов была броня, этот контингент оказывался вообще сомнительным – из безработных и чернорабочих, не подлежащих бронированию). Офицеры – из инвалидов, из только что окончивших училища, из умеющих устраиваться в тылу. Да и было их по штатному составу – как на нормальный батальон. Они не только своих солдат, но и унтеров порой не знали, разве это возможно в такой массе, постоянно меняющейся? Ни о какой толковой подготовке там речи быть не могло – на фронте прибывших солдат приходилось учить заново. А что уж говорить о какой-то спайке, дисциплине, боевом духе? Предложение разместить в Питере несколько надежных строевых частей, именно на случай беспорядков, Хабалов в свое время отклонил. Лишние части – лишние заботы.

Теперь «гвардейские части» выводили в оцепления, и они стояли. Манифестантам это нисколько не мешало. Демонстрации убирала флаги, разбивались на группы и свободно проходили сквозь оцепления: гулять-то не запрещается. Или обтекали по боковым улицам – планы оцеплений оказались таковы, что вполне это позволяли. Никакого разгона солдаты,

конечно, не производили – офицеры опасались пускать их, ненадежных и совершенно необученных. Многим офицерам претила такая «грязная работа», бросающая пятно на их честь. По военному времени часть их была из тех же студентов, и, если бы не мундир, с удовольствием сами покричали бы «долой!».

Ничто не мешало волнениям разрастаться. Ширились митинги, демонстрации, множились хулиганские выходы. На окраинах разбушевавшиеся толпы начали громить полицейские участки и убивать городских. Лишь тогда власти решились на какие-то активные действия. Запоздалые либо непродуманные. Только вечером 25.02 доложили о событиях в Ставку царю – причем в очень сглаженном, тщательно отредактированном виде. После долгих прений и колебаний войскам было отдано разрешение применять оружие (конечно, с массой оговорок). Хабалов оповестил об этом население в расклеенных объявлениях. Но за три дня все уже привыкли, что войска вполне безобидны. Угрозам никто не верил, и 26.02 все разлилось по-прежнему. Мало того, стали задирать самих военных. И стрельба произошла. Стреляли по толпе драгуны – по ним из гущи людей пальнули из револьвера и ранили солдата. Стрелял Павловский полк – тоже после выстрела с крыши, убившего рядового. Стрелял Волынский полк – сначала по приказу, несколько залпов в воздух, но толпа манифестантов стала издеваться над солдатами. И в сердцах вдарили... Впрочем, многие новобранцы и стрелять почти не умели, глаза зажмуривали. Кто-то и в воздух хотел или по ногам, а уж куда попало... Конечно, общественность тут же подняла волну протестов, но и буйствующая по улицам вольница была напугана, стали разбегаться по домам. Правительству показалось, что беспорядки больше не возобновятся...

Интересно, что для революционных партий – эсеров, меньшевиков, большевиков – февральские события тоже явились неожиданностью. Они лихорадочно соображали, как бы эти волнения использовать, как самим в них поучаствовать. После стрельбы, оценивая состояние народа, они тоже приходили к выводу, что все закончилось и на следующий день рабочие вернутся на заводы. Готовились лишь внести эту дату в свои «святцы» наравне с 9 января и использовать в агитации...

Однако наложились новые события. В ночь на 27.02 премьер-министр Голицын пустил в дело заготовленный у него на всякий случай (подписанный, но без даты) царский указ о роспуске Думы. Дума традиционно была центром демократической оппозиции. Частенько ее депутаты сыпали обвинения в адрес властей – то обоснованные, а то и голословные, рассчитанные на собственную популярность. В общем, вели себя примерно так же, как российская Дума 1990-х. Царь имел законное право на роспуск Думы, хотя в данном случае парламент не имел никакого отношения к событиям. Скрытый мотив решения правительства понять нетрудно: избежать думского шума по поводу стрельбы и жертв. Этим же вечером пришла телеграмма от царя, с запозданием узнавшего о волнениях: «Генерал-лейтенанту Хабалову повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

Приказ передали в полки, среди ночи довели до офицеров и унтер-офицеров.

Но как раз этой ночью произошел надлом в тех полках, которые стреляли в народ – Павловском и Волынском. Только что призванные, неопытные солдаты оказались в шоке от пролитой ими крови – крови своих же граждан. Терзались и каялись. В казармы проникали посторонние, партийные агитаторы и просто из народа, укоряя, что же они натворили – охранялись казармы плохо, а в городе не было объявлено ни комендантского часа, ни усиленного патрулирования, ходи, когда хочешь и куда хочешь. И тут же к солдатам, измученным тремя днями в оцеплениях, находящимся в трансе от убийства «своих», дошел приказ царя «завтра же прекратить в столице беспорядки». Значит, снова идти и снова убивать (хотя беспорядки, вероятно, уже и не возникли бы). И они взбунтовались. Полуторатысячная рота Павловского полка вырвалась с оружием на улицу. С ней вступили в перестрелку всего деся-

ток городских, но даже такого отпора мятежники не выдержали. Отступили в казармы, дали себя окружить, разоружить и выдали зачинщиков.

В Волынском полку пошло иначе. Взбунтовавшись под утро, там убили офицера – и путь назад был отрезан. Уже из инстинкта самосохранения бросились вовлекать в мятеж полки, расквартированные по соседству. Подняли часть преображенцев, тоже взывая к их совести – именно преображенцы ночью окружали и разоружали павловцев, тоже согрешили «против своих». Потом совместными усилиями подняли Литовский полк Смирных, опасаящихся бунтовать, старослужащие и казарменные забияки выгоняли из казарм силой – ты что, против нас? Эта толкотня в казармах и дворах, во время которой были убиты еще несколько офицеров, длилась не менее двух часов. И никаких действий против мятежников за это время предпринято не было. Начальство растерялось, не решаясь что-либо делать без приказа, рапорта по команде передавались наверх... а Хабалов, считавший, что отдал накануне все распоряжения, переутомившись от напряжения последних дней, спал. И отключил телефон!

Пятнадцатитысячная солдатская толпа понеслась по улицам, и процесс пошел лавинообразно. В выставленных по вчерашним планам оцеплениях были такие же «запасные». Стрелять «по своим» они не могли. А нарушив приказ, автоматически сами становились бунтовщиками и вливались в общую массу. Офицеров, пытающихся остановить ее, образумить или сопротивляться, толпа убивала. Штаб Хабалова пребывал в полной прострации. Для подавления назначили заместителя командира Преображенского полка А. П. Кутепова, приехавшего с фронта на побывку. Это был умный и волевой офицер, но сил ему дали всего человек 500, надерганных кто откуда. Приданные 12 пулеметов оказались без патронов. Все же он сумел организовать свой разношерстный отряд и после короткого боя очистил район восстания. Да много ли мог сделать один Кутепов в огромном городе? Выбитые с Литейного, мятежники растеклись толпами кто куда, большинство хлынули на Выборгскую сторону. Прямо во взрывоопасные рабочие районы. И восстание полыхнуло во всю мощь... Бунтовщики пытались увлечь воинские части, расположенные здесь, – офицеры с небольшими командами надежных солдат дали отпор. Хотя и понесли потери, но их казармы оставили в покое. Зато солдаты, уже вместе с рабочими и шпаной, разгромили арсенал – разграбили 40 тыс. винтовок, несколько тысяч револьверов, огромное количество патронов. Утекло в народ и оружие со складов оборонных заводов. Захватили 7 тюрем – и толпы получили новых вожаков, как политических, так и уголовников. И все эти массы снова потекли к центру города, многократно умножившиеся и вооружившиеся. Боеприпасов было в избытке, шла непрерывная пальба в воздух. Появилась новая мода – захватывали автомобили и, набившись в них, носились по улицам. Случайно встреченных офицеров разоружали, срывали погоны. Полицейских и жандармов убивали. От густой стрельбы в воздух, пули падали на излете, рикошетом отскакивали от стен, попадая в людей, – и пошел слух, что полиция с пулеметами засела на чердаках. Палили и по чердакам, по окнам, показавшимся подозрительными. Уже по всему городу громили полицейские участки. В некоторых городских отстреливались до конца, поняв, что все равно обречены. Разнесли и подожгли здания судов, Охранное отделение, а попутно и армейскую контрразведку – по наводке выпущенного из тюрьмы шпиона Карла Гибсона...

Важные события разворачивались в Думе. Собравшись на очередное заседание, депутаты узнали о ее роспуске. Но не расходились – куда расходиться, если на улицах такое творится? Висели на телефонах, узнавая новости, обсуждали их по коридорам Таврического. А в обществе, особенно в интеллигентной части, разгон Думы вызвал новую волну возмущения. Прошел слух, что распущенная Дума отказалась расходиться. Студенты и гимназисты, вливающиеся в мятежные толпы, поворачивали некоторые из них «на защиту Думы»! От «реакции». Обычный бунт стал приобретать идеологическое содержание. Дума, помимо своего желания, становилась центром революции! Некоторые уже спрашивали у ее лиде-

ров дальнейших указаний. Многие солдаты, протрезвев и устав от погромов, шли сюда просто потому, что некуда идти. Сюда же стали вести «арестованных» – членов Государственного Совета, жандармов, просто «подозрительных» – и их вынуждены были принимать, хотя бы ради спасения от самосудов. Депутаты разделились надвое. Большинство во главе с М. В. Родзянко считали, что авторитет Думы надо использовать для сильного противодействия развалу и анархии. В качестве такого органа был создан «Временный комитет Государственной Думы для поддержания порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». Левых во главе с Керенским и Чхеидзе несло в другую сторону. Они считали, что должны возглавить начавшуюся революцию. К Керенскому, широко известному по России самыми скандальными думскими речами, многие пришедшие мятежники прямо обращались как к «руководителю революции» – и ему это нравилось, он уже примерял эту роль, все щедрее рассыпая указания и швыряя лозунги.

Между тем Родзянко, обнаружив, что Временного комитета повстанцы слушаются и признают его авторитет, поехал в Мариинский дворец для встречи с правительством, чтобы договориться о совместных действиях. Но... обнаружил, что никакого правительства уже нет! Подав царю прошение об отставке, одни министры разбежались, другие в шоковом состоянии были готовы к тому же. Переговоры с братом царя Михаилом Александровичем, с предложением возглавить власть в городе, кончились ничем. Михаил отказался, не имея на то официальных полномочий. После этой поездки Родзянко Временный комитет Думы решил принять на себя правительственные функции – «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Причем первым предложил такое решение монархист Шульгин, подразумевая, что «Временный» орган передаст потом власть нормальному правительству, созданному царем. Основную часть комитета составили кадеты – либеральный «центр» Думы, самая авторитетная политическая партия (официально – Партия народной свободы).

Но власти-то всем хочется! Социалистические фракции Думы были мизерные, в демократической борьбе им ничего не светило. Однако в Таврический стягивались не только солдаты и студенты с рабочими. Собрались и партийные деятели, в том числе только что вышедшие из тюрем. И под крылышком нескольких своих думских депутатов решили тут же «явочным порядком» создать свой орган власти Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Тут же решили избрать в него по одному солдату от роты и по одному рабочему от тысячи... Да какие там выборы! Где их проводить, если заводы не работали, а солдаты рассыпались по улицам? Набрали тех, кого успели пропихнуть партийные лидеры на стихийном совещании. Так началось неизвестное двоевластие.

А ген. Хабалов весь день бездействовал. У него оставалось еще много гвардейских запасных батальонов – Семеновский, Измайловский, Московский, Финляндский, Кексгольмский, Ингерманландский, Павловский, Егерский, Гренадерский и др. Их командиры отвечали, что они ненадежны, и лучше держать их в казармах, а то вдруг тоже взбунтуются. Оставалось много технических частей – малочисленных, но сильных в боевом отношении и, безусловно, верных командованию – пулеметные, самокатные, броневые, саперные, авиационные. По малочисленности их вообще не взяли в расчет, забыли. В распоряжении Хабалова было 8 военных училищ, 2 кадетских корпуса, школы прапорщиков, и юнкера сами рвались в бой, но командующий отказал. Ему казалось недопустимым вовлекать будущих офицеров в такое несвойственное им дело, как подавление уличных беспорядков. Им приказывали продолжать обычные занятия. Сильный резерв все же удалось собрать на Дворцовой площади: измайловцев, кексгольмцев, павловцев, егерей, часть Гвардейского экипажа, 2 батареи. Однако, собрав вместе, о них... забыли. Они простояли на площади целый день, не получая приказов, промерзли, измучились, проголодались, а к ночи мороз усилился, и они стали расходиться по казармам. Об отряде Кутепова тоже забыли. Он весь день прикрывал

район Литейного, не получая никаких указаний, а сам дозвониться до градоначальника не мог – ведь туда со всего города звонили. Кутепов отразил несколько атак и наскоков повстанцев, а с наступлением темноты они обошли его переулками, проходными дворами и растворили в себе его сборную команду. Самому ему едва удалось скрыться.

К ночи и непосредственно у Хабалова собрались немалые силы – гвардейская кавалерия, жандармский дивизион, полиция, пехотные роты – около 2 тыс. штыков и сабель при 8 орудиях. Их вполне хватило бы, чтобы одним решительным ударом подрубить революцию, особенно среди ночи, когда массовый порыв угас, и на улицах остались лишь дезорганизованные кучки мародеров. Но растерявшийся Хабалов уже счел город потерянным. Подсчитал «до 60 тысяч» врагов – как будто это были кадровые дивизии, а не беспорядочные толпы, к тому же разошедшиеся спать по домам и казармам. И решил до подхода подкреплений с фронта занять глухую оборону в Адмиралтействе (была сильная Петропавловская крепость с артиллерией и надежным гарнизоном – о ней тоже забыли). Интересно, что из Адмиралтейства Хабалова попросили удалиться моряки, заявив, что его солдаты мешают нормальной работе их штаба! И отряд послушно перешел в Зимний дворец. Но и оттуда выставили – приехал переночевать великий князь Михаил Александрович и решил, что дворец нельзя превращать в поле боя. Вернулись в Адмиралтейство. Там оказалось нечем кормить лошадей – пришлось отпустить кавалерию. В атмосфере безнадежности и бесцельных блужданий стали помаленьку исчезать солдаты...

В Ставке только 27.02 открылась грозная правда. В общем-то, еще ничего не было потеряно. Петроград – всего один город, хоть и столичный. Парижскую Коммуну успешно раздавили в гораздо худших военно-политических условиях. В Могилев, где находился царь, можно было перенести не только военное, но и гражданское управление страной. Под ружьем была 12-миллионная армия. Требовались лишь соответствующие действия – силовые и политические. Но для таковых Николай не годился. К нему сыпались обращения о необходимости срочных реформ, способных если не утихомирить Петроград, то не дать распространиться волнениям на другие города. Об этом телеграфировали Родзянко, Голицын, брат Михаил, командующие фронтами, обращался даже ген. Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Да и реформы-то пока требовались относительно небольшие: снять дискредитировавших себя министров, создать новое правительство из лиц, популярных в стране... Николай отказал. И не утвердил прошение об отставке прежнего правительства (уже разбежавшегося). Для силового подавления мятежа он назначил Н. И. Иванова – некогда бравого и боевого генерала. Только вот... ему было 65 лет, и он уже без назначений проживал при Ставке в качестве приятного царского собеседника. Для решительных действий он совершенно не подходил – наоборот, даже раньше, в 1905 г., был известен умением умирять бунты уговорами и «вразумлением». Впрочем, Николай так и хотел – миром бы все как-нибудь уладить, и все. В непосредственное подчинение Иванову давались Георгиевский батальон, пулеметная команда. И, чтобы не очень ослаблять боевые порядки, по 4 полка с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. С ближайшего к Петрограду, Северного, полки могли прибыть в столицу к 1 марта. Но... Иванов со старческой обстоятельностью и неторопливостью решил сосредоточивать все свои силы «на подступах» к Петрограду. Да и тут все решения и планирование отложил до следующего дня – не работать же старику по ночам. А Николай, вместо того чтобы сосредоточить в Ставке все нити управления, решил завтра ехать в Царское Село. Из-за простого человеческого чувства – он ведь тревожился за жену и детей.

А 28.02 обстановка снова изменилась коренным образом. То, что Временный комитет Думы принял на себя власть, повлекло новые последствия. Одно дело беснующаяся толпа солдат и черни, другое – Дума, вполне легитимный орган власти. Оппозиционный – но и все общество было в той или иной мере оппозиционно самодержавию и придворной вер-

хушке, причин и поводов для недовольства накопилось изрядно. А тут вдруг оказалось, что правительства нет, Хабалов похоронил себя в Адмиралтействе (о чем и знали-то немногие), и Дума осталась единственной властью. К ней пошел народ, приветствуя победившую революцию – и интеллигенция, и рабочие, – их Совдеп пока что опасливо держался тут же, под крылышком Думы. Мало того, к ней пошли войска – уже не вчерашние толпы погромщиков, а настоящие полки. С офицерами, с музыкой. Те, что вчера просидели в казармах и даже готовы были противостоять бунту. Командование само забыло о них, бросив на произвол судьбы, – и кто мог теперь им дать разъяснения, какие-то указания, как не Дума? И кто, как не Дума, мог теперь защитить их от вчерашних инцидентов? Да и сами офицеры – разве русские дворяне не воспитывались на традициях интеллигенции? Поддержать Думу они оказались морально готовы. А для тыловых приспособленцев, которых в столице тоже хватало, подобный ход был вполне естественным – побыстрее зарекомендовать себя перед новой властью. Первыми пришли преображенцы – не бунтовавшие, а простоявшие вчерашний день на Дворцовой площади. За ними потянулись другие. С артиллерией, с броневиками. Дошло до того, что моряков Гвардейского экипажа привел к Таврическому дворцу великий князь Кирилл Владимирович. Он тоже был сторонником демократических преобразований. И когда произошло единение всех разнородных сил, революция, которую никто, собственно, не делал, которая «сама получилась», – действительно победила.

Весть о ее победе волной прокатилась по другим городам России. Кто мог противостоять этой волне? Правительство, разбежавшееся и частично арестованное? Местные власти? Так они не имели на то никаких указаний. Царь? Он находился в дороге, оторвавшись ото всяких рычагов управления. Ген. Алексеев из Ставки? Это не входило в его компетенцию, и в тылу никто не стал бы его слушать...

В Москве, где не было никаких бунтов и волнений, народ стал группироваться вокруг городской Думы, и туда же, как в столице, перетекли военные части – с оркестрами и командирами во главе. Впрочем, не везде революция выглядела празднично. Гельсингфорс (Хельсинки) и Кронштадт 1–4 марта щедро умылись кровью. Вслед за рабочими манифестациями в дело вступила матросня, круша все, начиная с винных складов. Начались повальные погромы и убийства. Убивали не только «драконов», но и кого придется под горячую руку да пьяную лавочку. Только читателю следует пояснить, что эти две базы не были «боевыми». В Гельсингфорсе стояли линкоры и крейсера – громадины, не принимавшие участия в сражениях. Всю войну они лишь патрулировали минное заграждение, перегородившее врагу вход в Финский залив. Всю войну здесь маялись с тоски и дурели от однообразия. Гельсингфорс подчинялся финской юрисдикции, был вне компетенции Охранного отделения и армейской контрразведки, он кишел германской агентурой и беспрепятственно разлагался несколько лет. А Кронштадт вообще был тыловой базой с учебными судами, складами да флотскими тюрьмами. Естественно, и рутины, и злоупотреблений здесь хватало. Для сравнения – в Ревеле (Таллине), где базировались эсминцы и подлодки, не вылезавшие из боев, ни убийств командного состава, ни особых беспорядков не было.

А царь ехал прямо в эту кашу! И ехал из-за медлительности ген. Иванова впереди сосредоточиваемых к Петрограду надежных полков. Ехал через Вязьму, Бологое, а в Малой Вишере пошли слухи о каких-то войсках, перекрывших путь дальше. Да и опасно было царю следовать сквозь Петроград. Повернули на Псков, узнавая случайные новости и с трудом ориентируясь в обстановке. Тем временем отречение царя становилось требованием всей России. Для большинства (пока) отречение именно этого царя. Даже для правых. Для них он стал виновником произошедшего взрыва, показав свою неспособность что-либо сделать для спасения страны. Последней каплей стала телеграмма военачальников. Главкомандующие фронтами и флотами, видя, что катастрофа захлестывает армию, просили об отречении. Телеграмму подписали великий князь Николай Николаевич, генералы Эверт, Брусилов

(потом служил Советам), Рузский (в 1918 г. расстрелян красными), Алексеев (основатель Добровольческой армии), Сахаров, адмирал Непенин (через день убит пьяными матросами). Воздержался лишь командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак От Думы к царю выехала делегация в составе Гучкова и Шульгина. Николай уже принял решение и подписал отречение. Хотел схитрить? Спасти от смуты сына? Подписанное им отречение было недействительно. По российским законам о престолонаследии монарх имел право решать только за себя, но не за наследника. Николай же, вместо отречения в пользу Алексея с назначением регента, отрекся в пользу брата Михаила. Надеялся после бури вернуть сыну престол? Загораживал большого ребенка от опасности? Кто знает...

Дума предложила Михаилу Александровичу занять престол до Учредительного Собрания. Посоветовавшись со своим адвокатом, он отказался. Формально сославшись на незаконность отречения. Реально – брать власть значило бы взвалить на себя ответственность за обуздание стихии. А Михаил всегда чувствовал отвращение к политике. Тогда на основе Временного комитета Думы было создано Временное правительство. Князь Н. Львов, Гучков, Милюков, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, Шингарев, В. Львов, Годнев, Керенский. Его председателя кн. Львова утвердил сам царь одновременно с отречением. «Временное» – потому что оно брало власть только до Учредительного Собрания, органа, свободно избираемого всем народом, чтобы решить и политическое, и экономическое устройство будущей России. Более капитально реорганизовался и Петроградский Совдеп. Кого-то «кооптировали», кого-то из случайных лиц, попавшихся туда в горячке 27.02, «отозвали». И тоже заявили претензии на власть. Причем уже не городскую, а общегосударственную!

А ген. Иванов двигался к Петрограду. Пока распланировали, пока разослали директивы, пока грузились. Действовал не торопясь, отслеживал движение подчиненных частей. Добрался да Пскова – «а по какой надобности?» «По приказу императора».

«Какого еще императора? Нет такого. Отрекся». Император же вернулся домой и был взят под следствие. Очень переживал, когда узнал, что в общей массе на сторону революции ушел даже его конвой из 500 чел., каждого из которых он знал лично, и не только по именам. Вот так совершилась «общенародная, светлая и бескровная» революция. Между прочим, не такая уж бескровная. Только в столице в дни революции были убиты и ранены 1443 человека. Значительную долю погибших составили служащие петроградской полиции. Потом ходили упорные слухи, что именно полицейских похоронили на Марсовом поле под видом «героев революции». Так это или нет, но в революционном хаосе они действительно стали одними из немногих героев, до конца исполнивших свой долг.

3. Дорога в пропасть

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую.

Россию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках ее организма.

А. М. Деникин

Надо отметить, что первый, либеральный кабинет Временного правительства был самым толковым и компетентным из четырех кабинетов. Лучшие представители интеллигенции, думские депутаты, способные достаточно грамотно разбираться в политических и в экономических вопросах. В отличие от многих нынешних «демократов» – честные, глубоко порядочные люди. Никакой личной выгоды они не преследовали и не получали. Этот кабинет дал стране все демократические свободы, закрыл политические тюрьмы, отменил смертную казнь... Это были первые шаги... А дальше? Дальше-то нужно было укреплять институты государства, расшатанные или уничтоженные революционным взрывом. Но как раз на это Временное правительство оказалось неспособно. Во-первых, по личным качествам. Умные люди, способные законодатели, они не обладали ни твердостью, ни решительностью для проведения в жизнь своей политики. Да и то сказать, не могли же они, подобно царским «сатрапам», поощрять принуждение! Насилие само по себе вызывало отвращение тогдашнего передового интеллигента.

А во-вторых, их связали по рукам и ногам, не давали работать. Советы на первом этапе тоже возглавляли демократы. Но демократы партийные, социалистические. Некомпетентные в государственных делах, зато «облеченные доверием» народа, горлопанистые и рвущиеся к власти, Советы стали дезорганизующим началом. Взбаламученная народная стихия и без того не желала успокаиваться – но ее продолжали баламутить искусственно. Вместо стабилизации государства шло его раскачивание. В пику распоряжениям правительства Советы принимали другие решения. Часто – противоречивые. Часто – революционные, но бестолковые. А каждый шаг, направленный к нормализации, вызывал вопли о контрреволюционности. Сложилась ситуация, когда правительство ограничивало «свободу». А Советы – «расширяли». Правительство стало «запрещающим» органом, Советы – «разрешающим». И естественно, вся темная масса тянулась к Советам. А слабое правительство шло на соглашательство с левыми, на одну уступку за другой.

А вскоре властей стало не две, а три. К апрелю местные Советы и комитеты, расплодившиеся в России, как грибы после дождя, возмутились тем, что Петроградский Совет, приписывая себе исключительные заслуги перед революцией, присвоил государственную власть. Собрался съезд делегатов, и был создан Центральный Исполнительный Комитет, занявший позицию чуть умереннее Петросовета, но куда радикальнее правительства.

Кроме Советов, государство раскачивали партии, еще не дорвавшиеся до власти, – большевики, анархисты и беспартийная стихийно-бунтарская вольница. Не следует и скидывать со счетов дезорганизационную деятельность германской агентуры – ведь шла как никак мировая война... И совершенно неожиданно для большинства политических деятелей на первый план вдруг вынесло фигуру Ленина.

Да-да, неожиданно. Потому что, если разобраться и отбросить плоды последующей мифологизации его образа, то окажется, что не только вождем трудящихся, но даже крупным лидером до 1917 года он не был. Не верите? Почитайте самых лояльных, самых пристрастных современников (ту же Крупскую) и удостоверьтесь. Рабочих он не знал. Еще в Петербурге Крупская с Якубовой, повязавшись платочками, ходили в фабричное общежитие и

таким детским способом собирали материал для его «исторических» статей. Крестьян тоже не знал. В Женеве черпал познания из бесед с выходцами из крестьянства – попом Гапоном и потемкинцем Матюшенко (который сблизился с Гапоном, а отнюдь не с Лениным).

Ссылка в Шушенское стоила неплохого дома отдыха. Держал там домработницу, породистую охотничью собаку. На одну неделю для него забивали барана. На следующую, для разнообразия, закупали говядины или телятины. И в эмиграции жил недурно. То в Германии, то в Швейцарии, то во Франции. Повсюду таскал за собой жену и тещу. Естественно, за партийный счет. И домработницу тоже содержал.

Проявил себя на II съезде РСДРП, где устав с программой принимали, где на большевиков и меньшевиков поделились. Но деление было очень условным, как и сам съезд: 44 делегата, непонятно кем избранных. Из них 20 воздерживалось, а «большинство» недолго таковым оставалось. Меньшевик Мартов отказался от участия в редакции «Искры», и большевик Плеханов перешел на его сторону: по деловым и журналистским качествам Мартов оказался ценнее Ленина.

В 1905 г. Ильич вполне легально приехал в Питер, никто его не тронул. И жил то легально, то нелегально, в столице и на окрестных дачах до конца 1907 г. Как «неуловимый Джо» из анекдота, который был вовсе не таким уж неуловимым, а просто оказался никому не нужным. И еще 9 лет эмиграции. Какого-то заметного влияния на Россию эмиграция не оказывала. Организация борцов? «Сильная» парижская организация большевиков в 1911 г. насчитывала... аж 40 человек Сила, правда? Выпуск литературы? Разве мы сейчас не знаем, как ничтожен вес малотиражной газетенки в море прессы? А ведь нынешние малотиражки по сравнению с большевистскими – гиганты! В 1914 году тираж очередного «центрального органа» «Социал-демократ» достигал 1,5 тысячи экземпляров. Но даже из такого количества, по признанию самих большевиков, России достигала ничтожная часть. Скажем, в 1905 г. выяснилось, что вся литература, которую долго слали через Стокгольм, там и лежит, завалив целый подвал. Через матросов слали в Батуми и Одессу, где завернутые в брезент тюки выбрасывали в море в условленном месте. Большая часть ушла на агитацию черноморских рыб. В чем еще заключалась «революционная» деятельность? Иногда происходили теоретические «рефераты», для чего с важным видом съезжались социал-демократы из разных городов Европы. Происходили они в пивных, за кружкой. «Записался говорить один Ильич... С кружкой пива он подошел к столу» (Крупская). За пивком чего ж не теоретизировать? Располагает... Создавались «партийные школы» для подготовки «рабочих агитаторов». На Капри – аж 12 человек (из них 2 провокатора). В Лонжюмо – 15 человек (1 провокатор). Им Ленин на полном серьезе читал лекции. Какого-то следа в истории его слушатели не оставили. Только там и мелькнули их фамилии.

Но основной, поглощающей все силы будущего вождя деятельностью были склоки, межпартийная и внутрипартийная грызня. О каком-то верховенстве Ленина и речи не шло. Как, кстати, и о «большевистской партии», как таковой. Если социал-демократы делились на меньшевиков и большевиков, то сами большевики делились на «отзовистов», «ультиматистов», «ликвидаторов», «богдановцев», «впередовцев», «примиренцев», «ленинцев», «красинцев»... Ленин был лидером всего лишь одной из тусовок в этой каше, в которой каждая враждовала с себе подобной. Например, если Ленин в 1912 г. проводит Пражскую конференцию, то Троцкий в том же году проводит аналогичную конференцию в Вене, причем более представительную. О каком «вождизме» может идти речь, если на реферате Плеханова о мировой войне Ильича чуть «за бортом» не оставили – места ему не хватило.

Когда с 1912 г. думская фракция социал-демократов (большевиков) начала издавать в России легальную «Правду», в редакцию заочно были включены и Богданов, и Алексинский, с которыми Ленин враждовал. А статьи самого Ильича, посылаемые из Кракова, редактором Черномазовым публиковались далеко не всегда. Например, из 5 знаменитых «Писем

издалека», в которых Ленин из эмиграции учил, как развивать Февральскую революцию, было опубликовано 1. А остальные – только после смерти вождя. Так и паясничал за рубежом в свое удовольствие этот человек, заштатный второсортный лидеришко. Никакого отношения к Февральской революции он не имел. 22 января 1917 года «мудрый и проницательный» ляпнул на собрании молодежи в Цюрихе: «Несомненно, эта грядущая революция может быть только пролетарской... Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв в этой грядущей революции». А она – возьми да грянь через месяц...

Что делать? Подаваться в Россию? Но как туда добраться через фронты? Помог очень полезный контакт – с германскими спецслужбами. Они-то на Ленина глаз давно положили. Еще в 1914-м дали свободно из Кракова уехать, когда остальных русских интернировали. Германия вела войну по-новому, включая идеологическую обработку и разрушение тыла. И большевики-циммервальдисты, ратующие за поражение своего правительства, были ей полезны. Имел ли место прямой шпионаж? Русская контрразведка в 1917 г. располагала доказательствами шпионской деятельности Радека, Раковского, Коллонтай. Кадровыми агентами спецслужб являлись А Парвус, занимавшийся финансированием большевиков, Я. Ганецкий, швейцарский коммунист К Моор – близкий приятель Ильича. А Ленин? Даже без формальной вербовки он не мог не догадываться, какие силы, в каких целях и на какие средства его используют. Документы говорят сами за себя. Указание Германского Имперского банка № 7432 от 2.03.17 представителям всех германских банков в Швеции гласит: «Вы сим извещаетесь, что требования на денежные средства для пропаганды мира в России будут получаться через Финляндию. Требования будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущие счета которых открыты в соответствии с нашим приказом № 2754 в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все требования должны быть снабжены подписями «Диршау» или «Волькенберг». С любой из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны быть исполняемы без промедления».

Другой документ – доклад от 16.11.17 большевистских уполномоченных Е. Поливанова и Г. Залкина, производивших сразу после Октябрьского переворота ревизию архивов.

«Совершенно секретно. Председателю Совета Народных Комиссаров. Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров тов. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее: 1) В архиве министерства юстиции из дела об «измене» тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от 2.03.1917 с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России. 2) Были пересмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина».

Ген. Людендорф в мемуарах писал: «Наше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения. Нужно было, чтобы Россия пала».

Комментарии, как говорится, излишни.

И 30 человек в опломбированном вагоне – без таможенных досмотров, без проверок паспортов – покатали через воюющую страну. Из Германии – в Швецию, оттуда – в Финляндию и... И вот тут Ленин стал звездой первой величины! Ведь это были первые политэмигранты, вернувшиеся в Россию! Остальные добирались окольными путями – через Францию, Англию, Америку. Помните, как у нас с первыми реэмигрантами в начале 90-х

носились? И тут то же самое. Сразу герои! Советы устроили им грандиозную встречу. И себя показать, и сыграть на этой акции. Считали, что получают козырь в давлении на Временное правительство. К тому же приезд Ленина 3 апреля совпал с Пасхой. Улицы были переполнены гуляющим народом. От Петросовета пришли встречать меньшевики, Чхеидзе со Скобелевым. Почетный караул, музыка. Какой-то капитан Ленину с шашкой наголо рапортовал. Прожектора, броневики. Повели в царские покои вокзала. Тут Ильича на броневик поставили – и с выкриков в толпу он начался как лидер. Шествие сопровождало машины с эмигрантами к дому Кшесинской, где размещался Петросовет, дорогу прожекторами высвечивали. И Ильич, войдя во вкус, полил разогретую толпу лозунгами вторично. Уже с балкона.

Четвертого апреля для Совета настало похмелье. Дважды на заседаниях социал-демократов в Таврическом дворце Ленин огласил «Апрельские тезисы», названные потом Плехановым «брeдом». Стало ясно, что Ильич приехал не для подмоги социалистам. Что «помогать» он вообще никому не будет. А будет дезорганизовывать работу всех других, чтобы получить себе все. Все, а не один из «портфелей». А уличная толпа, энергию и анархию которой правительство безуспешно пыталось стабилизировать, перенацелить в созидательное русло, – эта толпа наконец-то обрела «пахана», обладающего всеми подходящими чертами решительностью, хитростью, беспринципностью и приспособленчеством. В и без того булькающую брагу попал увесистый кусок свежих дрожжей. Толпа, конечно, не могла знать, что он и ее предаст, как предал коллег по партии. Предаст, когда надобность в разрушительной энергии хаоса отпадет. Но разве толпа когда-нибудь задумывается над подобными мелочами?

Народ все еще пьянел от вседозволенности. Промышленность вошла во вкус забастовок. Митинговали и бастовали по мельчайшим поводам. Уже в апреле выпуск продукции упал на 30–40 %. Требования поднять заработную плату намного превышали доходы предприятий (например, в Донбассе требования составили 240 млн. руб. в год при доходах 75 млн.). Локауты, забастовки в городах и на транспорте подрывали систему снабжениями, без того перегруженную войной. А это опять вело к недовольству и к новым забастовкам.

Как только ослабла центральная власть, активизировались национальные движения на окраинах. Сейм Финляндии потребовал независимости. Украинская Рада (т. е. тот же Совет) во главе с Винниченко и Петлюрой начала добиваться автономии (пока). Предъявили права на автономию Кубанское и Донское казачества. Сибирь и Закавказье потребовали для себя отдельных Учредительных Собраний. Северный Кавказ, «замиренный» всего полвека назад, забурился. Горские народы сразу вспомнили все обиды и счёты между собой, начались конфликты и драки.

Под шумок вместе с политическими, а потом в результате амнистий и массовых побегов вышли на свободу более 100 тыс. уголовников. В Россию хлынули каторжане, ссыльные. Многих тут же мобилизовали в армию (например, в Томском гарнизоне было 2300 уголовников). А те «жертвы старого режима», кто побойчее, не желая надевать шинель, удобно устраивались в местных Советах или в милиции под видом бывших «политических». Полицейский аппарат был уничтожен. Стремительно начала расти преступность. Новую базу для нее создавали многочисленные дезертиры, наводнившие страну оружием. А ведь, кроме правопорядка, полиция в царской России выполняла массу других функций: санитарного, пожарного контроля, статистики, сбора налогов и др.

Земельный вопрос корезил деревню. Явочным порядком по решению местных Советов то там, то здесь начали делить и пере-пере-делить землю. В Тамбовской и Тверской губерниях это вылилось в стихийные бунты с поджогами усадеб и убийствами. Что могло с этим поделат Временное правительство? Проводить государственные, политические, экономические, аграрные реформы оно считало себя не вправе – не могло взять такую ответственность. Эти вопросы предстояло решить Учредительному Собранию, выражающему

волю всего народа. Да и не те люди были в первом кабинете, чтобы ключевые проблемы решать с кондачка, абы заткнуть глотки недовольным. Насилие противоречило их убеждениям. А лгать и вешать лапшу на уши те демократы еще не умели. Не то было воспитание...

Однако самым губительным фактором стал развал армии. И произошел-то он всего за пару месяцев! Под ружьем было 12 млн. человек. Значительная часть мужского населения самых работоспособных возрастов. И эта армия уже не была кадровой, выученной и дисциплинированной, как в 1914-м. Кадровая армия, особенно пехота, была выбита в мясорубке войны. В 1915 году полегла практически вся лейб-гвардия. А войска 17-го на 90 % состояли из людей случайных, «только что от сохи», вырванных из обычной колеи и сбитых с толку. И уже были засорены возвращенными в строй дезертирами, «политиками» и уголовниками.

Сейчас этот факт подзабылся, однако Февраль первоначально вызвал на фронте волну патриотического подъема. И не только в России. В войсках Англии и Франции как бы проснулось «второе дыхание», умело подогретое патриотической пропагандой. Ведь теперь вся война приобретала новое содержание! Она превращалась в войну мировой демократии против остатков абсолютизма! С одной стороны – блок демократических держав, каковой стала и Россия, с другой отжившие свое монархии: Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария. Кстати, именно под этим соусом вошли в войну США. До того, несмотря на явные симпатии к странам Антанты и потопление немецкими подлодками нескольких нейтральных судов, Конгресс блокировал все предложения об участии в боине. Новое содержание – «битва за демократию!» – убедило большинство депутатов.

Но в России демократия почти сразу приняла губительные формы. Приказом № 1 от 1.03.17 Петроградский Совет давал солдатам «демократические» права митингов и демонстраций, отменял «чинопочитание». В ротах, полках, батальонах создавались солдатские комитеты с правом обсуждения приказов. Давалось право отстранять неугодных командиров... Все! В неустойчивую, военного времени армию хлынула политика... Потом разъясняли, уточняли, что приказ относится лишь к тыловым частям, а не к фронтовым. Спорили – все ли приказы подлежат обсуждению? Или только касающиеся «внутренней службы»? Было поздно, вооруженная темная масса все поняла по-своему. И армия поползла по швам. Второй удар последовал в мае. Из недр «демократической общественности» выползла «Декларация прав солдата». Против нее протестовали все военачальники. Военный министр Гучков отказался подписать ее. Но под давлением Советов Гучков ушел в отставку, и «Декларацию» подписал новый военный министр Керенский. Ушел и Верховный Главнокомандующий Михаил Васильевич Алексеев. Военачальник, бывший начальником штаба Ставки (т. е. фактически главнокомандующим) еще при царе. Главкомверхом стал генерал Брусилов.

«Декларация прав солдата»... Но не офицера! Фактически декларация не давала офицеру даже обычной дисциплинарной власти, законодательно распространяя уже на всю армию положения того же самого Приказа № 1. Естественно, в солдатские комитеты попали не служаки, не патриоты, а демагоги с хорошо подвешенными языками. Если командование не имело на них управы, то сами комитетчики всегда находили поддержку вплоть до столицы, обращаясь в Советы. В потоках митингов доступ к солдатам и право вести агитацию получили все – большевики, националисты, германские шпионы. Особенно быстро пошло разложение на участках, не познавших за всю войну крупных успехов – таких, как Северный и Западный фронты. Солдаты, одуревшие и измотанные однообразием позиционной войны, оказались благодатной средой для «бациллоносителей». Росло количество дезертиров. В некоторых частях комитеты самочинно проводили «демобилизацию старших возрастов», вводили отпуска «на время сева», «на уборку урожая». К чему воевать, если мир «без аннексий и контрибуций»? За что? Окопные части редели, изматывались без смены и поддержки и... тоже разлагались. А в тылу пухли огромные гарнизоны, «защищая революцию» и отвечая мятежами на любой намек об их отправке на фронт.

В апреле, когда меньшевик Якубович на митинге имел неосторожность назвать врагами народа сторонников борьбы до победного конца, солдаты чуть не сняли его с трибуны штыками. А уже через два месяца ситуация стала иная. На июнь-июль было намечено общее наступление, скоординированное с союзниками. Одним мощным ударом с двух сторон добиться перелома в войне и покончить с ней. Германия-то уже на ладан дышала, исчерпав все ресурсы. Но русская армия оказалась ни на что не годной. Юго-Западный фронт пошел вперед, добился успехов... и выдохся. А при первом же контрударе побежал. На Западном из 15 дивизий 10 отказались наступать. Те немногие, что подчинились приказу, естественно, захлебнулись в собственной крови. Северный фронт вообще даже не колыхнулся.

Правительство, потакающее Советам и нянчащееся с ними, постепенно скатывалось «влево». А государство – в бездну общего хаоса. Где с распростертыми объятиями его поджидали большевики...

4. Красные фальстарты

Если уж отбрасывать мифологические штампы, создававшиеся придворной историографией в последующие десятилетия, то нелишне отметить, что хорошо известная нам партия большевиков родилась вовсе не в 1903-м, а в 1917 г. Подавляющая часть дореволюционных деятелей, пивных теоретиков эмиграции, не вписалась в новые условия. Сошли с небосклона, затерлись и затерялись. Когда 7 апреля в «Правде» появились «Апрельские тезисы», там же было указано, что это – личное мнение тов. Ленина, не разделяемое редакцией и отвергнутое бюро ЦК большевиков. Но уже кончалось время старого бюро, старого ЦК и самой прежней партии. Безобидные теоретики и утописты должны были отойти в сторону или перетечь к меньшевикам. Благо, эта грань в социал-демократии оставалась еще зыбкой. А вокруг Ленина на германские деньги уже формировалась новая партия. Скажем, Троцкий со своими сторонниками, всегда считавшийся меньшевиком, теперь пришелся как раз в большевистскую струю. Присоединились крайне левые националисты типа Дзержинского, местные «рабочие» лидеры вроде Свердлова, Шаумяна, Фрунзе и просто головорезы наподобие Дыбенко и Кедрова.

До 17-го большевиков почти никто не знал. Эсеры имели опору в крестьянстве. Социал-демократы (меньшевики) – среди радикальной интеллигенции. Кто же мог составить опору большевикам? Квалифицированные рабочие, получавшие в царской России больше учителей и низших чиновников? Им большевики были не нужны. Разве что подсобники и сезонники – темные, малограмотные и засоренные деклассированным элементом (отсюда и центры большевизма – Баку, Донбасс, Иваново-Вознесенск). Но такие «кадры» были текучими, ненадежными. И в рабочем движении, и в революции 1905 г. большевики ошивались на вторых ролях. Их и наказывали мягче, чем эсеров с анархистами. Казнили разве что Бабушкина – но он с теми же эсеро-анархистами вез оружие повстанцам. Приговаривали и Фрунзе опять же за уголовщину, покушение на полицейского при исполнении обязанностей.

Но война плюс революция создали большевикам тот самый подходящий контингент. Многие рабочие-патриоты ушли на фронт. Зато на заводы в поисках брони хлынули всякого рода люмпены, деклассированный сброд, крестьяне (понятно, не из крепких хозяев – куда хозяин от земли денется). В связи с военными заказами рабочих требовалось больше, и на всех оборонных заводах росли массы подобной «лимить». Как уже отмечалось, шаткой и неустойчивой массой, вполне пригодной для большевистской агитации, стала к этому времени и армия.

В чем же заключался секрет быстрого успеха большевиков? Во-первых, весь марксизм они сумели свести к набору плакатных, ярких лозунгов. Такой социализм, до предела упрощенный – «все забрать и поделить» – как нельзя лучше устраивал самые забытые массы. Во-вторых, все беды и напасти большевики объясняли злыми намерениями правительства. Народ получал, не отходя от кассы, конкретного виновника бедствий и конкретный объект для ненависти. И, в-третьих, ленинцы не скупались на обещания немедленного решения всех проблем. Эти заведомо невыполнимые посулы действовали только в самых отсталых, необразованных слоях. Но ведь большевики на них и ориентировались! Другие политические группировки не оценили (да, наверное, это еще в головах тогда не укладывалось) столь мощного оружия, как откровенная ложь.

Керенский писал: «Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием полного невежества и преступных инстинктов части населения. Мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью – во что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушений и погромов».

Даже левые эсеры, по своей сути близкие к большевикам, возмущались: «Политика большевиков, играющих на народном недовольстве, демагогична и преступна».

Первой попыткой ленинцев, осуществленной с ходу, сразу по приезде в Россию, было намерение и в самом деле сыграть на таких инстинктах и подогреть народ до нового бунта, который сметет Временное правительство вслед за царем. В результате, уже 20–21 апреля в Петрограде вспыхнули крупные беспорядки. В районе Казанского собора произошла перестрелка (были убитые и раненые). Но стихийное выступление оказалось малоэффективным. К тому же, во главе Петроградского округа оказался решительный человек – ген. Корнилов, любимец армии. Одни части он сумел заставить вернуться в казармы. А безобразия прекратил бескровной демонстрацией силы – вывел на улицы надежные подразделения и выставил батарею у Зимнего.

Результаты? Советы и левые партии подняли такой вой, что Корнилов предпочел уйти с поста. На фронт. А первый кабинет Временного правительства в лучших традициях демократической республики вышел в отставку. Это ж не коммунисты были и не нынешние демократы. Честно отдавая себе отчет, что улучшить положение бессильны, честно ушли. Князь Львов сформировал второй кабинет, коалиционный, включающий представителей социалистических партий. А большевики?

Сделали выводы из своих ошибок, внесли поправки в планы и начали выпекать второй блин. Вооруженное восстание. Сначала Ленин предполагал приурочить его к 10 июня, к съезду Советов, чтобы передать им власть, а руководящее положение в Советах захватить для себя. Но позиция большинства съезда оказалась отрицательной, да и в Советы большевиков пускали еще неохотно. Попытку перенесли. Уже с помощью энергичного Троцкого, приехавшего из США и ринувшегося в дело, восстание началось 3 июля (что характерно – в самый разгар наступления на фронте и четко накануне германского контрудара). С оружием в руках выступил пулеметный полк, за ним – еще два полка, бронедивизион. Забастовала часть заводов. Поднялся Кронштадт, послав в столицу десятитысячный вооруженный отряд. Начались погромы, строительство баррикад. Ленин выступал перед вооруженными толпами с балкона дома Кшесинской. Колонны двинулись штурмовать Таврический дворец. Но опять сорвалось.

Большевики только учились работать. Четкого плана восстания у них, по-видимому, не было. Многие шло стихийно, самотеком. Синхронности достичь не удалось. Пулеметчики выступили 3-го, а штурмовой отряд из Кронштадта прибыл только 4-го. А правительство еще могло действовать решительно и располагало боеспособными частями. Юнкера Владимирского училища, несколько казачьих полков встали на его защиту, к ним присоединились отдельные роты гарнизона. На Садовой штурмующие колонны были встречены огнем и покатались прочь. Уже 5.07 восстание было подавлено. Например, атаку мятежного дивизиона броневиков отбили демонстрационной атакой учебных, невооруженных машин с... фанерной броней. Всего в ходе восстания погибло 56 человек.

После этого общественное мнение резко отвернулось от большевиков. Все социалистические партии выражали презрение заговорщикам. Партия Ленина притихла, как нашкодившая собачонка. Лидеры расплозились кто куда. Ленин и Зиновьев сбежали в Разлив. Троцкий, Каменев, Коллонтай были арестованы (впрочем, чисто номинально и ненадолго).

Второй кабинет Временного правительства опять развел руками в честных демократических традициях: нами недовольны – хорошо, мы уйдем. И ушел в отставку. Третий кабинет сформировал уже социалист А. Ф. Керенский, паритетный кабинет, с равным представительством либеральных и социалистических демократов. Керенский сосредоточил в своих руках власть и министра-председателя, и военного министра.

Первые шаги нового правительства, на которые оно решилось из-за большевистского путча и катастрофы на фронте, можно было лишь приветствовать. 12.07 – введение смертной

казни (только на фронте), 15.07 – закрыты «Правда», «Окопная правда», флотская «Волна». 18.07 – распущен финляндский Сейм, а Верховным Главнокомандующим назначен Л. Г. Корнилов.

Увы, это был лишь короткий единовременный прорыв... А большевики изучали свои ошибки, разбирали первые блины комом и спокойно готовили выпечку третьего. Новое выступление было намечено на конец августа.

5. Лавр Георгиевич Корнилов

*Смело, корниловцы, в ногу!
С нами Корнилов идет...*

Песня Корниловского полка, впоследствии переделана красными

Жизнь – легенда. Красивая, яркая сказка. Он родился 31 августа 1870 г. в сибирском городишке Четь-Каменогорске в семье простых казаков-землепашцев. Мать работу по хозяйству везла да детишек рожала. Отец выслужился до первого офицерского чина и вышел в отставку, не в силах содержать на жалованье подхорунжего многочисленное семейство. Стал работать писарем в родной станице.

Мальчишкой Лавр, как положено, и в крестьянском хозяйстве трудился, и братьев-сестер нянчил. Закончил два класса церковноприходской школы. Еще 2 года доучивался сам, урывая время ото сна после повседневной нелегкой работы.

В 1883-м поступил в Сибирский кадетский корпус. Окончил первым учеником. Затем Михайловское артиллерийское училище и – назначение в Туркестан. Новоиспеченный офицер еще ничем не выделялся. Разве тем, что в свободное от службы время продолжал учиться. Плюс изучал туземные языки. Плюс... подрабатывал частными уроками, потому что семья отца бедствовала.

В 1895-м поручик Корнилов поступает в академию Генштаба. Окончил ее опять первым. И снова – в «горячую точку». Туркестан, афганская граница. Тут он и проявил впервые свою натуру. Упомянул как-то генерал Ионов о выстроенной афганцами таинственной крепости Дейдади, где базировались враждебные племена, угрожающие русской территории; 23-летний капитан, услышав это, на следующий день испросил отпуск и исчез... В одиночку, на свой страх и риск, он перешел границу. Верхом проскакал больше 400 км по территории, запретной для европейца. А через три дня вернулся, представив генералу фотоснимки крепости, описание укреплений и планы местности.

Корнилова заметили. Направили для исследований на Кушку, потом – в Китай. Через полтора года он проявил себя как незаурядный ученый-востоковед, выпустив книгу «Кашгария, или Восточный Туркестан». В 1901 г. его командируют с научной экспедицией в Персию. Корнилов стал первым, кто пересек страшную пустыню, называемую Степью Отчаяния, которую сами персы считали непроходимой. Он публиковал научные статьи в географических журналах, о нем заговорили как о путешественнике, достойном преемнике Пржевальского, Семенова-Тян-Шанского. Казалось бы, дело жизни определилось. Ученый. Исследователь. В 1903 г. – новая экспедиция, в Индию. Но в Белуджистане путешествие прервалось известием о войне...

Под Мукденом Корнилов впервые проявил себя как полководец. 1-я стрелковая бригада, в которой он был начальником штаба, прикрывала отход русской армии. Японцы окружили ее, но благодаря Корнилову бригада пробилась в полном порядке, вынеся всех своих раненых. За это дело Корнилов был произведен в полковники и получил Георгия 4-й степени. В мирное время он – военный представитель в Китае. Новые путешествия, новые экспедиции. За 5 лет объездил Монголию, Китай, Илийский край, Синьцзян, Кашгарию...

На мировую войну Корнилов пошел командиром бригады, а 25 августа 1914 г. был назначен командиром 48-й пехотной дивизии 8-й, Брусиловской, армии. С первых же боев 48-я прославилась на всю Россию. Ее называли Стальной. А бок о бок со Стальной дралось другое знаменитое соединение, 4-я стрелковая бригада, тоже впоследствии развернутая в

дивизию. Ее называли Железная. Командовал ею АИ. Деникин. Так впервые соединились судьбы двух генералов, выходцев из крестьянской среды. Пересеклись, чтобы остаться связанными до конца.

Корнилова называли «новым Суворовым». Поклонник суворовской тактики: дерзость, стремительность, блестящие удары. Огромное человеческое обаяние, простота и доступность, отчаянная личная храбрость. Подчиненные боготворили его. И офицеры, и многие солдаты мечтали попасть к Корнилову, хотя его части всегда были на острие удара, бросались в самое пекло. Уже в самом начале войны войска Корнилова и Деникина вызвали потрясение во вражеском лагере, прорвавшись через Карпаты в Венгрию. При отходе из Карпат в 1915 г. Корнилов с горстью храбрецов-добровольцев прикрывал отступление русских частей. Был тяжело ранен и попал в плен. Австрийцы поместили его в крепости Нейгенбах. Зная натуру генерала, строго охраняли. Но Корнилов, едва оправившись от ран, начал симулировать болезнь, измождая себя голодом. И едва его поместили в тюремную больницу – бежал. Передвигаясь по ночам и ориентируясь по звездам, питаясь чем попало, порой выдавая себя за дезертира, пробрался через фронт к своим. Его наградили Георгием 3-й степени и назначили командиром 25-го корпуса.

Когда в дни революции возникла опасность, что столичный гарнизон станет неуправляемым, появилась угроза всеобщей анархии и погромов, председатель Государственной Думы Родзянко, лично знакомый с Корниловым, 2.03 направил телеграмму именно ему – корпусному командиру, минуя вышестоящее начальство. Приглашая прибыть в Петроград «для спасения столицы от анархии». И Корнилов прибыл (правда, все-таки согласовав со Ставкой). 7.03 по предписанию Временного правительства как раз он произвел арест Николая II и императрицы.

Военный министр АИ. Гучков начал реформы в армии. В частности, высшие эшелоны командования очищались от бездарностей, державшихся благодаря протекциям и родственным связям при дворе. На смену выдвигались энергичные, талантливые полководцы, проявившие себя на деле. В их числе Корнилов, Деникин, Ханжин, Крымов, Марков. Корнилов стал командующим Петроградским округом. И впервые за свою карьеру не прижился. С одной стороны – разлагающиеся войска, не желающие подчиняться. С другой – правительство, как огня боящееся крутых, «контрреволюционных» мер. Предпочитающее уступку за уступкой, соглашательство с Советами. И после попыток навести порядок, после разгона выступления большевиков в конце апреля Корнилову «намекнули». Да он и сам не держался за пост, высокий лишь по названию, за столичную стихию бестолковых митингов и нечистой политики. Ушел на фронт командующим 8-й армией.

Приняв ее в плачевном, полуразваленном состоянии, сделал что мог. 18.06 началось наступление. После двухдневной мощной артподготовки 7-я, 8-я, 11-я армии Юго-Западного фронта двинулись вперед. Сначала довольно удачно. Врага опрокинули, взяли 30 тысяч пленных. Армия Корнилова заняла Галич и Калуш. Но порыв «революционных», забывших о дисциплине войск быстро выдохся. А 6.07, подтянув резервы, австро-германцы нанесли контрудар. И 11-я армия, бросив все имущество и вооружение, побежала, увлекая соседей. Отступающие части превратились в обезумевшие толпы. Катились по своей земле, сметая все на пути. Грабежи, убийства, мародерство. 7.07, в разгар катастрофы, Корнилова назначают командующим Юго-Западным фронтом. И он начинает говорить с правительством языком жестких требований. А зачастую и собственными приказами наводит порядок, лишь ставя в известность Керенского и Брусилова. И «демократы», напуганные случившимся, безоговорочно принимали ультиматумы Корнилова, а его приказы по фронту распространяли на всю армию. Так, с 12.07 на фронте была восстановлена смертная казнь. А Корнилов, заявив, что только ценой жизни немногих негодяев можно спасти тысячи невинных, взялся круто.

Убийц и мародеров он приказал расстреливать, а трупы выставлять на перекрестках дорог с надписями. Он запретил митинги, требуя их разгона силой оружия.

Еще будучи командующим армией, он сформировал особые ударные отряды. Из офицеров, отстраненных комитетами и оставшихся не у дел, из юнкеров, из солдат-добровольцев. Эти части помогли стабилизировать фронт. Нанесли удары по обнаглевшему врагу, наступающему беспрепятственно. Боролись с бандами дезертиров-наильников. Остановили бегущие полки. Добровольцы-корниловцы – это были первые зародыши будущих добровольческих армий... А Корнилову действия по ликвидации катастрофы создали новую славу. Общественность заговорила о нем как о возможном спасителе страны... И. А Бунин писал: «Как распоясалась деревня прошлым летом, как жутко было там жить! И вдруг слух: Корнилов ввел смертную казнь – и почти весь июль было тише воды, ниже травы. А в мае, в июне по улице было страшно пройти, каждую ночь то там, то здесь красное зарево пожара на черном горизонте».

Когда наступление на Западном и Северном фронтах провалилось еще более позорно, чем на Юго-Западном, Верховный Главнокомандующий Брусилов был снят. 18.07 на эту должность назначили Корнилова. Первый главковерх времен революции, Алексеев, пытался сохранить армию лояльной, вне политики. Этого ему не удалось. Политика сама хлынула в армию, разрушая ее. Второй главковерх, Брусилов, верил в «революционные» начала армии. Шел на поводу у комитетов и кланялся солдатам на митингах. Это лишь усугубило развал до катастрофического масштаба. Третий главковерх, Корнилов, сделал вывод, что спасти армию в отрыве от всего общества бесполезно. И решил воздействовать на государственную политику активно. Спасая и армию, и Россию...

Уже вступая в должность, он ультимативно заявил правительству, что может принять пост лишь при условиях ответственности перед своей совестью и всем народом; полного невмешательства в его оперативные распоряжения и распространения мер строгой дисциплины на тыловые части. Управляющим военным министерством был назначен другой жесткий и волевой человек – Б. В. Савинков. Террорист, социалист по убеждениям, романтик борьбы и диктатор по натуре. С Корниловым он познакомился на Юго-Западном фронте в должности комиссара Временного правительства, всецело поддержал его и помогал проводить в жизнь меры по ликвидации катастрофы. Нет, простотой и искренностью Лавра Георгиевича он не обладал. Савинков был политиком – хитрым, гибким, опытным. Но он был патриотом, человеком действия, и трезво видел, что средства для спасения России требуются решительные.

А обстановка снова начала ухудшаться. Армия, отрезвленная было июльским позором, опять замитинговала. То там, то здесь прокатывались волны беспорядков. Контрразведка докладывала непроверяемые данные, что в последних числах августа ожидается новый путч большевиков, совмещенный со всеобщей забастовкой транспортников.

К тому же министр-председатель Керенский, едва отойдя от июльского шока, снова шатнулся влево, к Советам и «социализму». Беспринципные политики левых партий были ему ближе и роднее, чем деловое офицерье. И – сама Власть! Ореол кумира! Можно ли будет их сохранить без тех же Советов, без митинговщины? Либо Керенский действовал чисто интуитивно из солидарности с коллегами по партии, да еще и будучи Товарищем председателя Петроградского Совдепа. Либо понимал, что с единственным талантом – демагога – в деловом, нормальном правительстве он окажется не у дел. Он боялся и персонально Корнилова, боялся своего помощника Савинкова – чуть ли не больше, чем Ленина и Троцкого. Тем не менее, под влиянием общественности, кадетской части правительства Керенский до поры вынужден был лавировать, маскировать свои колебания.

А к Корнилову шли письма и петиции. Приезжали делегации, изливающие обиды. И казаки, и помещики, и общественные деятели, и офицеры, изгнанные из частей, и члены

семей офицеров, убитых солдатней. Россия взывала к Корнилову, и он начал действовать. Нет, не против правительства. А в поддержку правительства, в согласии с ним. Он подготовил для Временного правительства докладную записку, в которой изложил реальный план спасения России:

- 1) распространение на тыловые районы военно-революционных судов;
- 2) ответственность перед законом Советов и комитетов за свои действия;
- 3) восстановление дисциплинарной власти начальников и реорганизация армии.

Уже 3.08, приехав для доклада в Петроград, Корнилов был шокирован. Его конфиденциально предупредили, что на заседании правительства нельзя... докладывать военные вопросы! Все тут же станет известно противнику «в товарищеском порядке». И намекнули на министра земледелия эсера Чернова. В самом правительстве уже были шпионы, и мало того – правительство знало об этом! А записку Корнилова Керенский принял, но на рассмотрение кабинета не вынес. Зато на следующий день цитаты из этой записки появились в социалистической печати. Началась бешеная травля «контрреволюционного» генерала. Советы потребовали его отставки и даже ареста.

Тем не менее, конкретная и близкая угроза большевистского переворота требовала действий. При посредничестве Савинкова и Филоненко (комиссара при Ставке) был выработан и согласован с правительством план создания надежной Петроградской армии. Для этого предполагалось подтянуть к столице 3-й конный корпус, 7-ю Туземную (Дикую) дивизию, тоже развернув ее в корпус, Корниловский ударный полк и другие части. И при очередном выступлении большевиков разгромить их. Если же путч поддержат Советы – разогнать их за компанию. Однако и этот план, несмотря на все устные соглашения, Керенский тоже долго мурьжил и претворять в жизнь отнюдь не спешил. 10.08 Корнилов был снова вызван в Петроград. Верные текинцы личного конвоя отказались пустить его в столицу одного. Вызвав переполюх, эскадрон туркмен прибыл в Петроград и во время визита Корнилова в Зимний дворец выставил у крыльца два пулемета. Снова ходили вокруг да около, снова генерала запутывали в политических дебрях, и снова визит кончился безрезультатно.

Наконец, 11.08 Савинков и кадетское крыло правительства пригрозили отставкой. Керенский вынужден был вынести записку Корнилова на очередное заседание. Ее заслушали, но решение было отложено до Московского Государственного совещания. От этого совещания с представителями различных слоев населения, общественности, партий и промышленных кругов ждали многого. Туда тоже приезжал Корнилов. Москва встретила его восторженно, забрасывали цветами. Представители от Думы и кадетской партии обещали поддержку его начинаниям. А Керенский... попытался лишить слова. Но к каким-то реальным результатам совещание не привело. Вылилось в пустую говорильню. Каждый высказывал свое, и никто не хотел воспринимать противного...

После провала этой попытки прийти хоть к какому-нибудь соглашению обозначился единственный реальный выход – диктатура. Кстати, к собственной единоличной диктатуре Корнилов отнюдь не стремился. Политика была противна ему, как и большинству офицеров. И личная диктатура допускалась как крайность, если ничего другого не получится. Все еще предполагая, что разум во Временном правительстве победит, Корнилов высказывался за коллективную диктатуру правительства. Согласно его предположительному списку, в новый кабинет следовало пригласить Керенского, Савинкова, Плеханова, Аргунова, Филоненко, ген. Алексеева, адм. Колчака, кн. Львова и др. Не будучи ни монархистом, ни кадетом, ни социалистом, а лишь русским патриотом, он считал, что новый кабинет правительства должен «осуществлять строго демократическую программу, укрепляя народные свободы, и поставить во главу угла решение земельного вопроса». И твердой рукой довести страну до общенародного волеизъявления Учредительного Собрания. Династию Романовых он считал

дискредитировавшей себя. Если же Учредительное Собрание сочтет нужным восстановить ее, он отвечал: «Подчинюсь и... уйду».

20 августа в результате небольшой, частной операции германских войск пала Рига. Разложившаяся 12-я армия бежала без боя. Бежала, далеко оторвавшись от противника, не думая ее преследовать. Когда выяснилось, что немцы дальше не идут, армия вынуждена была возвращаться! И лишь тогда правительство наконец-то приняло постановление о военном положении в Петрограде. Но его введение в действие откладывалось до 29.08 – до подхода к столице конного корпуса. Из опасения стихийного взрыва в бардаке партий, Советов, анархического гарнизона и разболтавшихся рабочих окраин. Причем и правительство было согласно, что «если на почве предстоящих событий, кроме большевиков, выступят и члены Совета, то придется действовать и против них».

К этому времени были подготовлены и законопроекты по докладной записке Корнилова – о мобилизации в нуждах фронта промышленности и транспорта, введении смертной казни, укреплении армии. Но Керенский пока не подписывал их. Считалось – из тех же соображений. Чтобы возможная реакция на них не встретила правительство безоружным.

Войсковые эшелоны начали движение к столице. Вроде бы все шло к благополучной развязке. Если и не бескровной, то малой кровью. Ведь серьезно вступать в бой «за Советы» никакие тыловые бездельники не собирались. Корнилов мог бы стать новым Пожарским. Но дело в том, что другой «спаситель» – политик Керенский – примерял себе другую историческую роль – Бонапарта. И Пожарский в его сценарий никак не вписывался...

6. Генерал Крымов

Кавалергарда век недолог...

Б. Окуджава

Командующим новой, Петроградской армией стал Александр Михайлович Крымов, весьма яркая личность и, наверное, один из последних представителей лихой гусарской романтики Дениса Давыдова и декабристов. Блестящий кавалерист, талантливый командир и отчаянный рубака. «Третья шашка» России. (Первой считали графа Келлера, второй – ген. Каледина). Крымов, кстати, был одним из тех, кто ради спасения России готовил заговор против Николая II. В число заговорщиков входили депутаты Думы, офицерство, даже члены императорской фамилии. Предполагалось последнее обращение к царю одного из великих князей. Если не поможет – вооруженной силой остановить императорский поезд по пути из Ставки и заставить отречься, вплоть до физического устранения при несогласии. И поставить на трон наследника Алексея при регентстве Михаила Александровича. Переворот планировался на начало марта. Судьба решила иначе...

14.03.17 Гучков вызвал Крымова, командовавшего Уссурийской казачьей дивизией, в столицу, предлагая ему ряд высоких должностей. Но, осмотревшись, генерал отказался. Сказал, что у правительства, которым вертят Совдепы и разнузданная солдатня, ничего не выйдет. И предложил, в свою очередь, за два дня очистить Петроград от всякого сброда одной своей дивизией. Временное правительство в ужасе отклонило такую помощь, и Крымов вернулся на фронт. После того как «шашка номер один», монархист Келлер, отказался присягать революции, Крымов принял у него 3-й конный корпус, считавшийся одним из лучших кавалерийских соединений.

Скептически настроенный, при усиливающемся развале он сначала рассчитывал только на собственные силы. Предполагая в скором будущем падение фронта и захват власти большевиками, он планировал опереться на преданный ему корпус. Крымов, готовя будущую базу, связался с Киевом – полками гвардейской кавалерии, училищами. И собирался в случае катастрофы форсированным маршем двинуться к Киеву, занять его и бросить оттуда клич на всю Россию, собирая офицерство и уцелевшие патриотические силы. Но когда главноверхом стал Корнилов, Крымов связал все надежды с ним и отдал ему себя без остатка. 12.08 по согласованию с Временным правительством его корпус был двинут к Петрограду, а Крымов был вызван в Ставку и назначен командовать всей формируемой армией. Командиром его корпуса стал генерал П. Н. Краснов.

24.08 в Ставку приехал Савинков, и казалось, уточнил все детали, согласованные с Керенским. 26.08 Крымов выехал к войскам, имея задачу в случае выступления большевиков немедленно двинуться на Петроград, разоружить гарнизон и население. Если большевиков поддержат Советы – разогнать и Советы, после чего вывести на материк и разоружить гарнизон Кронштадта. Уезжал он с тяжелым сердцем и дурными предчувствиями. Он не верил, что все пройдет гладко, и не ошибся. В последнюю минуту министр-председатель предал. Порвать с «социализмом» он так и не решился и внезапно шатнулся влево, к товарищам по партии.

Предшествовала этому провокация. Бывший член правительства В. Львов, человек честный, но легкомысленный, большой путаник, воспылил желанием уладить трения между Керенским и Корниловым. Побеседовал с министром-председателем и от его имени помчался в Ставку. Корнилов принял его, побеседовал о государственных реформах, о необ-

ходимости диктатуры (причем обсуждалась коллективная диктатура в форме Совета народной обороны). Говорилось об участии Керенского в новом правительстве. В связи с опасностью событий в Петрограде, Корнилов пригласил членов правительства в Ставку, ручаясь за их неприкосновенность (между прочим, как потом выяснилось, он даже комнату Керенскому приготовил рядом с собственной спальней).

26.08 Львов вернулся к Керенскому. А тот уже ждал его с детективным сценарием! Посадив за занавеску свидетеля, потребовал у Львова изложить все письменно... и арестовал как посланца изменника-генерала. Затем, опять при свидетелях, он от имени Львова связался по телеграфу с Корниловым. И попросил подтвердить сказанное при встрече (не называя, что именно). Корнилов подтвердил. И тогда Керенский завопил на всю столицу о раскрытии им, спасителем революции, «заговора генералов». Состоялось бурное заседание правительства, закончившееся ничем. Керенский хлопал дверью и кричал, что, раз министры его не поддерживают, он уходит к Советам. А 27.08, уже наплевав на правительство, он самочинно присвоил себе «диктаторские полномочия» и единолично отстранил Корнилова, приказав вступить в должность ген. Лукомскому. Тот отказался. Предложил ген. Клембовскому – и он отказался. А Корнилов, заявив, что «правительство снова попало под влияние безответственных организаций», не подчинился приказу. Впрочем, юридически министр-председатель даже не имел права единолично снимать Верховного Главнокомандующего.

28.08 Керенский потребовал отмены движения войск к Петрограду. Корнилов отказался, выступил с резким воззванием к народу, а приказ Крымову дополнил требованием при необходимости оказать давление на правительство. Петроград был в панике. Керенский объявил Верховным Главнокомандующим самого себя и собирался то обороняться, то бежать. Советы тоже серьезно думали о бегстве. Савинков, назначенный генерал-губернатором, пытался сформировать оборону из ни на что не годного гарнизона, не желающего сражаться. Корнилов и его сподвижники были объявлены мятежниками и изменниками... А большевики, своевременно отменив путч, под шумок получали у правительства оружие, вооружая Красную гвардию (которая в окопы так и не выступила).

И... ничего не произошло. Демарш Керенского оказался слишком неожиданным. Эшелоны с войсками растянулись на огромном пространстве от Пскова до Нарвы и Петрограда. Железнодорожники и станционные комитеты, узнав о «мятеже», загоняли их в тупики, отцепляли паровозы, разбирали пути. Движение прекратилось. Сотни и полки были оторваны друг от друга, лишены управления. К тому же казаки и горцы были сбиты с толку. Ведь они-то ехали защищать Временное правительство, а сейчас то же правительство клеймит их изменниками! И тотчас остановившиеся эшелоны были атакованы агитаторами и делегациями всех мастей...

Только бригада князя Гагарина, Черкесский и Ингушский полки на подступах к столице вступила в перестрелку с «советскими» войсками. Причем петроградские запасные батальоны грудью стоять не собирались. При движении горцев разбежались без боя. Но идти дальше всего двумя слабыми полками Гагарин не решился: только столичный гарнизон превышал 200 тыс. чел.

Войска, застрявшие в эшелонах, пошли бы за любимыми командирами – но и их не оказалось. Крымов ждал их в Луге. Краснов отбыл в корпус лишь 28.08 и в Пскове был арестован. А Корнилов находился в Могилеве, располагая Корниловским и Текинским полками в 3 тысячи человек. Он еще имел шанс на успех – возглавить поход самому и увлечь войска. Но это значило бы бросить Ставку на разгром Советам, уже формирующим карательные отряды. Погубить все управление фронтами. Сделать этого Корнилов не мог.

Генерал М. В. Алексеев скрепя сердце «принял на себя позор», согласившись на должность начальника штаба у Керенского. Только чтобы спасти Корнилова и его сподвижников от самосуда. И от «военно-революционного» суда, на котором настаивал Керенский, чтобы

побыстрее похоронить концы в воду. 1.09 Алексеев принял дела у Корнилова (а до этого Временное правительство предложило «изменнику» продолжать оперативное управление войсками! И войскам предписало выполнять его приказания!). Корнилов, Романовский, Лукомский и ряд офицеров были взяты под следствие и заключены в г. Быхове в здании монастыря. Алексеев тут же вышел в отставку.

28.08 был арестован и главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. И. Деникин – за то, что выразил солидарность с Корниловым резкой телеграммой правительству. С ним арестовали генералов Маркова, Эрдели и других. Арестованные несколько дней подвергались глумлениям, чудом остались живы. Солдатня сутками висела на решетках их камер, поливая бранью. Вокруг тюрьмы бушевали распоясавшиеся толпы. Несколько раз возникла опасность самосуда. Генералы, арестованные в Ставке, избежали таких издевательств – охрану Корнилова никому не уступил верный Текинский полк.

А Крымов остался в Луге без войск 31.08 Керенский обманом вызвал его в Петроград. Якобы чтобы потушить конфликт, закончить его миром и согласием... Какой разговор состоялся между ними – не знает никто. По свидетельствам очевидцев, из-за дверей кабинета доносился гневный голос Крымова, обличавший министра-председателя. Выйдя от Керенского, он выстрелил себе в сердце.

Но не суждено было генералу погибнуть смертью самоубийцы. Его добились в Николаевском госпитале. Добили «революционеры» – фельдшера, санитары и прислуга, поливая бранью и срывая повязки. Впрочем, ходили упорные слухи и о том, что выстрел в Крымова произвел кто-то из порученцев министра-председателя – в ответ на пощечину Александру Федоровичу. Керенский разрешил вдове похоронить его только ночью в присутствии не более девяти человек, включая духовенство. «Крест деревянный иль чугунный...»

А 2.09, после смерти Крымова и ареста Корнилова, новый Верховный Главнокомандующий, военный министр, министр-председатель Керенский, спаситель революции, отдал приказ 3-му конному корпусу возобновить движение в район Петрограда.

7. Накануне переворота

*Я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России,
как А. Ф. Керенский.
Н. В. Родзянко, 1922 г.*

В дни Корниловского «мятежа» Керенский, опираясь на Советы, распустил третий кабинет Временного правительства, отказывавший ему в «диктаторских полномочиях» и предлагавший мирное разрешение конфликта с главковерхом. В сентябре он сформировал новый кабинет, уже социалистический. Но, став властью, эсеры и меньшевики сели на сук, который сами же подрубили. До сих пор «углублявшие революцию», все «разрешавшие» постановлениями Советов, теперь они оказались вынуждены запрещать, сдерживать и ограничивать. И мгновенно потеряли опору в массах, которые сами же развратили и приучили кричать «долой!». Мало того, с «полевением» правительства мгновенно «полевели» Советы. Если их умеренные лидеры теперь выступали в поддержку властей, то вся негативная, разрушающая, то есть основная, энергия Советов досталась ультралевым группировкам. В июне представительство большевиков в центральных советских органах составляло 13 %. А в сентябре они захватили в Петроградском совете большинство.

В самих партиях эсеров и меньшевиков начался раскол. Играя на тех же негативных программах «углубления революции», тотального критиканства, на арену выходили новые лидеры. От социал-демократов отделились меньшевики-интернационалисты Мартова, а от эсеров – мощное левое крыло во главе с М. Спиридоновой. Те и другие по своим лозунгам и программным установкам примыкали к большевикам. Последние месяцы существования российской демократии утонули в потоках говорильни. Вслед за бестолковым Московским Государственным совещанием в сентябре было создано Демократическое совещание. По замыслу инициаторов из ЦИК, оно должно было создать «единый демократический фронт» и образовать «революционный парламент». Не тут-то было! Снова высказывали каждый свое, выливали друг на друга взаимные обвинения и претензии. Формулу о необходимости коалиции приняли «за основу» 766 голосами против 688. «В целом» резолюцию о необходимости коалиции отвергли 813 голосами против 183.

Из состава совещания был избран «предпарламент» как совещательный орган всех российских партий до созыва Учредительного Собрания. Позднее переименованный во Временный совет Российской республики, он захлебывался речами, истекал словесным поносом, ломал копья из-за мелочных формулировок и утопал во взаимной грызне вплоть до самого большевистского переворота.

Если первый кабинет Временного правительства старался не предрешать главных вопросов государственного устройства, являющихся прерогативой Учредительного Собрания, то четвертый кабинет наплевал на это. Он уже шел на уступки во всем, полностью потакал Советам, но даже с этим никто не считался. 4.09 были выпущены на свободу июльские «гэкачеписты»-большевики, и Троцкий стал председателем Петроградского совдепа вместо «умеренного» Чхеидзе.

Керенским была «приостановлена», а 16.10 вообще отменена смертная казнь на фронте. Одновременно были приняты законы о земле и мире. Первым из них Временное правительство до Учредительного Собрания отдавало всю землю крестьянам (а они ее давным-давно сами захватили и поделили). Вторым законом правительство начинало «энергичную мирную политику». Декларацией от 25.10 предусматривалось послать на союзническую конференцию в Париже М. Скобелева, везшего от ЦИК наказ с условиями мира. Мир без аннексий и контрибуций. Отмена тайной дипломатии. Гласность в вопросах о целях

войны. Постепенное разоружение на суше и на море. Самоопределение Польши, Литвы, Латвии. Восстановление прежних границ с плебисцитом в спорных областях. И т. д. (Как нетрудно увидеть, ленинский «Декрет о мире» стал лишь выкопировкой с этой программы).

Но, несмотря ни на какие уступки, ни на какое соглашательство, с правительством не считались. Оно уже не имело никакой опоры. Ни справа, после подавления Керенским выступления Корнилова, гонений на офицерство и предательства либеральных партий, которые были для него слишком «контрреволюционными». Ни слева. Оттуда рвались к власти новые лидеры. Троцкий 25.10 откровенно заявил от имени Петросовета: «Правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ – долой!»

А в стране творился хаос. Погромы, беспорядки, самосуды, преступность. Появилась угроза настоящего голода. Например, в транспортах с хлебом, идущих в Петроград, из 200 тыс. пудов были разграблены по пути 100 тыс. Прифронтовая полоса вообще стала адом. Разложившиеся воинские части громили крестьянские хозяйства, отбирали скот и зерно, разбивали спиртзаводы, пьянствовали и бесчинствовали.

Окраины продолжали самоопределяться. Вслед за Северным Кавказом анархия и междоусобицы охватили Туркестан.

Финляндия знать не желала Россию. Украинская Центральная Рада заявила о суверенитете, начала организацию вооруженных формирований, и Временное правительство потащило ей, объявило о создании национальных частей. В первую очередь – украинских, на базе 34-го корпуса ген. Скоропадского. И корпус стал получать прямые указания из Киева от Генерального военного секретаря Петлюры!

В разгар общего развала начали входить во вкус забастовок железнодорожники. Советы явочным порядком повели кампанию «социализации» предприятий. Инженеры и мастера подвергались таким же гонениям, как офицеры на фронте, уходили. Продукция и инструменты разворовывались. В результате к октябрю закрылись до тысячи заводов и фабрик Сотни тысяч безработных... Они стали готовым пополнением для большевистской Красной гвардии.

С дней корниловского выступления, кроме прежних Советов и комитетов, расплодились всевозможные «ревкомы», «комитеты охраны революции», которые сейчас мы объединили бы под названием «незаконных вооруженных формирований». 4.09 правительство попробовало распустить их, объявив, что «самочинных действий в дальнейшем допускаемо быть не должно». Но в этот же день Исполком Советов издал резолюцию, чтобы эти органы «работали с прежней энергией».

Армия фактически уже не существовала. Очередной крупной чисткой после «корниловщины» были уволены с постов военачальники и офицеры «контрреволюционные», т. е. пытавшиеся поддерживать хоть какой-то порядок. Других офицеров сами солдаты отстранили или убивали как «корниловцев». Оставались в строю лишь те, кто шел на поводу у комитетов. И сами комитеты переизбирались. Сначала в них еще хватало «оборонцев»: наступать не пойдем, но страну защитим, а к октябрю в комитеты избирались вожаки самой махровой анархии. Дезертировали уже толпами. «Лучшие» – по домам, к земле. Худшие превращались в шайки грабителей. Подобным шайкам ничего не стоило получить легальный статус, окопавшись в подчинении любого местного Совета.

После Алексева, Брусилова, Корнилова Ставку возглавил ген. Духонин. Старый честный служака, он уже ничего самостоятельно не предпринимал. Довольствовался ролью «технического советника», получая распоряжения из Петрограда и передавая их в войска. Ставка начала работать вхолостую.

29.09 Германия главными силами флота и десантной дивизией нанесла удар по Моонзундским островам. Как и взятие Риги, это тоже была частная операция. Германия всячески удерживала своих самых горячих генералов от наступления на Петроград! Запрещала его брать! Ведь это могло всколыхнуть Россию, вызвать волну патриотического подъема, а немцам сепаратный мир был куда нужнее громких побед. Своими частными ударами они лишь подталкивали Россию к такому миру... В Моонзундских боях сопротивление оказали очень немногие. За неделю архипелаг был захвачен, взяты 20 тыс. пленных, более 100 орудий. Команды первоклассных линкоров и крейсеров в Гельсингфорсе так и не вышли в море. Промитинговали, рассыпая героические радиogramмы, когда в нескольких часах хода погибали в подавляющем меньшинстве их «братишки» – экипажи нескольких миноносцев и двух устаревших, слабых броненосцев, менее зараженные большевизмом. Немцы высадились в Эстонии. Военный министр Верховский и морской министр Вердеревский что-то лепетали армии и флоту о «новой демократической дисциплине». Большевики за это осмеяли их и подвергли яростным нападкам в печати.

Правительство будто зависло в вакууме и держалось только по инерции. И еще потому, что большевики пока что не спешили. В новых условиях они готовились капитально, чтобы взять верх наверняка. Новый их план был, в сущности, простым. «Будить» и агитировать всю Россию с тогдашними их силенками ста лет не хватило бы. Да и поддержала бы она? Но зачем – всю? Они учли специфические свойства российской психологии: кто на трон залез, тот и власть. А с власти в России спросу нет. Разве не так было во все века при дворцовых переворотах? Значит, требовалось лишь захватить самую верхушку, а уже потом с помощью рычагов власти строить «сверху» социализм по ленинским проектам. Опыт прошлых неудач они хорошо учли, и подготовиться старались почетче. Но, с другой стороны, осень 17-го была их последним шансом. Им уже действительно «приспичило».

Во-первых, в декабре намечался созыв Учредительного Собрания. Изначально выборы в этот орган предполагались по окончании войны, но поскольку ей конца-краю так и не было видно, а развал государства все углублялся, было решено ускорить созыв. Выиграть в честной демократической борьбе у большевиков не было ни малейших шансов. Оставалось взять власть до Учредительного Собрания.

Во-вторых, разложение армии, начатое демократами и продолженное большевиками, шло так стремительно, что напугало их самих. Она грозила превратиться в неуправляемую силу, не способную воспринять даже большевистские лозунги, и вместо поддержки переворота стать аполитичным вооруженным стадом, опасным для самих большевиков.

В-третьих, правительство взывало к союзникам о неспособности России вести войну, конференция по этому вопросу должна была начаться в Париже в августе, потом была перенесена на 28 октября (из-за падения Временного правительства так и не состоялась). И так – еще немного, и надежды на мир могли начать связываться уже не с большевиками.

В-четвертых, на 30.1 был назначен Съезд советов крестьянских депутатов. ЦК левых эсеров, видя обострение обстановки, потребовал ускорить его созыв. Дату съезда перенесли на 5 ноября. В частности, там планировалось обсудить эсеровскую аграрную программу, разработанную на основе опросов в деревнях, «Крестьянского наказа о земле» и их анализа. И так – еще немного, и разрешение аграрного вопроса тоже связалось бы не с большевиками.

Идеологическая обработка населения шла по нескольким направлениям. С конца августа большевики взяли на вооружение жупел – «корниловщина», которым не уставали размахивать, пугая народ. И лепили ярлык «корниловцев» всем, кто пробовал противодействовать их акциям. Второй демагогический лозунг, на котором они спекулировали в эти месяцы – Учредительное Собрание, которое якобы нужно защитить от врагов. А кто враги? Конечно, правительство. Ленин писал: «Советы должны быть револьвером, приставленным к виску»

правительства с требованием созыва Учредительного Собрания. При власти в руках Советов Учредительное Собрание обеспечено, и успех его обеспечен».

(Вспоминая последующие события, так и хочется сказать: «Ну-ну...»). По уставу Советов рабочих и солдатских депутатов в сентябре должен был состояться очередной, Второй съезд. ЦИК, в основном эсеро-меньшевистский, решил не созывать его, мотивируя тем, что скоро состоится Учредительное Собрание, поэтому съезд не нужен. Но большевики самочинно от имени Петроградского совдепа начали рассылать телеграммы местным совдепам, назначив открытие на 20.10. Сначала ЦИК пытался противодействовать, но, видя, что сорвать «незаконный» съезд не получится, тоже начал слать телеграммы о выборах делегатов.

Ряд обстоятельств сыграл большевикам на руку. После поражения в Моонзундском сражении и высадки немцев в Эстонии Временное правительство начало составлять план эвакуации столицы. Большевики на это ответили грандиозной пропагандистской кампанией: «Правительство покидает столицу, чтобы ослабить революцию!», «Ригу продали, теперь продают Петроград!», «Хотят задушить революцию штыками германского империализма!». Цель? С одной стороны вызвать новую волну ненависти. С другой – а вдруг правительство и впрямь уедет от Совета, вцепившегося ему в глотку? Убежит из-под носа из разложившегося Петрограда, где все готово к перевороту, в Москву? Что ж там – все сначала начинать?

Из-за той же военной катастрофы правительство попробовало отправить на фронт, приблизившийся к столице, части Петроградского гарнизона. Уже 8 месяцев в условиях войны 200 тыс. солдат да 25 тыс. матросов безбедно околачивались в городе! Митинговали, гуляли, подрабатывали продажей семечек и кремней для зажигалок, спекулировали самогонном, мануфактурой и оружием. В ответ на «контрреволюционный» приказ 17.10 Петроградский гарнизон заявил, что «выходит из подчинения Временному правительству». И никто, в отличие от истории с Корниловым, не назвал это изменой или мятежом!

10 октября на закрытом заседании ЦК большевики приняли решение о вооруженном восстании. Обвинение в предательстве Каменева и Зиновьева, голосовавших против, а потом опубликовавших свое мнение, – чистейшая туфта, сведение личных счетов. Потому что особого секрета из своих планов большевики не делали. 16-го под председательством Троцкого был организован военно-революционный комитет (ВРК) в составе Лазимира, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Садовского, Сухарькова. А с 17-го рабочие по ордерам ВРК начали получать оружие с казенных складов. Сам Троцкий то открыто заявлял в Совете: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны. Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил».

То отказывался от своих слов: «Петроградский Совет не назначал никаких выступлений. Утверждение буржуазных газет – контрреволюционная попытка дискредитировать и сорвать съезд Советов»

Уже с 19.10 газета «Рабочий путь» начала печатать «Письмо к товарищам» Ленина, где он прямо призывал к восстанию. ВРК вел переговоры с полковыми комитетами и поочередно уговаривал их выступить на своей стороне.

Любое правительство, будь оно мало-мальски дееспособным, имело бы массу времени для организации отпора и самозащиты. Любое, кроме слабенького, захлебнувшегося словами последнего кабинета Временного правительства. Керенский все еще во что-то верил, в разговоре со Ставкой он передавал Духонину: «Мой приезд задержан отнюдь не опасением каких-либо волнений, так как все организовано. Сейчас в Петербургском гарнизоне идет усиленная попытка военно-революционного комитета совершенно оторвать полки от командования. Сегодня они разослали явочных комиссаров... думаю, что мы с этим легко справимся...»

Уже 24 октября, когда большевики начали воплощать свои планы в жизнь, Керенский на заседании Совета республики заявил, что всегда стремился, «чтобы новый режим был совершенно свободен от упрека в неоправданных крайней необходимостью репрессиях и жестокостях», что «до сих пор большевикам предоставлялся срок для того, чтобы они могли отказаться от своей ошибки». Но поскольку, мол, уже необходимы решительные меры, Керенский... спрашивал поддержку и одобрение «парламента» на их принятие! И пошли дебаты!.. Поддержку? Ни шута! За день до своего разгона этот парламент, Совет Российской республики, 122 голосами против 102 при 26 воздержавшихся выразил осуждение деятельности правительства, потребовал решения ряда частных вопросов, а «ликвидацию конфликта с большевиками» возложил на «комитет общественного спасения», который должны были создать городская Дума и представители левых партий.

Демократия в игрушки играла. А большевики действовали. Когда стало ясно, что кворум съезда Советов к 20.10 не соберется, открытие перенесли на 25-е. 21 октября на совещании ЦК был уточнен срок переворота. Из каких соображений? Почему «сегодня – рано, послезавтра – поздно»? Ленин обосновал это так «24 октября будет слишком рано действовать – для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на съезд приедут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется. Мы должны действовать 25 октября – в день открытия съезда, так, чтобы сказать ему – вот власть...»

Итак, заговорщикам нужен был представительный, авторитетный орган, чтобы «узаконить» переворот. Но орган, не принимающий собственных решений, а лишь фиксирующий уже предложенное вождями. Послушно поднимающий руки «за». Первый опыт, ставший доброй традицией коммунизма...

8. Октябрь

На II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов прибывали делегаты. Многих мандатная комиссия ЦИК отводила как избранных незаконно – от никому не известных организаций и вообще черт знает откуда. Но представитель большевиков Карахан просил этих делегатов никуда не уезжать, загадочно поясняя: «Ничего, когда начнется съезд, вы все займете свои места».

24.10 столичные жители были огорошены воззванием «К населению Петрограда!»: «Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное Собрание! Петроградский Совет берет на себя охрану революционного порядка. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли».

Вслед за этим началось вооружение рабочих. Агитаторы пошли по частям гарнизона. Нападение совершилось под лозунгом защиты от нападения! Газета «Рабочий и солдат» вышла с истерическими обращениями: «Солдаты! Рабочие! Граждане! Враги народа ночью перешли в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного Собрания, против народа...»

Город оказался дезориентированным. На улицах появились вооруженные солдаты. Никто не знал, кто они – за Советы? Или это обещанные «корниловцы»? Или «темные элементы»? Даже меньшевики с эсерами на провокацию большевиков отозвались так «Мы осуждаем ваши действия, но если правительство нападет на вас, не станем бороться против пролетарского дела».

Вечером 24.10 красногвардейцы заняли все «буржуазные» типографии. Гранки газет рассыпались, началось печатание прокламаций. Слабая милиция очистить типографии не смогла, наткнувшись на вооруженное сопротивление. При этом начальник милиции Нейер был убит. А ночью начали занимать телеграф, телефонную станцию, банк, вокзалы. Арестовали нескольких министров. Организованные силы большевиков были невелики, но действовали по строгой системе и не встречали сопротивления. На каждый объект приходила группа от 10 до 50 человек. Иногда даже открыто сменяла прежние караулы: у большевиков оказались все гарнизонные пароли, действующие в эту ночь и своевременно выкраденные. А уже позже такие организованные группы стали обрастать анархической вольницей из солдат и матросов.

У правительства не только для нападения, даже для самозащиты сил не оказалось. Никого. Только в четыре утра 25-го Керенский начал рассылать из Генштаба приказы по казачьим частям и юнкерским училищам. Но и те колебались. Стоит подчеркнуть факт, «забытый» советской историей. Юнкера 17-го вовсе не были «дворянско-буржуйскими» отпрысками. Война, ненасытно пожирающая офицеров, а за ней революция смели последние ограничения по набору. Юнкерские училища и школы прапорщиков состояли в основном из вчерашних солдат, студентов, выпускников гимназий и реальных училищ. Последняя категория к октябрю только начала учебу. Далеко не все умели заряжать винтовки... И – «демократия»! Школы и училища собирали юнкерские комитеты, общие собрания, начинали голосовать: выступать – не выступать...

Только в ночь на 25-е Керенский уведомил Ставку о событиях в столице, приказал выслать войска – две казачьи дивизии, пехотную бригаду, два полка самокатчиков. Ставка отдала приказ Северному фронту. Не тут-то было. Фронткомитет был насквозь большевистский. До недавнего времени фронтом командовал большевик Бонч-Бруевич. А новый

главнокомандующий В. А Черемисов под давлением комитетчиков тут же изменил правительству. Задержал до выяснения обстановки, а после успеха большевиков – вовсе отменил приказ о посылке войск. Когда Ставка, уверенная, что все идет как надо, приказы отданы и войска в пути, случайно узнала правду и потребовала от Черемисова объяснить его действия, он ответил телеграммой, что Ставка не в курсе дел, что Временного правительства больше нет, что в Петрограде уже другое правительство, Керенский уже не главноверх и что скоро Верховным Главнокомандующим будет назначен он, Черемисов. То есть купили генерала достаточно просто.

Утром 25-го Керенский приказал развести мосты. До 7 часов этого не делали. Потом нашелся офицер с пятью солдатами, прогнал большевиков от Николаевского моста, развел его. Но когда они ушли, мост снова навели «красные» матросы. Когда к Генштабу подтянулись несколько юнкерских подразделений, были сделаны попытки вернуть телефонную станцию и телеграф. Но после нескольких выстрелов юнкера, не имеющие ни гранат, ни пулеметов, а многие и боевых патронов, вынуждены были отойти.

Около девяти утра Керенский бездумно рванул на автомобиле на фронт. Воодушевлять войска и спасать революцию. С этого момента его безуспешно искали и Ставка, для получения указаний, и остатки правительства, ожидая подмоги. Большевики разогнали заседающий в Мариинском дворце Совет республики, «предпарламент», все еще обсуждающий, выразить ли поддержку правительству, во власти которого оставались лишь Зимний с Генштабом и штабом округа. В генерал-губернаторы и «диктаторы» остатки правительства определили сугубо мирного человека, доктора Н. А Кишкина.

Большинство частей гарнизона митинговали, соблюдая до поры до времени «нейтралитет». Некоторые «нейтралы» за плату пускали в казармы под свою защиту офицеров гарнизона, опасавшихся избиения и убийств. Вся связь находилась у большевиков. Поэтому некоторые части, пытающиеся дозвониться в Генштаб, получали фальшивые указания: что выступление большевиков уже подавлено и помощь не требуется. Ближе к вечеру стали давать другой ответ – Временное правительство отказалось от власти, и защищать больше некого.

Ленинский план был претворен в жизнь. К открытию съезда правительство (которого все-таки опасались) было блокировано, а город оказался в руках большевиков. И во все концы страны уже с утра полетели телеграммы: «К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета – Военно-революционного комитета».

При открытии съезда на объявление, что такие телеграммы рассылаются по городам и фронтам, многие делегаты возмутились, заявляя, что большевики предрешают волю съезда. Троцкий цинично ответил: «Воля съезда предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

Итак, первым вопросом в истории Советской власти, заранее решенным и вынесенным лишь для формального принятия коллегиальным органом, был вопрос о самой Советской власти.

Около 17 часов началась осада Зимнего дворца, в 22 часа открыла огонь «Аврора». Мартов, делегат от меньшевиков-интернационалистов, воскликнул: «Гражданская война началась, товарищи!»

Большинство делегаций осуждали большевиков. Говорилось: «Предательство, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора».

«Захват власти за три недели до открытия Учредительного Собрания – есть нож в спину революции».

Все предложения мирного выхода и неотложных мер по недопущению гражданской войны были категорически отвергнуты большевиками. После этого почти все делегации,

даже левые эсеры, в знак протеста покинули съезд. И он вообще перестал быть съездом, превратившись в частное заседание большевистской фракции. Кроме того, в зал набилась из коридоров Смольного посторонняя публика, околачивающаяся при Петросовете и ВРК – солдаты, красногвардейцы, служащие большевистского аппарата, вообще непонятный сброд. Вот этот «съезд» и избрал новое правительство, Совет народных комиссаров, состоящий из одних большевиков. (На следующий день часть второстепенных портфелей предложили левым эсерам, но те отказались). Так большевики победили. И обеспечили себе «народную» поддержку.

Если уж на то пошло, их избрание стало трижды «незаконным». Вспомним, что съезд, хоть и Всероссийский, был съездом только рабочих и солдатских депутатов. А рабочие и солдаты в крестьянской России составляли менее 15 процентов населения. Во-вторых, сами совдепы жили вразброд, каждый считал себя центром вселенной. Многие на телеграммы Петросовета и ЦИК о созыве съезда просто забили болт, многие не поехали или не доехали. Из 900 зарегистрированных в то время крупных совдепов на II съезде было представлено около 300. Никаким «кворумом» и не пахло. А в-третьих, после ухода большинства делегаций за Совнарком, за знаменитые ленинские «декреты» голосовала пришедшая, случайная публика.

События вокруг Зимнего разворачивались своим чередом. Разумеется, картина его штурма не имела ничего общего с героическими экранизациями в кино. За день сюда собрали несколько рот юнкеров из Ораниенбаума, Петергофа, Инженерной школы, 2 орудия Михайловского училища, пару сотен уральских казаков, роту женского ударного батальона, человек сорок безруких и безногих инвалидов-«георгиевцев», да несколько десятков гарнизонных офицеров. Вот и все. Никакого плана обороны не было. То и дело защитников перетасовывали из одних помещений в другие. Приказания были противоречивые, а порой глупые. Например, не поддаваться на провокации и ни в коем случае не открывать огня. Даже при штурме – только если нападающие будут стрелять первыми. Ни пулеметов, ни другой техники. Даже расположения помещений дворца, входов и выходов никто не знал.

Днем патрули юнкеров и большевистское оцепление стояли на расстоянии, не трогая друг друга. У главного входа дворца из запаса дров сложили баррикаду. В открытую, презирая опасность, прошел через красное оцепление генерал М. В. Алексеев. В Зимнем он выбрал руководство, призывающее офицеров на свою защиту и не имеющее, чем их вооружить. Выбрал бестолковщину и бардак последнего оплота правительства и ушел, убедившись в крайней несерьезности «обороны».

К вечеру обстановка стала ухудшаться. Стягивались матросы, красногвардейцы. Поскольку в городе перевес большевиков определился, воинские части, заявлявшие о нейтралитете, теперь рьяно выступили за большевиков. К тому же Зимний дворец с огромными винными погребами и «царскими» богатствами представлял очень уж заманчивую цель. Плюс – наступила темнота, придающая храбрость...

Орудия Михайловского училища, получив непонятно чей приказ, были увезены. Едва они выехали с Дворцовой площади, сопровождавших их юнкеров избили, а пушки, естественно, отобрали. С броневиком подошел Литовский полк, начал бить и разоружать юнкерские патрули. Пришлось снять их и отойти во дворец. Обсудив отсутствие артиллерии, переговорив с осаждающими, ушли казаки. Остающимся казаки объяснили: мы, мол, думали, что здесь серьезно, а оказалось – дети, бабы да жида.

Подошел Павловский полк. Вынудил к сдаче юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы и занял Генштаб. Прокатился слух, что там убивают генерала Алексеева. Загоревшись спасти его, женская рота и инвалиды пошли на вылазку. На площади по ним открыли огонь. Они понесли потери и вернулись. Около 19 часов из окон Генштаба начали обстрел Зимнего. Электростанция находилась в руках матросов, поэтому дворец был ярко освещен, в то время

как нападающих скрывала темнота. В 22 часа заговорила «Аврора». И палила она не один раз. Стрельбу вела «пробойными» зарядами, предназначенными для срочной чистки стволов от снега и инея. Но иногда лупила шрапнелью. Во дворец было три попадания. Из-за близкого расстояния шрапнель не разлеталась, шрапнельные стаканы попадали во дворец нераззорвавшимися.

Командиры осаждающих периодически делали попытки штурма. Таких «фальстартов» был не один. «По выстрелу «Авроры», «по трем винтовочным выстрелам». Открывали сильную пальбу из пулеметов и броневика, но защитники отвечали огнем, и осаждающие отступали за укрытия. То и дело бухала «Аврора», действуя на психику обороняющихся. Среди ночи саданула из трехдюймовок Петропавловка, днем державшая «нейтралитет». После 23 часов красногвардейцы и матросы начали просачиваться через окна со стороны Невы. Баррикаду, осыпаемую пулями со всех сторон, пришлось оставить. Дворец уже кишел агитаторами. Группа пьяных матросов бесцельно бегала по помещениям и взрывала гранаты. Юнкера в такой обстановке совсем пали духом. Со стороны Невского от них явились делегаты. «Пусть придут и выгонят нас». Ушли юнкера Петергофской школы, шаталась Ораниенбаумская.

Просачивавшихся в окна красногвардейцев разоружали, но когда их скопилось достаточно, они набросились и разоружили самих юнкеров. А когда обнаружилось, что за баррикадой уже никого нет, сплошной поток штурмующих во главе с Антоновым-Овсеенко и Чудновским беспрепятственно хлынул со стороны Дворцовой площади. Внутри дворца никакого сопротивления не было – при подавляющем неравенстве сил оно было немыслимо. Временное правительство арестовали и отправили в Петропавловку. Юнкеров, взятых во дворце, жестоко избивали. Часть ударниц были изнасилованы. Солдатня восхищалась: «Ну и бабы! Одна полроты выдержала!» (Потом покончила с собой.) Кое-кого убивали по темноте да под горячую руку.

Несколько штурмующих утонули в вине во время вакханалии в дворцовых погребах. Многие упились до смерти. От разграбления Зимний дворец спасла вовсе не революционная дисциплина. Просто главные ценности распоясавшимся хамам были не нужны. Им бы чего попроще. Тащили вино из погребов, еду из буфетов. Рвали обивку мебели. Шелковую – на портянки, кожаную – на сапоги. Все лестницы дворца были заблеваны пьяными.

Петроград пал. В Москве прошло не так гладко. Четко организовать переворот даже всего в двух городах большевикам было еще не под силу. Более бестолковым был совдеп. Более энергичным командующий округом полковник Рябцев. Правда, гарнизон и тут объявил «нейтралитет», главной силой правительства стали опять училища, опять юнкера. В Москве у большевиков не было матросов. Вместо них ударной гвардией стали двинцы. Это были фронтовые преступники – дезертиры, грабители мародеры, содержавшиеся в Двинской тюрьме. При угрозе германского наступления их вывезли в Москву. А накануне переворота под предлогом голодовки совдеп перевел их из тюрьмы в лазарет. Вооруженным нападением двинцев на юнкерские патрули, которое те отбили, началось московское кровопролитие.

Быстро и решительно взять верх большевики не могли. И контингент московского «пролетариата» был более умеренный. И свободного доступа к оружию они не получили. Оружие хранилось в кремлевском арсенале под охраной вполне большевистской пулеметной роты прапорщика Берзиня. Но подступы к Кремлю Рябцев занял юнкерами и оружия из древних стен не выпускал. Пулеметной роте был предложен ультиматум о сдаче. Сначала солдаты хорохорились, но после предупредительных выстрелов из миномета замитинговали и постановили сдаться. При сдаче кто-то из ожесточившихся юнкеров дал по солдатам две очереди из пулемета. Этот факт моментально стал известен и широко использовался большевиками для агитации в частях гарнизона и на рабочих окраинах.

Чиновный Петроград был надломлен еще с февраля постоянными потрясениями. Москва была городом более прочным – торговым, промышленным, обстоятельным. В Москве и родился термин «Белая гвардия». В противовес Красной, ее составили добровольцы из интеллигенции, студенты, гимназисты, офицеры, находившиеся в отпусках и на лечении, отставники. В руках белогвардейцев и юнкеров остались центральные кварталы. Большевики окружали их со стороны рабочих окраин. Постепенно они набирали силу, собирали оружие среди железнодорожных грузов, на подмосковных складах. В ремонтных мастерских нашлись огромные 152-миллиметровые французские осадные орудия. Их установили на Воробьевых горах, на нынешней смотровой площадке. Весь город – как на ладони. Крупнокалиберные снаряды полетели на выбор – по любому зданию, по Кремлю.

К осаждающим целыми эшелонами стали подходить подкрепления. Матросы из Петрограда. Красногвардейцы из Иваново-Вознесенска. Осажденным помощи ждать было неоткуда. Ни войск, ни казаков, ни Временного правительства, ни одного благоприятного известия из других городов. Когда однозначно удостоверились в победе большевиков в столице, когда в Москве тоже обозначился их перевес, одна за другой стали выступать на их стороне «нейтральные» части гарнизона. С полевой артиллерией и пулеметами.

У белой стороны артиллерии не было. Силы таяли, и кольцо постепенно сжималось. Некоторое время, судорожно цепляясь за слухи о подмоге, о казаках, еще дрались – за каждый дом, за каждый квартал. Наконец, после недели боев, осажденные в Кремле и расстреливаемые артиллерией, вступили в переговоры и сдались.

В провинциальных городках и селениях переворот прошел практически незаметно. Власть уездных и губернских комиссаров правительства была настолько слаба, что ее и раньше никто всерьез не принимал. Во многих местах еще несколько месяцев сохранялось двоевластие. Параллельно работали и совдепы, и городские Думы. Последние Думы разогнали только весной. Боевые действия развернулись лишь в тех городах, где были юнкерские училища. В Казани, Киеве, Смоленске, Омске, Иркутске. Сражались против большевиков и гибли мальчишки. Те, кто еще сохранил в чистоте свои души и идеалы. Причем, даже неизвестно, за что погибали. За неумное Временное правительство? За неумелых и нечестных политиков? За Россию? Но как раз Россия, взбесившаяся и одуревшая от всеобщей анархии, везде давила этих мальчишек тупой, темной массой. И убивала, убивала, убивала...

9. Поход на Питер – Краснов и Керенский

Не встречая вызванных войск, Керенский домчался до Пскова. И угодил в осиное гнездо. Штаб Северного фронта уже передан большевикам и кишел распоясавшейся солдатней. Но в Пскове министр-председатель случайно встретил генерала Краснова. Петр Николаевич Краснов, земляк Шолохова – родом из Вешенской, был служака прямой, убежденный монархист, вымуштрованный лейб-гвардией. Человеком был весьма интеллигентным и образованным, до революции успешно подвизался на поприще литературы, а в русско-японскую работал фронтовым корреспондентом. Но внешне любил показать эдакую свою «солдафонистость», казачий консерватизм. Словом, образ настоящего донского казачины, по-казачьи грубоватого и по-казачьи хитроватого. Звезд с неба не хватал, но командиром был неплохим, всегда заботился о подчиненных, поэтому казаки его любили и ценили.

Его корпус стоял в г. Острове. Да какой там корпус! Вместо отдельной Петроградской армии, замышлявшейся Корниловым, 3-й конный, красу и силу генерала Крымова, передали во фронтовое подчинение. И растащили как надежные части по сотням и полкам от Витебска до Ревеля. Для охраны штабов, затыкания дыр и ликвидации беспорядков. 25.10 Краснов получил приказ Ставки двигаться на Петроград, а затем приказ главнокомандующего фронтом – не двигаться. Поехал в Псков выяснять. Ни черта не выяснил, зато случайно встретил Керенского, и тот приказал – двигаться.

Наобещал, что в подчинение Краснова придаются еще три пехотные дивизии, одна кавалерийская, которые вот-вот подойдут. Мимоходом бросил порученцу указание, чтобы Краснову вернули его растасканные полки да сотни. Он еще играл в свои игрушки и верил, что его приказы кто-то станет выполнять. Керенский с Красновым поехали в Остров. Погрузили имеющихся казаков в эшелоны. Железнодорожники волюнили, не зная, чья возьмет. Тогда есаул Коршунов, работавший когда-то помощником машиниста, сел с казаками на паровоз – и поехали. Торжественно, с помпой, Керенский назначил Краснова командующим армией, идущей на Петроград. Было в армии 700 казаков при 16 пушках против 200 тысяч солдат, матросов и красногвардейцев.

Шли спасать страну. А к Керенскому, вообразившему, что он ведет их в бой, как раз 3-й конный корпус относился отвратительно. Ведь он их недавно изменниками величал, любимого командира Крымова погубил. Поэтому, например, сотник Карташов на протянутую министерскую руку своей не подал. Презрительно пояснил: «Виноват, господин Верховный Главнокомандующий, я не могу подать вам руки. Я – корниловец».

27.10 высадились под Гатчиной. Город взяли без боя. Несколько большевистских рот разоружили и распустили на все стороны. Причем прибывшую из Петрограда команду в 400 чел. восемь казаков нахрапом заставили сдать. Керенский тут же засел в гатчинском дворце, оброс адъютантами, порученцами и барышнями-поклонницами. Краснов произвел разведку, для чего просто позвонил по телефону жене в Царское Село. Узнал от нее обстановку в царкосельском гарнизоне и Петрограде.

Керенский до сих пор свято верил, что, узрев его, массы загорятся энтузиазмом и побегут за ним. Не тут-то было. Гатчинский гарнизон объявил нейтралитет. Поддержали только офицеры летной школы, отправили на Петроград два аэроплана разбрасывать воззвания. Из летчиков составили команду броневика, отбитого у красных. Подтянули пару казачьих сотен из Новгорода. Сообщили из Луги, что 1-й осадный «полк» в 88 человек поддержал правительство и грузится в эшелон. И все. Ни о каких корпусах, дивизиях даже слышно не было.

В ночь на 28-е 480 казаков пошли на Царское Село (с гарнизоном 16000). Разоружили заслоны по дороге и наткнулись на первую линию обороны, открывшую огонь. Ударил из пушки – большевики держатся, пулеметами ошметинились. Лишь когда 30 казаков атаковали

в обход – побежали. В Царском Селе выкатился толпой весь гарнизон, замитинговал. К ним поехали 9 казаков дивизионного комитета. Полдня митинговали вместе. Приехал Керенский, попытался речи произносить. Кое-кого уговорили разоружиться. Но большинство, почуяв слабость казаков, решили их перебить. Стали к атаке готовиться. Заметив это, казаки попросили Керенского отъехать назад и выкатили две пушки. Едва солдатня, паля из винтовок, пошла «на ура» – дали два выстрела шрапнелью. И вся многотысячная масса в панике разбежалась, дав друг дружку и угоняя поезд на Петроград. Царское Село заняли. Простояли в нем следующий день, надеясь хоть на какую-нибудь подмогу. Пришли только несколько подразделений из их же корпуса, бронепоезд из Павловска да из Петрограда несколько бежавших юнкеров, учебная сотня оренбургских казаков – даже без винтовок, с одними шашками. Осадный полк, двигавшийся из Луги, перехватили матросы и обстреляли. Полк разбежался.

И офицеры-корниловцы, и казаки кляли Керенского, обманувшего их нереальными прожектами. Приехавший Савинков предложил Краснову арестовать Керенского и возглавить движение самому. Краснов отказался, считая это некрасивым. И бесполезным. Утром 30.10 попробовали двигаться дальше. Дорогу уже преграждали сплошные линии окопов. И занимали их уже не разложившиеся солдаты-тыловики. Не менее 6 тыс. матросов и красногвардейцев, 3 броневика с артиллерийским вооружением. От развернувшихся 630 казаков они не побежали. Наоборот, сами то и дело лезли в атаки. Выручало преимущество казаков в артиллерии. Она подбила один броневик и осаживала большевиков, заставляя держаться на расстоянии.

Краснов решил продержаться до вечера. В последней надежде, что гром его пушек отрезвит Петроград, что некоторые части гарнизона одумаются и придут на помощь. Вместо этого новая колонна из Петрограда, около 10 тысяч, попыталась обойти казаков. Но основу составляли опять солдаты, Измайловский полк, – после первой же шрапнели с бронепоезда они пустились наутек. В свою очередь, сотня оренбуржцев с гиканьем и посвистом поскакала на красные позиции. Красногвардейцы толпами побежали. Но матросы не отступили, встретили огнем. Командир сотни был убит, несколько казаков ранены, лошади попали в болото, и атака захлебнулась. Прикатил на автомобилях Керенский с порученцами и барышнями-поклонницами. Его спровадили без церемоний, посоветовали убраться в Гатчину.

К вечеру бой затих. У казаков кончились снаряды. А большевики подтянули морскую артиллерию, начали бить по Царскому Селу. При первых разрывах запаниковали и замитинговали полки царскосельского гарнизона. Потребовали прекратить бой, угрожая ударом с тыла. В сумерках матросы начали обходить фланги. И Краснов приказал отступать. Советская сторона за день боя потеряла убитыми более 400 человек. Казаки – 3 убитых и 28 раненых.

Вскоре в Гатчину явились представители матросов и железнодорожников заключить перемирие и начать переговоры. Другого выхода не осталось. Окружение Керенского лихорадочно пыталось использовать эту передышку. Хваталось за соломинки. Савинков помчался в польский корпус, Войтинский – в Ставку, искать ударные батальоны, верховный комиссар Станкевич – в Петроград, искать соглашения между большевиками и другими партиями социалистов. А казаки выработывали с матросами свои соглашения. Первым пунктом мира потребовали прекратить в Петрограде преследования офицеров и юнкеров, дать полную амнистию. На полном серьезе казаки обсуждали вариант «Мы вам – Керенского, а вы нам – Ленина. И замиримся».

И на полном серьезе пришли к Краснову доложить, что скоро им для такого обмена привезут Ленина, которого они тут же около дворца повесят. Впрочем, и матросы тогда Ленина не шибко боготворили. Откровенно называли «шутком гороховым» и заявляли: «Ленин нам не указ. Окажется Ленин плох – и его вздернем».

Керенский, видя такой оборот дела – многие казаки склоняются к тому, чтобы выдать его; святое дело, «потому что он сам большевик», – в панике обратился к Краснову. Генерал, пожав плечами, сказал: «Как ни велика ваша вина перед Россией, я считаю себя не вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь». И Керенский бежал. Нелепая фигура исчезла с исторической арены уже навсегда.

Переговоры, перемирие – все кончилось само собой. В Гатчину вошла 20-тысячная большевистская армия из солдат, матросов, красногвардейцев и буквально растворила в себе горстку казаков. Начался общий бардак. Пришедший Финляндский полк привычно потребовал Краснова к себе на расправу. Но стоило генералу наорать и обматерить два десятка вооруженных делегатов, они пулей вылетели вон из его кабинета. А потом приехали командира, который извинялся и просил разрешения разместить полк на ночлег, потому что с дороги, мол, устали. Хамы, привычные бесчинствовать над бессловесными и покорными, они сами становились овечками, получая отпор. И матросский командующий Дыбенко, отгоняя оголтелых подчиненных от офицеров, поучал «корниловцев» «Товарищи, с ними надо уметь. В морду их, в морду!»

Вслед за Дыбенко явился и другой командующий – Муравьев. Ворвавшись в штаб Краснова, объявил всех арестованными. На него с руганью наскочил, требуя извинений, подъесаул Ажогин, председатель дивизионного комитета донцов. Муравьев опешил. Поругались, помирились. Кончилось тем, что Муравьев сел с казаками обедать и напился, вспоминая общих фронтовых знакомых. Прикатил сам Троцкий. И тоже прибежал к Краснову. Потребовал, чтобы тот приказал отстать от него какому-то казаку, прилипшему как банный лист. А казак возражал, что «этот еврейчик» забрал у него арестованного, которого он охранял.

2.11 Краснова с начальником штаба, гарантируя безопасность, вызвали для переговоров в Смольный. И все-таки попытались арестовать. Но уже к вечеру в Петроград примчался весь комитет 1-й Донской дивизии, притащив с собой Дыбенко. Насели на большевиков, вцепились в их главнокомандующего прапорщика Крыленко и... Краснова освободили. А казаков договорились с оружием отпустить на Дон. Их боялись. С ними заигрывали. Ведь ходили слухи, что Каледин поднял Дон и собрался идти на Москву. Напоследок начальника штаба дивизии полковника С. П. Попова вызвали к Троцкому. Лев Давидович интересовался: как отнесся бы Краснов, если бы новое правительство предложило ему высокий пост? Попов откровенно ответил «Пойдите предлагать сами, генерал вам в морду даст».

Вопрос был исчерпан.

10. «Десять дней, которые потрясли мир...»

Наверное, многие задавались вопросом почему десять, если власть захватили за сутки? Но дело в том, что первый период чисто большевистского правления и длился-то всего десять дней. Российская общественность отнеслась к перевороту не очень серьезно. Говорили о «пирровой победе», поскольку большевики, захватив власть, оказались в полной политической изоляции. От них отвернулись даже социалистические партии. Считалось само собой разумеющимся, что править страной в таких условиях невозможно... Вот глупенькие! Еще не знали всех возможностей однопартийной власти. Не знали, что такая «изоляция» – как раз то, что большевикам нужно. И что можно запросто начхать на всевозможную общественность, протесты и резолюции.

Другое дело, что сами большевики еще были не в состоянии долго держаться в однопартийном режиме. Первые акты новой власти были чисто пропагандистскими трюками. Два куска, брошенные в толпу, чтобы привлечь ее на свою сторону. Главные декреты были к тому же плагиатом. «Декрет о мире» представлял упрощенную выкопировку из «Наказа Скобелеву», проекта предложений эсеро-меньшевистского ЦИК для Парижской мирной конференции. Опять же, между голословным «декретом» и реальным миром лежала пропасть. Союзники, усилившиеся за счет США, возможность мира «вничью» категорически отвергали, а на Восточном фронте стояли 127 австро-германских дивизий. С деловой точки зрения «Декрет о мире» был безответственной, чисто декларативной бумажкой.

«Декрет о земле» вызвал шок у эсеров, т. к. большевики от своего имени изложили эсеровскую аграрную программу. Ленин на протест ответил: «Они обвиняют нас в том, что мы взяли их аграрную программу. Что ж, можем их поблагодарить. С нас и этого довольно».

Но и этот декрет не решал никаких проблем. Во-первых, землю деревня давным-давно захватила и поделила, в октябре уже догорали последние помещичьи усадьбы. Во-вторых, правил раздела земли декрет не оговаривал, оставляя простор для будущих конфликтов. В-третьих, земля переходила в собственность государства, а крестьяне хотели ее получить в частную собственность. Кстати, более поздние «рабочие» декреты тоже были плагиатом. Рабочую программу большевики позаимствовали у анархо-синдикалистов.

А вот за пропагандистскими трюками пошли акты чисто большевистского законотворчества. 28.10 – «Декрет о печати». Свобода слова перестала существовать. Газеты, оппозиционные новому правительству, закрывались. Ленин пояснил, что «они отравляют народное сознание».

Вслед за этим начали арестовывать газетчиков и граждан, покупающих газеты, рискуя нарушить запрет. Троцкий заявил: «Во время гражданской войны право на насилие принадлежит только угнетенным».

Далее последовали «Декрет о создании народных трибуналов», «Декрет о государственной монополии на объявления». Еще 25.10 распустили «предпарламент». Прочие партии, социалистические и либеральные, пытались организовать центр сопротивления – «Комитет общественного спасения», консолидировавшись вокруг городской Думы. На их решения большевики не обращали внимания, а Троцкий спокойно констатировал:

«Что ж, на это есть конституционные средства. Думу можно распустить и переизбрать».

Но даже это хлипкое противобольшевистское единство расколосось, едва на Петроград пошел Краснов. «Революционная демократия» боялась казаков, генералов и «контрреволюционеров» куда больше, чем большевиков, хотя большевистская прокламация «К позорному столбу!» неожиданно заклеимила самих эсеров с меньшевиками, изменниками и корнилов-

цами, призывая стереть их с лица земли. Левые эсеры, интернационалисты, метнулись к большевикам защищать «революцию» от «корниловцев». Лидер меньшевиков Дан рассуждал:

«Если большевистское восстание будет потоплено в крови, то кто бы ни победил, Временное правительство или большевики, это будет торжеством третьей силы, которая сметет и большевиков, и Временное правительство, и всю демократию».

Возглавляемый меньшевиками Викжель, комитет путейцев, под предлогом нейтралитета отказался перевозить по железным дорогам войска как большевиков, так и их противников. Если разобраться, нейтралитет был односторонним: войска большевиков в Петрограде и не нуждались в перевозках. А правый эсер Чернов, выехав в Лугу, пробовал организовать «нейтральные» части, чтобы с их помощью разнять враждующие стороны.

Между прочим, протестуя против введения смертной казни Корниловым, сами большевики и не думали стесняться в данном вопросе. Уже в эти дни Троцкий провозглашал систему «За каждого убитого революционера мы убьем пять контрреволюционеров!»

Практического применения это пока не получило, но вступление в Царское Село, оставленное казаками, ознаменовалось казнями. Расстреляли священника за то, что благословлял казаков, еще несколько человек в Петрограде расстреливали офицеров и юнкеров, восставших при подходе Краснова и захвативших телефонную станцию. У «буржуев» устраивали повальные обыски. Кстати, в Гатчине выпотрошили с обыском и квартиру Плеханова, лежавшего с высокой температурой. Для новых властей лидер и основоположник российской социал-демократии уже был «буржуем» и «контрой».

Хотя «победа над Керенским-Красновым» упрочила позиции большевиков, консолидировала с ними «левых», новое правительство висело не волоске. Не речи политиков, не партийная изоляция была тому причиной. Дал первую осечку план Ленина – захватив верхушку власти, готовыми рычагами государства сверху строить свой собственный социализм. Как раз «рычаги» отказались повиноваться захватчикам. На грань катастрофы поставил их «саботаж», о котором теперь упоминается мельком, вскользь. Великое гражданское мужество проявила городская интеллигенция, служащие государственных и общественных учреждений, инженеры, техники, клерки, телефонисты, железнодорожники, телеграфисты. Прямо или косвенно они отказывались служить новому режиму. Стойко держались против угроз насилия, невыплаты денег, увольнений и выселения из квартир. Разболтанный государственный режим забуксовал. Почта, телеграф, банк, железные дороги не признавали большевиков. Совнарком оказался отрезанным от страны, передавая директивы только через царскосельскую и корабельные радиостанции да рассылая малонадежных курьеров. Наверное, такая власть пала бы. Если бы не ленинская «гибкость тактики».

5 ноября в Петрограде открылся съезд Советов крестьянских депутатов. В аграрной России – куда более представительный орган, чем съезд депутатов рабочих и солдатских. Несмотря на власть большевиков и их сильное давление, у них оказалось менее 20 % сторонников. Около 50 % было от левых эсеров, 25 % – от правых эсеров. Чернов, приехавший «с фронта», был встречен овацией. Ленина освистали с криками «долой!». Декреты о мире и земле на делегатов впечатления не произвели. Реальный мир оставался за горами за долами, а эсеровскую аграрную программу сами вырабатывали, намереваясь принять как раз на данном съезде. Ленин вилял – мол, не все ли равно, кто именно даст народу землю, главное – результат. Съезд раскололся, потонул в словоблудии, взаимных обвинениях, речах и голосованиях. И разогнать-то его большевики еще не могли, и обстановка складывалась не в их пользу.

Но... пока говорились речи, в Смольном начались секретные переговоры между большевиками и левыми эсерами. Захватчики отступали, соглашались на коалиционную «социалистическую» власть. Первоначально эсеры требовали представительства в новом «пар-

ламенте», ЦИК всех левых партий, городских Дум, профсоюзов, земств, исключения из правительства Ленина и Троцкого, роспуска ВРК и других репрессивных организаций. Долго торговались. Наконец к соглашению сумели прийти «земляки». От большевиков – Бронштейн (Троцкий), Розенфельд (Каменев), Апфельбаум (Зиновьев), от эсеров – Натансон, Шрейдер, Кац (Камков). В новый ЦИК, кроме 108 депутатов от съезда рабочих и солдатских Советов, договорились ввести еще 108 от съезда крестьянских Советов, 100 от армии и флота, 50 от профсоюзов. Думы и земства отведены, Ленин, Троцкий и ВРК оставлены. Создавалось коалиционное, большевистско-левоэсеровское правительство. 16 ноября, день заключения соглашения, праздновался всем Петроградом как конец гражданской войны, один из величайших дней революции. К коалиции примкнули меньшевики-интернационалисты Мартова, «Новая жизнь» Горького, польские социалисты, анархисты. Провозглашалась победа революции, здравицы объединению сил демократии и социализма.

И действительно было что праздновать. Союзникам большевиков кружила голову иллюзия демократической власти, до которой теперь дорвались и они, а самим большевикам – то, что они у власти удержались. И никакой внешней угрозы этой власти вроде бы больше не просматривалось. Фронтная Ставка так и не превратилась в центр сопротивления. Служака Духонин после падения правительства и исчезновения Керенского принял на себя командование, призвал фронт сохранять спокойствие и стал ждать, когда образуется новое правительство и даст ему указания. 7.11 Совнарком приказал ему «обратиться к военным властям неприятельской армии» о заключении перемирия и начале переговоров. Удивленный Духонин ответил, что «в интересах России – скорейшее заключение мира», но это не относится к компетенции главнокомандующего. Это может сделать только «центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной».

Усмотрев в ответе контрреволюцию и саботаж, Совнарком сместил Духонина «за неповиновение и поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся».

Однако ему предписали «продолжать ведение дел, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий» – прапорщик Крыленко, будущий палач ленинских, а потом сталинских политических процессов. По дороге, на фронте 5-й армии, Крыленко вступил с немцами в переговоры о перемирии. Одновременно большевики по радио через головы командования обратились «в массы», предоставив полковым комитетам право заключать мир на своих участках.

А в Могилеве творилось черт знает что. Сюда съехались лидеры прошлого ЦИК – Чернов, Скобелев, Авксентьев, верховный комиссар Временного правительства Станкевич. Начали с Общеармейским солдатским комитетом переговоры о создании новой власти, «однородного социалистического министерства, от народных социалистов до большевиков включительно», с Черновым во главе. Спорили, тонули в партийных догмах и словопрениях, уже никому не интересных и не нужных, кроме них самих.

В Быховской тюрьме, будто запертый в клетке лев, метался Корнилов. Здесь остались пятеро заключенных – Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский и Марков. Остальных следственная комиссия прокурора Шидловского освободила за отсутствием состава преступления. Но и для оставшихся обвинение в «покушении на ниспровержение правительства» потеряло теперь всякий смысл, поскольку правительство уже свергли другие. Теперь они нужны были большевикам только для расправы. Бежать? Это считали неприемлемым с точки зрения чести, нравственной ответственности. Атаман Каледин писал в Ставку, чтобы быховцев отправили на Дон, на поруки казаков. Духонин колебался... Дисциплинированным солдатом был.

Корнилов в письме предлагал ему план обороны Ставки, организации на ее базе центра борьбы: немедленно стянуть к Могилеву Корниловский полк, ударные батальоны, чехословацкий и польский корпуса, одну-две самые надежные казачьи дивизии, создать запасы луч-

шого оружия – пулеметов, автоматических винтовок, броневилок, гранат для офицеров-добровольцев, которые обязательно будут собираться к Ставке. Но Духонин не был готов к «междоусобице» и кровопролитию. АИ. Деникин писал: «Духонин был и остался честным человеком. Но в пучине всех противоречий, брошенных в жизнь революцией, он безнадежно запутался. Любя свой народ, любя армию, отчаявшись в других способах спасти их, он продолжал идти скрепя сердце по пути с революционной демократией, тонувшей в потоках слов и боявшейся дела». Единственное, что он пытался сделать, – это удержать на месте армию, уже сплошь большевистскую. Единственное, на что решился, – обратиться к стране: «К вам, представители всей русской демократии, к вам, представители городов, земств и крестьянства, обращаются взоры и мольбы армии: сплотитесь все вместе во имя спасения Родины, воспряньте духом и дайте исстрадавшейся земле Русской власть – власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан России и чуждую насилию, крови и штыку».

Никто даже не услышал этих благих пожеланий.

А несколько эшелонов с матросами Крыленко двигались к Ставке. Двигались трусливо, осторожно. Подолгу стояли на узловых станциях, разведывая обстановку впереди. Боялись «корниловцев», ударников, казаков. Митинговали с «нейтральными» солдатами, беспрепятственно их пропускающими. Вели переговоры с казаками, пока не получили от них заверения, что «коалиционному» правительству казаки подчинятся, а в междоусобицу вмешиваться не будут. Постепенно распаясь собственными беспочвенными страхами, Крыленко уже клеймил Духонина изменником и объявлял главнокомандующего, «продолжающего ведение дел» до его прибытия, вне закона.

Ставка, по сути, оставалась бездействующей. Она уже никем не руководила. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Володченко признал власть украинской Центральной Рады. Румынский фронт, где наличие румынских войск сдерживало анархию, ориентировался на указания представителей Антанты. Северный и Западный фронты, признав советскую власть, начали стихийное, ротами и батальонами, «заклучение мира». К середине ноября совещание лидеров «революции» в Могилеве распалось, не придя ни к какому соглашению. Демократы разъехались кто куда. Общеармейский солдатский комитет объявил Ставку, как «военно-технический аппарат», нейтральной и обещал ей вооруженную защиту. Представители казачьего союза уговорили Духонина отпустить на Дон быховцев, но Общеармейский комитет воспротивился этому. Наконец, утром 19.11 из Ставки в Быхов приехал полковник Кусонский с известием – через 4 часа Крыленко будет в Могилеве. Выбора не было – немедленно бежать.

Корнилов из заключенного, требовавшего открытого суда, чтобы очиститься от клеветы и высказать всей России свою программу, снова стал самим собой. Он вызвал коменданта тюрьмы и отдал приказ Текинскому полку, охранявшему ее, изготавиться к походу. Для безопасности решили разбиться поодиночке, в разные стороны. Лукомский стал «немецким колонистом», уехал на Москву. Романовский переоделся прапорщиком, Марков – солдатом. На паровозе выехали в Киев. Деникин стал поляком Домбровским, помощником начальника перевязочного пункта, поехал в Харьков. Корнилов взял самое трудное. Во-первых, отвлек внимание преследующих Во-вторых, не хотелось бросать текинцев. Текинцы боготворили его не только как генерала – общего кумира. Сколько для них значило, что полководец был их «земляк», свободно говорил на их родном языке! Были преданы ему до конца – и он считал долгом до конца оставаться с ними. Внутренний караул тюрьмы из полубольшевистского Георгиевского батальона Корнилов приказал построить, поблагодарил за службу. Солдаты проводили его криками «ура!», пожеланиями счастливого пути. В ночь на 20.11 Текинский полк во главе с Корниловым в конном строю покинул Быхов и канул в леса.

Духонина бросили все. Вслед за демократами уехал в Киев верховный комиссар Станкевич. Звал с собой, но опять Общеармейский комитет воспротивился, чтобы генерал бросил

пост. Крыленко остановился в Орше, прислал оттуда свой приказ, уже как Главнокомандующий: ударный батальон, охранявший Ставку, срочно перевести в Гомель. Даже одного батальона ударников он боялся. А 19.11 по своей инициативе подтянулись другие ударные батальоны, командиры прибыли к Духонину, просили разрешения остаться для защиты Ставки. И опять Общеармейский комитет высказался против. Духонин, разуверившийся во всем, ответил ударникам:

«Я не хочу братоубийственной войны. Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Россию от врага и Учредительное Собрание от разгона... Я имел и имею тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

И лишь удостоверившись, что ударники покинули Могилев, Крыленко двинул на Ставку свои эшелоны. Общеармейский солдатский комитет, обещавший «нейтральную» защиту, тут же распустил сам себя и рассеялся. 20 ноября Духонин был арестован прибывшим Крыленко, озверевшая толпа матросов растерзала его и долго глумилась над трупом. Обезображенные останки генерала несколько дней валялись под окнами вагона большевистского верховного главнокомандующего.

Последствия ленинского «мира» через головы командования не замедлили сказаться. Эшелоны немецких войск планомерно, систематически потянулись на Западный фронт, Германия избежала катастрофы, мировая война получила продолжение, по крайней мере, на полгода. Унесла еще сотни тысяч жизней. Для России последствия стали еще более жестокими. 10 миллионов солдат одичавшими, неуправляемыми толпами хлынули через всю страну по домам. Все сметали на своем пути, громили крестьянские хозяйства, убивали и насиловали. Захватывали поезда, которые поползли по дорогам, оставляя за собой разбитые вокзалы, разгромленные станции, искалеченный транспорт. Добывали пропитание грабежом, растаскивали и громили казенные склады.

Неподготовленная, необеспеченная, хаотическая, зато политически-важная и выигрывающая демобилизация – плод беспримерного по своей глупости росчерка ленинского пера, принесла в Россию новое, еще невиданное явление – разруху.

11. Михаил Васильевич Алексеев

Историография, а уж тем более художественные произведения советских времен создали совершенно ошибочный образ русских офицеров 1917-го. «Поручиков Голицыных» и «корнетов Оболенских», т. е. представителей высшего родового дворянства, среди них было не так уж и много. Кадровое офицерство понесло огромные потери на фронтах, например, почти весь цвет гвардии poleg в 1915 г. в августовских лесах. А представители аристократии, блиставшие мундирами в тыловых штабах, вышли в отставку после отречения царя. Верхушка «высшего света» была достаточно космополитична, родственно связана с зарубежной аристократией, и значительная ее часть благоразумно перебралась за границу еще до Октябрьского переворота. А основная масса армейского офицерства была рядовой, служилой интеллигенцией, призванной из запаса. Учителя, инженеры, юристы, студенты, взятые после 3-го курса, выслужившиеся из солдат и вольноопределяющихся.

Например, даже в высшем эшелоне белой Добровольческой армии всего 15 % командиров были из дворянства. Около 90 % не имели недвижимой собственности, ни родовой, ни купленной (в том числе Корнилов, Деникин, Алексеев). Что уж говорить о рядовых белогвардейцах? Из 4 тысяч участников корниловского Ледяного похода менее 500 были кадровыми офицерами, остальные интеллигенты-разночинцы призыва военного времени.

Большевистская демобилизация оставила не у дел 400 тысяч офицеров. Первым, кто начал организовывать их для борьбы с узурпаторами, стал генерал от инфантерии М. В. Алексеев. Он родился в 1857 году в семье рядового солдата, взятого из крепостных и тянувшего нелегкую 25-летнюю лямку. Рос при полку и сам пошел на службу рядовым. В боях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был за доблесть произведен в прапорщики. И еще 10 лет служил на низших офицерских должностях, самостоятельно занимаясь учебой, поскольку не имел никакого образования и не знал иностранных языков, привычных в то время для любого офицера. Затем поступил в Академию Генштаба, где были замечены его незаурядные таланты. В русско-японской войне участвовал генерал-квартирмейстером 12-й армии, потом стал начальником Академии Генштаба. Активно участвовал в реорганизации армии после поражения.

В мировую войну вступил начальником штаба Юго-Западного фронта – именно ему этот фронт был обязан громкими победами в 1914 г. Командовал Западным фронтом в тяжелый период отступления, вызванного нехваткой боеприпасов, но и здесь проявил себя блестящим полководцем, мастерски выведя свои армии из стратегического окружения, которое готовил им Людендорф. В 1915 г., когда Верховным Главнокомандующим, отстранив великого князя Николая Николаевича, стал сам царь, Алексеев был назначен у него начальником штаба, т. е. фактически главнокомандующим – конечно же, не царю, а ему приходилось решать все стратегические вопросы и осуществлять практическое руководство войсками. В этот период у него начала развиваться тяжелая болезнь почек, но генерал, сознавая легший на него груз ответственности, откладывал лечение до окончания войны.

После Февральской революции он стал и юридически Верховным Главнокомандующим. И был снят 22.5, когда высказался резко против «Декларации прав солдата», подписание которой было уже решено Керенским. Когда заслуженному полководцу, не потрафившему новому начальству, пришлось неожиданное предписание об отставке, он горько усмехнулся и сказал Деникину, своему начальнику штаба: «Рассчитали, как прислугу...»

Его отличали простота и удивительная скромность. Он никогда не лез на передний план, на первые роли. И трудился с редкой самоотдачей не ради красивой позы, а ради результата. Корнилова, дерзкого и решительного, всеобщее мнение прочило в Пожарские Белой гвардии. Алексеев стал ее Мининым. 30.10 в Петрограде, на чужой квартире, где его

укрыли приближенные, он убедился в безнадежности положения столицы и выехал на Дон. Там, под прикрытием казачьих полков, – пусть пассивных, пусть нейтральных – он надеялся организовать ядро новой армии для спасения страны.

2 ноября приехал в Новочеркасск Этот день стал новой точкой отсчета. Позже он был признан в антикоммунистических кругах как официальная дата рождения Белого Движения.

Атаман А. М. Каледин встретил его сочувственно. Но уже и на самом Дону обстановка оказалась крайне сложной. Вовсю шли конфликты между казаками и «иногородними» – крестьянами, поселившимися здесь позже казаков. Теперь они объявляли себя большевиками, желая передела в свою пользу казачьих земель. Начались конфликты между старыми старичниками, отстаивавшими традиционные казачьи порядки, и молодыми фронтовиками, которые возвращались домой изрядно развращенными, отвыкшими от труда, отравленными политикой и агитацией. Каледин опасался, что формирование Алексеева может обострить ситуацию. Убежище предоставил, но просил при первой возможности перебраться за пределы области, например, в Ставрополь.

В тот же день Алексеев послал в Петроград условную телеграмму об отправке надежных офицеров. Один из лазаретов на Барочной улице стал общежитием. Так началась армия. Не было ни вооружения, ни обмундирования, ни денег. В ноябре сумма пожертвований от частных лиц и финансовых организаций составила всего 400 рублей. А. И. Деникин пишет: «Было трогательно видеть, как бывший Верховный Главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десятков кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей».

Одну серьезную ошибку совершил Алексеев. Привыкший все делать обстоятельно, не признающий ни малейшего авантюризма, он промедлил бросить клич офицерству с призывом собираться на Дон: «Как же я могу обратиться с таким воззванием, раз в моем распоряжении нет средств? – говорил он. – Ведь и теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по ночам, думая, как мне их прокормить, как их одеть».

В результате воззвание вышло только в декабре, когда дороги на Дон уже были перекрыты фронтами. А пока ехали, направляемые петроградскими и московскими организациями. Ехали другие, в одиночку и группами, на свой страх и риск Просто – на Дон. Интуитивно и на основании слухов надеясь, что там сохранилась Россия, власть, сопротивление большевикам.

Положение добровольцев на Дону было сначала критическим. Юридически их соглашались считать «беженцами». Но со всех сторон выражали недовольство. Старое казачество, Круг, даже Донское правительство надеялись на соглашение с советской властью, близоруко мечтали отсидеться за «государственной границей». И не хотели злить большевиков, давая приют офицерам. А левая печать, зараженные большевизмом фронтовики и распропагандированные рабочие вовсю обрушивались на «сборище контрреволюционных элементов», вели яростные агитационные кампании. Атаману до поры до времени удавалось сдерживать нападки только старинным казачьим законом: «С Дона выдачи нет!»

22–23.11 разными путями приехали узники Быховской тюрьмы – А. И. Деникин, А. С. Лукомский, С. Л. Марков, И. П. Романовский. Добрались с массой приключений. Лукомский в Орше, забитой матросами Крыленко, вынужден был ночевать в публичном доме. До Смоленска ехал с двумя дамами в вагонном сортире, до Москвы чуть не замерз на открытой площадке. А от Москвы до Дона стоял в коридоре. Марков, одетый солдатом, митинговал с «товарищами» и бегал им за папиросами. Деникин ехал более удобно – на третьей полке с двадцатью человеками в купе. Сжимая при проверках документов в кармане револьвер, который потом оказался неисправным. Конспирировались так по-детски неумело, что их,

разыскиваемых по всем дорогам, не поймали только из-за халатности и расхлябанности патрулей.

Каледин принял и быховцев. Но посоветовал временно уехать с Дона – ведь их имена все левые связывали с «корниловщиной» и контрреволюцией. Атаман не настаивал на отъезде, но при возможности просил где-нибудь переждать. Лукомский уехал на Терек Деникин и Марков – на Кубань. Однако обстановка сама укрепила позиции добровольцев. 20.11 в Новочеркасске начали бузить два запасных (неказачьих) полка. Разоружить их и выслать с Дона сил не нашлось. Донцы, кроме атаманского конвоя и юнкеров, выполнять этот приказ отказались. Каледин обратился к «алексеевской организации». Впервые она выступила в качестве вооруженной силы...

А вскоре к Таганрогу подошли миноносец и тральщики с черноморскими матросами. Тральщики поднялись по Дону до Ростова, высадили десант. 26 ноября местные большевики совместно с ними захватили город. Образовался ВРК, призвавший к войне против «контрреволюционного казачества», начались погромы и убийства. И опять казачьи части идти на Ростов отказались. Тогда Каледин явился к Алексееву и сказал.

«Я пришел к вам за помощью. Будем, как братья, помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти».

Отряд в 500 штыков выступил на Ростов. К нему присоединились новочеркасские юнкера, кадеты, добровольцы. Узнав о приближении неприятеля, ВРК организовал оборону. Войск в его распоряжении хватало – город был переполнен солдатней запасных полков и возвращающихся с фронта частей. Конечно, это была малонадежная разложившаяся масса, но цементирующими звеньями стали отряды черноморских матросов и Красной гвардии – на ростовских складах нашлось много оружия, что дало возможность сколотить формирования из местных рабочих и люмпенов. Сражение началось у ростовского предместья Нахичевани (ныне в черте города). Белые развернули наступление вдоль железнодорожной линии Новочеркасск – Ростов. В центре боевых порядков жиденькой цепью шли офицеры-алексеевцы, на правом фланге – юнкера, на левом – донские добровольцы генерала Попова. Их встретила лавина винтовочно-пулеметного огня. Тем не менее алексеевцы атаковали – во весь рост, почти не залегая, с винтовками на ремнях и стреляя на ходу. Их атака, сосредоточив на себе внимание красных, помогла фланговым отрядам совершить глубокий охват неприятельских позиций. Ворвались на линию большевистской обороны, ударили в штыки. Части ВРК побежали, и белогвардейцы вышли к городским окраинам.

Однако зацепиться там им не дали. Красногвардейцы остановились, простреливая узкие улочки. Жестокий артиллерийский огонь открыли орудия тральщиков, стоящих на Дону. Вскоре они смогли пристреляться, густо поливая шрапнелью расположение белых. Наступление захлебнулось. Под прикрытием артогня красные опомнились, перегруппировали силы, и перешли в контрнаступление. К вечеру калединцы и алексеевцы вынуждены были отступить.

Бои под Ростовом заставили одуматься несколько колеблющихся казачьих частей, и они двинулись на помощь к белогвардейцам. На следующий день сражение возобновилось. Оно продолжалось шесть суток. На подступах к городу, в предместьях, а затем и на улицах. Городской вокзал 5 раз переходил из рук в руки. Пленных не брала ни та, ни другая сторона. Наконец, к 2 декабря вся масса большевистских формирований, скопившихся в Ростове, была разгромлена и бежала, оставив город.

Этот рейд стал боевым крещением «алексеевской организации». Одновременно она получила на Дону легальный статус. Ей стали оказывать помощь в снабжении и вооружении. Но ломались и все планы. Если Алексей рассчитывал под защитой донцов сформиро-

вать костяк будущей армии, то теперь этот ничтожный зародыш сам становился защитником Дона.

12. Добровольческая армия

Первое сопротивление большевикам еще не было реакцией на их политику. Они еще не проявили себя. Это была реакция на насильственный захват власти, сопряженный с кровавым разгулом анархии. Соответственно и тактика первого сопротивления была пассивной – не пускать самозванцев в свой город, область, край. В крупных городах это выразилось самоубийственной борьбой юнкеров, саботажем интеллигенции. Более прочными узлами сопротивления стали области казачьих войск Донское – с атаманом Калединым, Кубанское – с Филимоновым, Терское – с Карауловым, Оренбургское – с Дутовым. Защищаться «государственными границами» пробовали и национальные окраины. О самостоятельности заявили Украина, Финляндия, об автономии – Эстония, Бессарабия, Крым, Закавказье.

Прочность позиции казачества во многом определялась самым крупным войском – Донским. Соответственно главной фигурой казачьего сопротивления стал Алексей Максимович Каледин. Он родился в 1861 г. в семье казачьего офицера. Служил в Киевском округе, Генштабе, в Донском войсковом штабе. А прославился в мировую войну. Там же, где Корнилов с Деникиным. 12-я кавалерийская дивизия, которой он командовал, наступала на Карпаты в авангарде 8-й армии Брусилова и одержала ряд блестящих побед. Каледин, «вторая шашка России», упорный, расчетливый и всегда спокойный, не посылал, а сам вел в бой своих кавалеристов. Казаки любили его и верили безоголочно. Командовал затем 12-м армейским корпусом, а после ухода Брусилова на командование фронтом принял у него 8-ю армию. Она явилась ударной в знаменитом Брусиловском прорыве и внесла основной вклад в победу, разгромив и уничтожив 4-ю австрийскую армию. Когда произошла революция, он категорически не захотел мириться с комитетами и «демократизацией». По этому поводу вошел в конфликт с Брусиловым и ушел с фронта в Военный совет.

К лету началось движение казаков за автономию. Первоначальной причиной стало опасение всеобщего уравнительного передела казачьих земель. Министр земледелия Чернов на Крестьянском съезде недвусмысленно заявил, что казаки имеют большие наделы, и теперь им придется поступиться частью земли. 8 июня на Дону собрался Войсковой Круг – 700 делегатов от станиц и полков. Кандидатуру Каледина единодушно выдвинули на пост атамана. Он ответил: «Никогда! Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет – это будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может!»

Однако казаки не хотели никого другого. Избранный громадным большинством голосов после долгих уговоров, он согласился. Скрепя сердце. И оказался прав. Казачьи Круги и правительства, противодействуя совдепам, содержали в себе те же совдеповские недостатки. На Дону политика Круга была более умеренной, большинство относили себя к кадетам, но имелось и сильное эсеровское крыло. А на Кубани подавляющее большинство Рады состояло из эсеров, социал-демократов, украинских самостийников. Власть атаманов всячески урезалась «демократией». Фактически атаман был лишь председателем в заседаниях правительства.

Заседания выливались в нудные словопрения с отстаиванием партийных платформ и спорами по формулировкам. Если Каледину и удавалось чего-то добиться в таких условиях, то лишь благодаря огромному личному авторитету. Его признавал лидером не только Дон. Ото всего российского казачества он выступал на Московском Государственном совещании с декларацией, требующей вывести армию «из кольца политики», возвращения власти командованию и упразднения комитетов. Сказал то, что Керенский запретил выносить на обсуждение Корнилову.

После того как Каледин выразил сочувствие «корниловщине», Керенский в сентябре объявил его изменником, издал приказ о снятии с поста и аресте. Но тут уж вздыбился Дон

– «атамана не выдадим!». Его поддержали остальные казачьи войска, грозя отозвать казаков с фронта, и Временное правительство пошло на попятную, а Керенский раз за разом рассыпался в извинениях перед казачьими делегациями – мол, ошибка вышла. Осенью казаки стали проявлять себя все более оппозиционно по отношению к центральной власти, видя ее слабость и бездеятельность. Уже 5.10 Кубанская Рада приняла постановление о провозглашении своей республики, входящей в Россию на правах федерации. Переговоры с Доном завершились образованием Юго-Восточного Союза из Донского, Кубанского, Терского, Астраханского казачеств, калмыков и Союза горцев Северного Кавказа. Предполагалось привлечь также Уральское войско и Закавказье. С правительством стали говорить языком ультиматумов: «Когда же Временное правительство отрезвится от этого угара, большевистского засилья и положит конец всем безобразиям?»

Трагедия Каледина усугублялась тем, что он никогда не был самостийником. Облеченный доверием казачества, защищая его интересы, он прекрасно сознавал, что все это яйца выеденного не стоит без сохранения российской государственности. 26 октября он заявил о верности Дона Временному правительству, но поскольку связь с центральной властью прервалась, то Донское правительство принимает на себя всю полноту государственной власти в своей области. Считая, что обломки Временного правительства еще должны где-то существовать, искал с ними связь для помощи против большевиков. Даже долго не решался расходовать на нужды Дона денежные запасы из областного казначейства. Но уже не было обломков. Наоборот, осколки всех властей начали стекаться на Дон. Родзянко, Милуков, Алексеев, Корнилов, Савинков. Все нашли приют. В конце ноября прибежал и Керенский. Заявился с визитом к атаману. Но Каледин даже не пожелал принять эту личность.

Между тем положение осложнялось. Большевики вовсе не намерены были соблюдать нейтралитет с казачьими «государствами». Начали формировать карательные экспедиции. Под боком образовалась «Донецкая социалистическая республика». Черноморский флот слал ультиматумы, готовил корабли и десанты. Поначалу казачество и местная демократия относились к этому без особого страха. В Донском Войске было под ружьем 62 полка, 72 отдельные сотни, десятки артиллерийских батарей. С такой силой область казалась не по зубам никакому сброду.

Но гибель Дона таилась на самом Дону. «Революционная демократия» в каком-то психозе продолжала те же глупости, которые уже погубили ее саму по всей России. Блок эсеров и меньшевиков на крестьянских съездах, в газетах, рабочих организациях выносил одну за другой резолюции недоверия атаману и правительству. Протестовали против военного положения, против разоружения и высылки разложившихся полков, против ареста большевистских агитаторов, проповедовалось «демократическое примирение с большевиками». Правительство тратило все силы на достижение взаимоприемлемых соглашений между партиями и группировками. Созвали одновременный съезд казаков и крестьян. Создали «паритетный» кабинет из 7 представителей казачества и 7 «иногородних». Стало еще хуже, это только усугубило внутреннюю грызню. Крестьянство не удовлетворилось тем, что ему давали – участие в станичном управлении, широкий прием в казаки, 3 млн. десятин помещичьей земли. Требовали передела всех земель. Съезд иногородних постановлял разоружить и распустить Добровольческую армию, «борющуюся против наступающего войска революционной демократии».

С фронта начали возвращаться полки. В отличие от солдатских, разбежавшихся толпами, казачьи части формировались из одних станиц, со своими конями и оружием. Поэтому и домой ехали организованно. К тому же оказалось, что организованно легче захватить эшелоны, пропихнуть их через железнодорожный хаос. Иногда прорывались с боем через заслоны большевиков и украинцев Центральной Рады, пытавшихся их разоружить. Прибывали на Дон в полном порядке, зачастую с артиллерией – она ж была своя, донская. Но

едва ступали на родную землю, весь порядок кончался. Наплевав на центральное правительство, казаки плевали теперь и на собственное. Больше всего боялись осточертевшей войны и враждебно относились ко всем, кто звал их куда-то еще воевать. Многие оказались заражены большевизмом, еще больше – анархией, войдя во вкус безвластия.

И расходились по домам, неся анархию туда. Теперь они отвергали традиционный уклад, незыблемый доселе авторитет «стариков», станичную власть. Пошли конфликты «молодых» со «стариками», фронтовиков было больше, они были сильнее, были вооружены, и в большинстве станиц победа оставалась за ними. Перед угрозой нашествия Дон становился беззащитным. Каледин говорил: «Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся – хорошо. Нет – казачья песня спета».

А между тем генерал Корнилов, покинув Быховскую тюрьму, двигался на Дон походным порядком с Текинским полком. В сильный мороз и гололедицу, дорогами и снежной целиной, лесами и болотами прошли за 7 дней 400 километров. Лошади выбились из сил, застревая в сугробах. Непривычные к зиме туркмены падали духом. Наконец и большевики их выследили. 26.11 полк в лесу нарвался на засаду и отошел под огнем. В тот же день пробовали перейти железную дорогу у станции Унеча. Появился бронепоезд, ударил из пушек и пулеметов. Под Корниловым убило лошадь, несколько человек ранило. Полк рассеялся. Собраться вместе по лесам сумели не все. Решив, что без него полк не будет подвергаться опасности, Корнилов отправил его в ближайшее местечко, а сам сделал попытку двигаться с отрядом в 44 человека. Снова попали в засаду, были окружены. Прорвавшись через три дня, вернулись к полку. Корнилов был болен, едва держался в седле. Последние переходы его поддерживали под руки. Не желая больше никого подвергать риску, он переоделся в заношенный зипун, стоптанные валенки и сел на ближайшем полустанке в поезд, идущий на юг. 6 декабря под документами крестьянина Иванова, беженца из Румынии, он приехал в Новочеркасск.

Текинский полк отправил телеграмму Крыленко, что Корнилов пропал без вести при обстреле с бронепоезда. Больше его не преследовали. Путешествуя по Украине, полк попал в Киев. Отправить его на Дон Рада отказалась, и часть была расформирована. Десяток офицеров и взвод всадников все-таки пробрались к Корнилову и сражались в рядах белогвардейцев, были его личным конвоем. Стекались и другие корниловцы. С Кубани и Кавказа были вызваны генералы Деникин, Марков, Лукомский, Эрдели.

Корниловский ударный полк под командованием Неженцева в дни Октябрьского переворота комиссар Временного правительства Григорьев вызвал в Киев. Вместе с юнкерами повоевали здесь с большевиками комиссара Пятакова. Когда большевиков поддержала Центральная Рада, Григорьев начал переговоры. В результате юнкерские училища отправили на Дон, а корниловцев Петлюра... пригласил к себе на службу. Отказавшись, Неженцев просил у Ставки разрешения уйти к Каледину. Ставка, еще духонинская, запретила. А после ее разгрома стало трудно уехать. Украинцы пропускали только казачьи эшелоны, как «нейтральные». Но казаки брать с собой корниловцев не желали. Тогда эшелон с имуществом и вооружением отправили под фальшивыми документами. А советскому начальству доложили, что полк разбежался – это было в порядке вещей. И поехали поодиночке, группами. В течение декабря на Дону собрались 50 офицеров и 500 солдат-корниловцев.

Перед Белой гвардией встал вопрос о дальнейших планах. Узнав, что на Дону формирование уже начато Алексеевым, Корнилов решил взять Деникина, Лукомского и ехать дальше, поднимать Сибирь. Он считал, что, раз тут работа идет, ему на Дону делать нечего. Организация войск в замкнутом пространстве Юга представлялась ему делом местного масштаба, тем более что на территории казачьих войск придется зависеть от казачьих правительств, кругов и атаманов. Корнилов рвался на простор, в Сибири и Поволжье видел воз-

возможность развернуться в полную силу. Верил, что, опираясь на восток России, можно не только смести большевиков, но и воссоздать, пусть не сплошной, антигерманский фронт.

Его решение усугублялось личными взаимоотношениями. Предыдущие контакты по службе между Корниловым и Алексеевым случались в далеко не лучших ситуациях. Например, как раз Алексеев после «мятежа» арестовывал Корнилова и принимал у него дела. Оба были крупнейшими военачальниками России, оба уважали друг друга, но никогда не были близки и очень различны по складу. Сработаться вместе им было трудно, о чем Корнилов честно сказал Алексееву. А трения между двумя признанными лидерами могли внести разлад в частях.

В это время из Москвы прибыла группа видных представителей общественности – князь Трубецкой, князь Львов, Милуков, Федоров, Струве, Белоусов. Национальный центр, собравшийся из обломков умеренных и либеральных партий, решил поддержать создание Белой гвардии, имел контакты с миссиями стран Антанты. Московские представители требовали, чтобы Корнилов остался на Дону. Он возражал: «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю. Я убежден, что там можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время».

Но у Национального центра тоже был веский аргумент – огромная популярность Корнилова. Если бы он уехал, за ним могли податься очень многие белогвардейцы. И все начинание на Дону могло развалиться. (И действительно, судя по настроениям офицерства, большинство вполне могло рвануть «туда, где Корнилов».) А Москва была городом торговым, обстоятельным. Предпочитала синицу в руках журавлям в небе. И поставила категорическое условие: материальная поддержка будет оказана только реальной, существующей организации, если вожди Белого Движения будут работать вместе, распределив между собой обязанности и подписав соответствующее соглашение. К этому условию присоединились союзники, Англия и Франция, обещав помощь в 100 млн. руб., по 10 в месяц. Корнилов вынужден был согласиться. Три высших начальника подписали соглашение об образовании армии, получившей название Добровольческая. Корнилов принимал на себя командование. Скромный трудяга Алексеев ради пользы дела отошел на второй план, оставил себе финансовые проблемы, вопросы внутренней и внешней политики. Третий подписавший, Каледин, ведал формированием Донской армии и вопросами жизни Дона.

Вот, казалось бы, случайность... А кто его знает, может, из-за этой случайности Сибирь и Поволжье поднялись против большевиков на полгода позже, не имея авторитетных вождей? А союзники, кстати, так ни черта и не прислали. Их мизерной помощи Добровольческая армия дождалась только через год.

Корнилов считал свое командование на Юге временным, не навсегда. Как только армия прочно встанет на ноги, он все же намеревался ехать в родную Сибирь. А пока слал письма сибирским политическим деятелям. В частности, хорошо знакомому В. Н. Пепеляеву. Командировал ряд офицеров в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын и Астрахань, чтобы организовать там белые силы. Увы, все тогдашние офицеры были никудышными конспираторами, все традиционно не разбирались в партийно-политических хитросплетениях. И подавляющее большинство офицерских организаций стали легкой добычей чрезвычайца. Из корниловских посланцев только один оставил заметный след в Белом Движении – капитан Лебедев. Впоследствии он стал начальником штаба Колчака.

Между тем выяснилось, что из приходящих с фронта казачьих полков прочные части можно создать только на принципе добровольчества. Донской штаб так и не сумел солидно наладить это дело. Разрешения на формирование отрядов выдавались чуть ли не всем желающим. В результате возникло много мелких белопартизанских отрядов – есаула Чернецова,

войскового старшины Семилетова, сотника Грекова, есаула Лазарева и др. На Кубани Рада объединила офицеров и казаков в один добровольческий отряд под командованием капитана Покровского. Корнилов и Алексеев направили туда для связи генерала Эрдели.

Развертывание Добровольческой армии продолжалось. В среднем записывались 70–80 человек в день. Оружие отбирали у солдатских эшелонов, едущих по домам, доставали через скупщиков. К концу года армия состояла из Корниловского полка, офицерского, юнкерского и георгиевского батальонов, четырех артиллерийских батарей, офицерского эскадрона, инженерной роты и роты гвардейских офицеров. План Корнилова и Алексеева был – довести численность до 10 тыс. человек и лишь затем приступить к выполнению крупных задач. Жизнь решила иначе. Большевистские фронты перекрыли дороги, отрезали Дон от России и Украины. Приток добровольцев резко упал – добирались лишь единицы. В декабре красные отряды со всех сторон двинулись на Дон.

13. Кто разжигал гражданскую

Ленинский план построения социализма обстоятельно описан им в 1917 г. в книге «Государство и революция». Ильич предвосхитил своими проектами самые мрачные фантазии-антиутопии Е. Замятина, Дж. Оруэлла, Г. Уэллса. Его социализм – государство-машина. Пирамидальная система со всеобщим милитаризованным подчинением сверху донизу. Никакой торговли, частной собственности, самостоятельности. Каждый работает по трудовой повинности, где указано. И рабочие, и крестьяне сдают свою продукцию государству. Централизованное распределение: каждый получает положенный ему продпаяк и положенные промышленные товары. И работа, и распределение под контролем «вооруженных рабочих». А на верхушке пирамиды – «партия рабочего класса», которая регулирует работу всей бездушной машины, дергая за государственные рычаги. Подробно эту черную фантастику можете почитать сами, если интересно. Г. В. Плеханов писал, что из ленинского проекта может получиться лишь уродливое бюрократическое образование типа китайской или перуанской империи.

Но начать строительство такой империи в 1917 г. было никак нельзя. Ленинский социализм предполагал жесткую тоталитарную подчиненность, железную диктатуру. А чтобы взять власть, пришлось разложить и разрушить все государство. И после победы большевики оказались не на верхушке готовой бюрократической пирамиды, а на неустойчивом плотике в бушующей стихии. Значительная часть населения воспринимала большевиков как явление временное, очередной непрочный кабинет Временного правительства. Повластвовали по паре месяцев два кабинета Львова, по паре месяцев – два кабинета Керенского. Теперь пробует повластвовать кабинет Ленина... Да и Учредительное Собрание не за горами. Ничего реального дать большевики не могли – ни прочного мира, ни хлеба, ни промышленных товаров, ни порядка.

Деревня, только уgomонившись, вступила в новый кризис – хлынули фронтовики, неся с собой хулиганство и анархию, не желая знать над собой никаких сходов и старост, требуя новых переделов земли. Не получая продукции из городов, деревня придерживала до лучших времен свою продукцию, свернула поставки. Система снабжения рухнула. Транспорт оказался в руках миллионов демобилизованных и дезертиров. Централизованный подвоз продуктов в города тоже прекратился. Заводы останавливались, лишены сырьем и топливом, с разрушенным управлением и хозяйственными связями. Рабочие одними из первых стали выражать недовольство. Уже в ноябре представители Путиловского завода заявили:

«Мы говорим вам – положите конец разрухе. Иначе мы с вами рассчитаемся сами. К черту Ленина и Чернова! Повесить их обоих».

«Вы не стоите того, чтобы вас земля носила! Повесить бы вас всех на одном дереве – в стране само наступило бы спокойствие!»

Массовый наплыв в «рабочий класс» безработной черни, люмпенов и деклассированной рвани грозил оставить без дела самих рабочих.

Единственной реальной силой в городах были анархические массы солдатско-матросской вольницы. Но хотя их штыками большевики пришли к власти и держались, эти распоясавшиеся банды были опасны и для самих большевиков. Они вошли во вкус менять власти и считали новых правителей своими марионетками. Чуть что – сняли бы теми же штыками. Выход? Очень простой. Если народу нельзя дать еды, одежды и порядка, надо дать ему врага. Еще до своего владычества коммунисты привыкли объяснять все безобразия в стране не глупой «революционной» дезорганизацией, а заговорами и происками контрреволюции. Есте-

ственным продолжением стала та же позиция после победы. Сразу две проблемы решались – «классового врага» подавить и перенацелить общее недовольство.

До Октября отношение к интеллигенции, к «буржуям» изобиловало хамскими выходками, но еще сдерживалось. После Октября большевики начинают искусственно разжигать откровенную вражду. Враг, пугало, был необходим им, как воздух. (И останется необходимым еще 70 лет, чтобы объяснить собственную несостоятельность, бесхозяйственность и просчеты происками то белогвардейцев, то вредителей, то троцкистов, то шпионов, то Антанты, то империализма). Уже 28.11.17 вышел «Декрет об аресте вождей гражданской войны, противников революции»: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду военного трибунала».

Неплохой задел на будущее – уже и «враги народа», и то, что враги – целая партия, скопом. И арест с трибуналом – скопом для целой группы лиц, оказавшихся за чертой. Обратите внимание, декрет направлен не против монархистов или черносотенцев, а против кадетов, лидировавших в Феврале и давших России гражданские свободы. То есть тех, кого можно считать опасными конкурентами.

Но кроме «домашних» врагов, нужна была война.

Во-первых, в войну – какой спрос за холод, голод и неурядицы?

Во-вторых, война давала возможность очистить столицу и крупные города от самых буйных элементов. Отправить свои банды головорезов подальше. Благо «очаги контрреволюции» были налицо. Естественно, казачьи области. Каледина, Дутова, Филимонова объявили почему-то изменниками (как будто они хоть день большевикам служили!). Объявили, конечно, «вне закона» (только непонятно какого?). А «националы», пытающиеся отгородиться «правом наций на самоопределение»? 3.12.17 Совнарком издал Манифест, требуя от Центральной Рады не пропускать казачьих частей на Дон и Урал, содействовать «революционным войскам» в борьбе с «кадетско-калединским восстанием», прекратить попытки разоружения советских полков и Красной гвардии, возвратит им оружие. То есть Рада должна перестать сопротивляться тем, кто ее хочет свергнуть, да еще помогать Советам против Дона. «В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение 48 часов Совет народных комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти».

Желающих повоевать было, конечно, немного. Зато в это «немного» вошли самые отпетые, вкушившие прелесть грабежей, убийств и безнаказанного насилия. К тому же в Петрограде уже становилось голодно, холодно. И скучно. Ну что за развлечение выпотрошить с обыском и реквизицией квартиру профессора или избить случайного офицера? А Юг был землей обетованной нерезанных буржуев и непуганых обывателей, где текут спиртовые реки со сметанными берегами. Пошла самая буйная головка бандитствующей вольницы.

Как грибы стали расти фронты. На Украину двинулись отряды под командованием левых эсеров Муравьева и Петрова. Казаков обкладывали кольцом фронтов. На базе карательных отрядов, которые начал на всякий случай формировать против Каледина еще Керенский, создавались части двадцатилетнего мальчишки Саблина в Московском округе и мрачного палача Сиверса – в Казанском. В Ставрополе, куда, как на помойку, все казачьи войска выпихивали разложившиеся запасные части, собирал фронт прапорщик Сохацкий. В Новороссийске – черноморские матросы. Все эти «фронты» были еще небольшие, по несколько тысяч человек каждый, но, щедро питая их, потек домой полуторамиллионный Кавказский фронт из Турции и Персии. Самый короткий путь шел морем через Трапезунд. А в Трапезунде ВРК вербовал желающих воевать с казаками и грузил их на корабли до Новороссийска без очереди, не сажая остальных.

В Самаре, поволжских и уральских городах собирали фронт против Дутова. В Царицыне – против Каледина и против Астрахани. Наконец, совсем игрушечный frontiшко фор-

мировал в Чите Лазо, из двух полков – один из казаков, второй из каторжан-уголовников. Против атамана Семенова.

Первые месяцы советской власти принято считать временем «гуманного» правления. Но отметим, что это правление еще не было целиком большевистским. В Совнарком входили левые эсеры, в ЦИК – подобие парламента – другие партии: правые эсеры, меньшевики, анархисты. Да и «гуманизм» был очень уж относительным. Разве что без расстрельных декретов и «красного террора», но шло все уже к этому...

Портфель наркома юстиции достался левым эсерам? Хорошо. Зато тут же создается орган внесудебной расправы – ВЧК.

И тут же выводится из-под всякого юридического надзора. В постановлении Совнаркома от 19.12.17 говорится:

«Какие бы то ни было изменения постановлений комиссии Дзержинского допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совнарком, а никоим образом не единоличным распоряжением наркома юстиции».

Одним из первых декретов были упразднены сословия. Но тут же возникло новое кастовое деление, куда более отвратительное – классы. Высший – пролетариат, низший – крестьянство, и недочеловеки – «буржуи»: вся интеллигенция, служащие, чиновники, духовенство. Если классовая теория чем-то и отличается от расизма, то, наверное, в худшую сторону, проповедуя заведомое превосходство необразованного человека над образованным, хамства над добродетелью, невежества над разумом. И «буржуев», этих «неприкасаемых», низшую расу, сразу начали обкладывать флажками, как волков.

20.15.17 Ленин в проекте декрета «О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками» дает четкое определение: «Лица, принадлежащие к богатым классам, т. е. имеющие доход в 500 руб. в месяц и свыше, владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб., а равно служащие в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, обязаны в течение 24 часов представить в домовые комитеты в 3-х экземплярах заявление за своей подписью с указанием адреса о своем доходе, своей службе и своих занятиях».

Под угрозой тюрьмы или отправки на фронт они обязаны «постоянно иметь при себе копии с вышеуказанных заявлений, снабженные удостоверениями домовых комитетов...» Не напоминает ли нашивку «желтой звезды»? Для тех же категорий «вводится всеобщая трудовая повинность. Все граждане обоего пола с 16 до 55 лет обязаны выполнять те работы, которые будут назначены местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Добив систему снабжения, большевики, недолго думая, начинают решать проблему с помощью организованных и легализованных грабежей – реквизиций. В Москве, например, был издан специальный «Вопросник для буржуазии», согласно которому владелец обязан был указать, сколько у него имеется вещей, вплоть до нижнего белья. А Ленин, как «главный пахан», в ноябре 17-го разрабатывает декрет о реквизициях, где оговаривает, какие вещи грабить, а какие оставить хозяину. Он определяет: «Богатой квартирой считать всякую квартиру, где количество комнат больше или равно количеству душ проживающего населения».

Например, служащий, проживающий в одной комнате, уже подлежит грабежу. Кроме того, жителей двух подобных «богатых» квартир предписывалось сгонять в одну.

Расстрельных декретов большевики еще не могли себе позволить. Зато они позволили «высшим» классам любые безобразия без всяких декретов. Просто развязали руки бандитам «на местах». Уже 9.01.18 вышла статья Ленина «Как организовать соревнование», где он пишет: «Единство в основном, в коренном не нарушается, а обеспечивается многообразием в

подробностях... в приемах подхода к делу, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции)».

И предлагает действовать, кто как хочет – заставить «очистить сортиры», выдать «желтый билет по отбытию карцера» или просто расстрелять «тунеядца» и «лакея буржуазии». Всероссийскому хаму гарантировалась вседозволенность, даровалось право на любые самочинные зверства. И. А. Бунин приводит пример, как это претворялось в жизнь, – «протокол» тамбовских мужиков села Покровского: «30-го января мы, общество, преследовали двух хищников, наших граждан Никиту Александровича Булкина и Адриана Александровича Кудинова. По соглашению нашего общества, они были преследованы и в тот же момент убиты».

Там же «казнят» заподозренных в воровстве – орудиями казни служат вилы и безмен, которым проламывают черепа.

Но основное внимание большевиков сосредоточилось, естественно, на Учредительном Собрании. Во имя успеха которого они якобы брали власть, которого Россия ждала с Февральской революции, с которым связывала надежды на лучшее. Выборы проходили уже после Октябрьского переворота. Уже запретили все неудобные партии – кадетов, октябристов и др. Уже закрывались и конфисковались все неудобные издания. Уже большевистская пропаганда получила абсолютное преимущество перед остальными – конкурирующих агитаторов можно было запросто арестовать. Но и этого оказалось недостаточно. Пошло мощное давление на комиссию по выборам. 23.11 ее арестовали, 27-го выпустили, но Ленин приказал Урицкому обосновать «пользу ареста» и не пускать членов комиссии в Таврический дворец, где она заседала.

На местах шла борьба, продолжали звучать требования о скорейшем созыве Учредительного Собрания. Ведь теперь у многих с ним связывались и чаяния на конец большевистского беззакония. И вот 19.12.17 Советы постановили, что оно «будет созвано, как только половина членов, именно 400 депутатов, зарегистрируется установленным порядком в канцелярии Таврического дворца».

Легко понять, что решение опять играло на руку большевикам. Не говоря уж о «контрреволюционных» областях, отрезанных фронтами, Собрание предполагалось открыть, не дожидаясь депутатов от богатых переселенческих, казачьих и национальных окраин, где позиции ленинцев были самыми слабенькими.

Но, несмотря ни на что, становилось ясно – в открытой демократической борьбе большевики терпят полное поражение. И не только в демократической. Солдаты столичных полков – Преображенского, Семеновского, Волынского и др., в октябре поддержавшие их, теперь все сильнее выражали недовольство. Поздно. Большевики уже начали обзаводиться новыми козырями. Одним из них были матросские отряды, хорошо наживавшиеся на обысках, реквизициях и презиравшие серошинельную разложившуюся «рвань». Кстати, далеко не все эти «матросы» были настоящими – как раз в такие отряды часто записывалась уголовная шпана, которой нравилось щеголять в морской форме (обратите-ка внимание, каким языком говорят «матросики» у Вишневого, Лавренева, Соболева).

Кроме того, после перемирия с немцами с фронта были сняты латышские полки. Латыши, исторически ненавидевшие немцев, среди общего развала сохранили боеспособность, дисциплину и организованность. То есть считались в 17-м частями «контрреволюционными». Но дезертировать и уехать домой в оккупированную Латвию они не могли. И большевики охотно приняли их к себе на службу, назначив высокую оплату золотом. То есть они стали профессиональными и верными хозяину наемниками – 8 полков, впоследствии развернутые в 16. Имелось еще одно немаловажное обстоятельство: русских латыши тоже исторически не любили, как хозяев Латвии после немцев. Что делало их, сами понимаете, идеальными карателями.

5 января Учредительное Собрание открылось. Большинство мест получили эсеры. Значительного представительства добились меньшевики. И кадеты несмотря на запрет их партии. Ленин явился на первое заседание с заряженным револьвером в кармане, жутко возбужденный и окруженный бандой матросни. О нравах его «команды» говорит анекдотический факт – направляясь в зал, Ильич вспомнил, что забыл револьвер в кармане пальто. Но там его уже не оказалось. Сперли. Лишь через посредничество Дыбенко, перетряхнувшего своих подчиненных, нашли пропажу и вернули вождю пролетариата.

Предложенная большевиками «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» с треском провалилась. Название пусть вас не смущает – ведь ключевым пунктом декларации и ее основным смыслом было утвердить в России существующее правление, подвести законную базу под результаты Октябрьского переворота. Председателем, вместо Свердлова, навязываемого «сверху», был избран Чернов. Ленин вел себя откровенно похулигански – прыгал, хохотал, выкрикивал издевательские реплики. И другие большевики с ним. И левые эсеры тоже! Ну да разве могли они подозревать, что партнеры через полгода сожрут их самих? Они-то рассчитывали на честный сговор... Головорезы из ленинского окружения, бесцеремонно разместившись в проходах, свободных креслах, на галерках, хулиганили по-своему. Целились в ораторов из винтовок, клацали затворами...

Тем временем в поддержку Учредительного Собрания двинулись многотысячные мирные демонстрации. От рабочих районов, от учащихся, интеллигенции. Заслоны латышей и матросов встретили их огнем. Из пулеметов и винтовок – по толпе. Сколько народу погибло в этот день, сколько было переранено – неизвестно. Никто ж не считал... Большевики, левые эсеры, «левые мусульмане» и другие родственные партии, вдоволь «пошалив», покинули заседание, оставив остальных делегатов со своей охраной, продолжающей издевательства. А в ночь на 6-е последовало известное распоряжение Ленина «свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов».

И известный разгон: «Караул устал. Очистить помещение!»

На следующий день вышел декрет о роспуске Учредительного Собрания.

К жертвам расстрела демонстрации добавлялись новые. Группа матросов, ворвавшись в Мариинскую больницу, заколола штыками находившихся там видных общественных деятелей, бывших депутатов Думы и депутатов Учредительного Собрания Шингарева и Кокошкина. Кое-кого из депутатов стали убивать на улицах – поди, разберись, чья работа... Другие, справедливо опасаясь за свою жизнь, спешили покинуть Петроград.

Вообще-то, если разобраться, вряд ли из данного Учредительного Собрания вышло бы что-нибудь путное. Слишком уж много в нем было общего с предыдущими «Государственными» и «Демократическими» совещаниями, с беспомощным «предпарламентом». Не обладая ни реальной силой, ни единством, ни практической хваткой, вряд ли оно могло дать России что-то, кроме очередного потока говорильни. Но факт его разгона сыграл куда большую роль, чем факт созыва. Он стал ярким доказательством, что большевики не намерены считаться ни с чем и ни с кем. Похоронил надежды на то, что с ними можно бороться демократическими методами. И вызвал по России новую волну возмущения – не менее серьезную, чем после узурпации власти.

14. Первое нашествие

В декабре 17-то необузданные, анархические орды первых красных отрядов ринулись во все стороны от столиц и крупных городов.

Финляндия объявила о независимости 26 ноября и начала выгонять разложившиеся русские части. Учитывая ее важное геополитическое положение, Финляндию быстренько признали и Германия, и Франция, и Англия. И Советы 22.12. Лезть сюда с войной было бы «чревато». Тогда обильно снабдили финских коммунистов оружием, денежными средствами и в январе спровоцировали революцию. Белые добровольческие отряды возглавил генерал-лейтенант русской армии Карл Густав Эмиль Маннергейм. Они отошли на север, в Вазе. Разгорелась война, очень ожесточенная, на истребление. Бои шли с переменным успехом до марта, когда белое правительство обратилось за помощью к Германии. Высадившаяся дивизия фон дер Гольца вместе с частями Маннергейма за месяц очистила страну от красновардейцев. Гражданская война здесь закончилась.

В других местах красные действовали более успешно. Численно их отряды были небольшими – до нескольких тысяч. Но в каждом городе, каждом уезде находилось множество единомышленников – таких же любителей погулять, пограбить, поглумиться над «буржуями». Из них приставали к «армиям» единицы, зато в следующем населенном пункте ждали новые «большевики». Долго и упорно ползли красные войска по Украине. Сначала правительство Грушевского и Петлюры даже недоуменно запрашивало Петроград – «воюем мы или нет?» Потом поняло – «воюем». Армия Муравьева численностью около 8 тыс. штыков двигалась к Киеву. Кое-где вступали в стычки с украинскими войсками – вялые и скоротечные. Кого было защищать «вильну козацтву»? Самостийну неньку Украину? Но украинский национализм был тогда достоянием лишь небольшой части интеллигенции. Простой народ считал само собой разумеющейся жизнь в составе России. Даже к названию государства – «Украина» – еще не привыкли, оно только-только прозвучало. Центральную Раду защищать? Так она немногим от большевиков отличалась, последние даже больше благ обещали. Да и состояло «вольное козацтво» из тех же разложившихся солдат-фронтовиков. А против него двигалась хорошо вооруженная банда, прекрасно знающая свои выгоды и слабость противника. Везде было по-разному. Крупный Чернигов почти не пострадал – отделился 50 тыс. руб. «контрибуции», чтобы комендант и его штаб могли с утра до ночи пить, не просыхая. А провинциальный Глухов потонул в крови. Здесь расстреляли не только всех «буржуев», но и гимназистов, как «буржуйское семья».

15 января, подойдя к Киеву, большевики выставили в районе Дарницы свои батареи и начали бомбардировку города. Она продолжалась непрерывно одиннадцать дней! Одиннадцать дней по населенным кварталам гремели пушки. С семи утра до часу ночи. За день на город падало около 7 тыс. снарядов. Зачем – непонятно. Никакой военной необходимостью это не диктовалось. Рада и остатки ее войск давно сбежали в Житомир. Просто, видимо, красным взбрело в голову поэффектнее обставить штурм вражеской столицы. И рушились дома, полыхали пожары, гибли под обломками жители. Лишь 26-го большевики вошли в город. Начался второй акт трагедии – террор. Солдаты и матросы ходили по домам, останавливали прохожих. Брали бывших офицеров – тех, кто не ушел ни на Дон, ни к Петлюре, желая сохранить нейтралитет в междоусобице. Брали всех, кто был как-то связан с Украинской армией, показавшихся подозрительными или просто имел неосторожность представить документ украинского подданного. Брали священников, в том числе Киевского митрополита Владимира. Судьба их была одна – смерть. За несколько дней пребывания армии в городе было расстреляно не менее 2 тысяч человек. Затем Муравьев, вызвав представителей банков

и промышленников, содрал с города крупную контрибуцию, и его банды двинулись дальше – на Одессу.

Так и докатились до Бессарабии – дальше не получилось. Тут уже нашелся другой хозяин – румыны. По их науськиваниям, на их деньги действовал молдавский «парламент». Сославшись на беспорядки, вызванные собственной безответственностью, он пригласил румынские войска. Корпус ген. Броштиану 13 января вошел в Кишинев, быстренько расстрелял антирумынских деятелей – как белых, так и красных, – вымел за Днестр все силы, способные оказать сопротивление, и щелкнул по носу красным, сунувшимся было с Украины. В марте Бессарабия «добровольно» присоединилась к Румынии, и гражданская война для нее тоже окончилась.

Черноморские моряки, побитые Алексеевым и Калединым под Ростовом и Таганрогом, занялись завоеванием Крыма. Вернувшийся с поражением десант принес с собой ужас террора. После похорон убитых, привезенных с Дона, несколько дней шло истребление «контры, окопавшейся под боком» – морского офицерства, членов семей, а то и случайных «буржуев». Доходило до того, что ценных специалистов, соглашавшихся служить большевикам, прятали от расправы сами команды судов. С января флот переключился на другие города. Их захват происходил по одному сценарию. Подходили военные корабли, на город наводились пушки. Высаживался отряд. Подавлял сопротивление небольших воинских команд – татарских или местного самоуправления, если таковые вообще имелись. А затем при поддержке портового сброда устанавливалась «советская власть», начинались грабежи и репрессии.

Зверства творились неслыханные. Например, в Евпатории более 300 человек из офицеров и интеллигенции были истреблено на гидрокрейсере «Румыния». Обреченных, раздетых догола, выводили на палубу. Медленно, с побоями и издевками вырезали уши, нос, губы, половые органы, отрубали руки и лишь затем кидали в море. Подобными казнями лично любила руководить комиссарша-большевичка Антонина Нимич. Моряками были взяты Ялта, Феодосия, Евпатория, Керчь, а 13 января – резиденция татарского автономного правительства Симферополь. Татарское население, не принявшее большевизма, подверглось жестоким расправам наравне с «буржуазией». Рассказывали, что на Симферопольском вокзале, одном из главных своих опорных пунктов, матросы ходили по щиколотку в крови. Офицеров бросали в паровозные топки.

Победы были и на востоке. Атаман Семенов под станцией Оловянной потерпел поражение от отряда Лазо и отошел в Маньчжурию под защиту китайских войск. Но казаки, поддерживавшие было Лазо, поссорились с полком уголовников из его войск, грабившим станции, и разошлись по домам, бросив фронт. 19 января пал Оренбург. Полковник АИ. Дутов с небольшим отрядом верных казаков ушел в Верхнеуральск, а оттуда – в Тургайские степи. 24 января пала Астрахань, что тоже сопровождалось волной погромов и убийств.

Туркестанская Советская республика провела сразу несколько скоротечных войн. Сначала – с казаками полковника Зайцева, которые из Персии и Хивы попытались шестью эшелонами прорваться на Урал. Под Самаркандом их остановили, после боя разоружили, а офицеров расстреляли. Потом Коканд провозгласил автономию во главе с Иргашем. Он был завоеван Россией всего полвека назад, и националистические настроения в Коканде были очень сильны. Провозглашение автономии сопровождалось разгромом европейского Нового города и резней русских. В ответ из Ташкента двинули отряд под командованием Перфильева. И он разбил Иргаша. Сопроводив победу разгромом азиатского Старого города и резней мусульман.

Наконец, Туркестанские совдепы попытались завоевать Бухарский эмират, самостоятельное государство, вассально зависевшее от русского императора. Однако у эмира армия была хоть и зачуханная, но регулярная. Конфликт завершился вничью, попытка покончить с «пережитком феодализма» не удалась, и правительство Советской России выразило стрем-

ление к установлению добрососедских отношений с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, «учитывая отсутствие у них революционной ситуации».

Не сдалось Уральское казачество – единственное войско, не поддавшееся большевистской пропаганде и революционному разложению. Дело в том, что на Урале не было раздела земель – казаки не получали надел, а брали в здешних степях сколько нужно. А главное – уральцы были староверами и за веру держались куда крепче, чем прихожане «официальной» церкви. «Постоять за веру», «пострадать за веру» здесь было далеко не формальными понятиями, впитываемыми с младенчества. Большевики для них однозначно стали «антихристами», и казаки, поднявшись до единого, так и не пустили их в Уральск.

Северный Кавказ взорвался, как пороховая бочка. Дагестан потянуло к Турции. К белым дагестанцы были лояльны, а против большевиков начали партизанскую войну. В Чечне враждовали полсотни партий, по числу шейхов. Но все партии сплоченно напали на русских, громили казачьи станицы, грабили Грозный и нефтепромыслы. Ингуши грабили всех – казаков, осетин, большевиков, захватывали Владикавказ, соединялись с чеченцами против казаков. Осетины соединялись с казаками против большевиков и ингушей. Кабардинцы отняли у своих дворян землю и старались сохранять нейтралитет. Черкесы прятались в горах, преследуемые и уничтожаемые большевиками.

Из южных казачьих войск первым пало самое малочисленное, Терское. На него навалились со всех сторон. Мало-мальски боеспособные казачьи сотни должны были защищать край от чечено-ингушских набегов. В Армавире образовался ревком. В довершение бедствий на Терек хлынули разложившиеся толпы солдат Закавказского фронта. 13 декабря в Прохладной, по приказу Владикавказского совдепа, банда солдат отцепила вагон с терским атаманом Карауловым, после чего изрешетила огнем. Караулов погиб вместе со своим штабом, власть на Тереке перешла к местным советам.

На Кубань большевики повели наступление от Новороссийска. Правительство и Рада не знали, что предпринять. Под давлением «демократии» они боялись даже своих генералов, не говоря об Эрдели, представителе Корнилова на Кубани. Спасло положение назначение командующим 28-летнего летчика капитана Виктора Покровского. Молодой, энергичный, смелый и жестокий, типичный выдвиженец гражданской войны, он сумел сколотить добровольческий отряд и наголову разгромил красных под Эйнемом. За успех Кубанская Рада произвела его в полковники. Катастрофа отсрочилась...

А Дон, главную белую цитадель, обложили от Харькова, от Воронежа, от Таганрога, от Ставрополя. Но разве справились бы зимой 18-го большевики с Доном, если бы не позиция самих донцов? Объявив «нейтралитет», казаки расходились по станицам. А противостояли нашествию лишь Добровольческая армия в 2 тыс. штыков и около 400 донских партизан. Перебрасывались по несколько сотен, а то и десятков бойцов с участка на участок от Таганрога до Новочеркасска. Несли потери, но большевиков сдерживали. Из партизан отличался есаул Чернецов – дерзкий, смелый и волевой, еще один типичный выдвиженец гражданской войны. Своим маленьким отрядом он не только удерживал границу с Донбассом, не давал оттуда хлынуть местным красным формированиям, но и вторгался стремительными рейдами на большевистскую территорию, громил совдепы, рассеивал части красной гвардии.

Корнилов и Каледин в январе разделились. Оставив атаману офицерский батальон с батареей для защиты Новочеркасска и в качестве ядра для донских формирований, Добровольческая армия перешла в Ростов. Рассчитывали на помощь города, поддержку местных тузов, на новый набор – в Ростове жили до 16 тыс. офицеров. Тщетно. Тузы жались, офицеры все еще старались остаться в стороне от «междоусобицы». В армию вступила лишь небольшая часть.

Между тем новый взрыв изнутри потряс Дон. Регулярные полки, вернувшиеся с фронта, Каледин размещал по крупным станицам вдоль железных дорог. В Каменской были

расквартированы 27-й, 44-й, 2-й запасной полки, сильно зараженные большевизмом. Туда же попали лейб-гвардии Казачий и Атаманский полки, торчавшие в Петрограде, а значит, и разболтавшиеся. Большевики не скупилась на агитаторов, да и свои, местные, нашлись. И 10 января состоялся съезд фронтового казачества. В строю к этому времени осталась одна треть личного состава – бузу подняли те, кого меньше всего тянуло к земле, по станицам. Набрали делегатов еще от шести полков, пяти батарей, отдельных подразделений и объявили о переходе власти к ревкому во главе с Подтелковым.

Большевизм поначалу был специфический, казачий. Долой атаманов и все начальство, а корниловцев разоружить и выгнать. Вся власть «народу», то есть, мол, – нам. А раз власть народная, то и Красная гвардия из России не полезет. Они там – сами по себе, а мы сами по себе... Будем строить жизнь, как захотим. Каледин послал 10-й полк разогнать съезд и арестовать зачинщиков. Но даже этот полк, считавшийся надежным, любимое детище Краснова, приказа не выполнил и в состоянии «нейтралитета» примкнул к митингам. Переговоры Каледина с ВРК результатов не дали. Заигравшись «в революцию», казаки переизбрали командиров, начали занимать отрядами железнодорожные станции.

Тогда против них направили Чернецова. У него было всего несколько сот партизан, 2 легкие пушки и тяжелая батарея. Отчаянным рейдом он захватил узловые станции Звереве и Лихую, выбил красных, оставил там заслон и налетел на Каменскую. Вся масса революционных полков, батарей, отдельных подразделений была разбита и в панике бежала. На Чернецова ударил другой враг. Красногвардейские отряды Саблина из России вышли в тыл горстке храбрецов, перерезав железную дорогу и сбив белый заслон из одной роты. Чернецов повернул на них, раскатал в пух и прах 3-й Московский полк, потрепал Харьковский полк и обратил Саблина в беспорядочное отступление.

Между тем Донревком, сбежавший после поражения в Миллерово, уже безо всяких оговорок отправил в Совнарком верноподданническую декларацию о признании центральной власти большевиков и запросил помощи. А красные казачьи полки, сбежавшие из Каменской, собрались в Глубокой. Из новых командиров выделился войсковой старшина Голубов. Хитрый и энергичный, он принялся сколачивать изо всей этой каши боеспособное соединение на базе 27-го полка. Тем не менее, следующий бой выиграл опять Чернецов. Совершив обход, он напал на Глубокую не по железной дороге, где его ждали, а из степи. Опять толпы революционеров бежали, побросав обозы и пушки.

Но на просьбу Донревкома о помощи уже охотно откликнулось красное командование. Уже шел на выручку Воронежский полк Петрова. На следующий день на Чернецова обрушились соединенные силы. Взяли в клещи. Основное ядро белых сумело прорваться и уйти. Но сам лихой командир, бывший в гуще боя, а с ним человек 40 офицеров были отрезаны и попались в плен. Их изрубили шашками. Чернецова кромсал лично председатель Донревкома Подтелков. Соединившиеся красные части Голубова, Петрова и Саблина двинулись на Новочеркасск.

И на других фронтах приближалась катастрофа. Отряд из юнкеров и офицеров под командованием А. П. Кутепова под Таганрогом нанес серьезное поражение армии Сиверса, захватив орудие, броневик, 24 пулемета. Но в тылу, на Русско-Балтийском заводе, рабочие подняли восстание. Сиверс, оправившись, перешел в контрнаступление, и Таганрог пал. В конце января красные части Сохацкого, наступавшие из Ставрополя, заняли Батайск, оказались только Доном отделены от Ростова. Правда, они настолько увлеклись грабежами и пьянством, что развить свой успех так и не смогли.

Дальнейшая оборона Ростова становилась бессмысленной – она означала бы лишь гибель зародыша белой армии, и так истекавшего кровью. Донское казачество не предоставляло никакой опоры, мало того, ударной силой красных становились теперь сами революционные казаки.

«Дон от Дона я защищать не хочу», – говорил Корнилов.

Начал разрабатываться план ухода на Кубань. Екатеринодар еще держался, сохранялись надежды на поддержку кубанского казачества.

Каледин предлагал стянуть всю Добровольческую армию к Новочеркаску. Алексеев и Корнилов возражали, что этим Дону уже не поможешь, а единственная реальная антибольшевистская сила окажется в ловушке и пропадет. 29 января атаман созвал совещание. От Добровольческой армии на нем присутствовал Лукомский. Он известил, что выделить силы для обороны Новочеркасса Корнилов не в состоянии – слишком плохо под Ростовом. Наоборот, Корнилов просил вернуть ему офицерский батальон. А Каледин сообщил, что для защиты Новочеркасса у него остается 147 бойцов...

Большинство членов правительства заявили, что удержать столицу невозможно, и предложили атаману выехать в станицы, остающиеся еще верными, чтобы попытаться там организовать борьбу. Но Каледин, бесконечно уставший, морально и физически надломленный, ответил, что считает недопустимым для атамана бежать из Новочеркасса и скитаться по станицам. Полгода назад, когда его выбирали, он не хотел принимать атаманский пост. Но, приняв, считал себя обязанным нести крест до конца. Даже когда донское население, избравшее его, отшатнулось и изменило. В тот же вечер Алексей Максимович Каледин выстрелил себе в сердце.

И произошло чудо – потрясенный смертью атамана, Дон проснулся! Примолкла даже молодежь, а старики начали вооружаться, заявляя, что Дон согрешил пред своим атаманом и должен искупить вину. Тысячами в Новочеркасс потекли казаки. Малый Круг – делегаты еще не захваченных красными южных станиц – избрал наказным атаманом ген. Назарова. Была объявлена всеобщая мобилизация от 18 до 50 лет, формировались новые части. Наступление красных остановили... 4 февраля в Новочеркасс пришел с Румынского фронта 6-й Донской полк Походным порядком от самого Днепра он прорывался с боями через большевистское кольцо. Выдержал много жестоких столкновений, но пробился. В полном порядке, при офицерах, никаких комитетов. Полку была устроена торжественная, с молебном встреча. Старики со слезами кланялись до земли, славя подвиг защитников Дона. Через два дня полк выступил на фронт, а уже 8 февраля... распропагандированный агитаторами, отказался воевать и ушел с позиций. И благородный порыв, вызванный смертью Каледина, тоже оказался скоротечным. Побряцав оружием, пошумев, покуражившись удалью, казаки снова начали разъезжаться по станицам.

Уже никто не сомневался, что дни Дона сочтены. Корнилов принял решение уходить. Его представитель в Новочеркаске А. С. Лукомский предлагал атаману Назарову присоединиться к армии. Назаров отказался. Считал, что большевики не посмеют тронуть выборного атамана и Войсковой Круг. Говорил, что на Новочеркасс идут казаки Голубова, которого он когда-то спас от тюрьмы. И что, оставаясь, Круг с атаманом надеются спасти город от погромов. А уж если суждено погибнуть, отвечал Назаров, то так, как завещал Каледин, – не покидая атаманского поста.

Так он и погиб. 12 февраля части Голубова подошли к казачьей столице. Походный атаман Попов успел увести из города отряд белых донцов и вывез войсковые ценности. Круг выслал к Голубову делегацию для переговоров об условиях сдачи. Но, встретив ее, красные лишь обрадовались и тучей ворвались в Новочеркасс. Голубов с красногвардейцами вломился на заседание Круга. Наведя на депутатов пулеметы, объявил себя «красным атаманом». В ближайшие дни атаман Назаров и его штаб были расстреляны. А по донским городам, станицам и селам еще две тысячи человек.

15. Ледяной поход

*... Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую,
И за нее прольем
Кровь молодую...*

Песня белых первоходников, впоследствии переделана красными

Ростов обложили со всех сторон. В город отошел последний заслон капитана Чернова, теснимый войсками Сиверса. Оставался узенький коридорчик, и Корнилов приказал армии выступить в поход. В ночь на 9 февраля в донскую зимнюю степь вышли добровольцы – все, что осталось от великой России. В колонне пешком шагал генерал Корнилов с солдатским мешком за плечами. На тележке ехал престарелый Алексеев, в чемоданчике – армейская казна. Взяли в снегу городские дамы, цепляясь за набитые повозки, брели старики – люди спасались от большевистского кошмара. А в бесконечной ленте обозов и беженцев затерялись маленькие воинские колонны – офицеры, юнкера, студенты. Кто в шинели, кто в штатском пальто, кто в сапогах, кто в рваных валенках. С начала формирования в армию записались 6 тыс. человек. Из Ростова выступили 2,5 тысячи. Остальные погибли в боях, лежали ранеными в лазаретах и частных домах, затерялись в круговерти событий.

По трескающемуся льду переправились через Дон, и пошли от станицы к станице... Помощником командующего с главной обязанностью – заменить в случае гибели – Корнилов назначил АИ. Деникина. Правда, первым выбыл из строя Деникин. В путанице эвакуации он остался без вещей, вынужден был идти в гражданском костюме и дырявых сапогах. Через два перехода свалился с тяжелой формой бронхита. Продолжал путь по заснеженным степям в телеге, укутанный чужими одеялами.

Мастерски выведя армию из кольца, Корнилов остановил ее в станице Ольгинской. Это селение стало важным этапом на пути Белой гвардии. Здесь собирались воедино силы, рассеявшиеся после падения Дона. Подошел отряд Маркова, отрезанный от армии и пробившийся мимо занятого красными Батайска. Присоединились несколько казачьих отрядов. Догоняли офицеры, дотоле «нейтральные», сбжавшие из Ростова и Новочеркасска после начала террора. Подтягивались отставшие группы и раненые, притворяясь здоровыми. Всего собралось 4 тысячи бойцов. Здесь Корнилов провел реорганизацию, сводя воедино мелкие отряды. Первыми, положившими начало легендарным добровольческим дивизиям, стали: Офицерский полк ген. Маркова; Корниловский ударный полк полковника Неженцева; Партизанский полк (из пеших донцов) ген. Богаевского; Юнкерский батальон ген. Боровского, сведенный из Юнкерского и Студенческого «полков»; Чехословацкий инженерный батальон; три дивизиона кавалерии (один из бывших партизан Чернецова, другой – из остальных донских отрядов, третий офицерский). Да 8 трехдюймовок с ничтожным запасом снарядов – вот и все.

Огромному обозу беженцев было приказано оставить армию, теперь они могли спастись, рассредоточившись по станицам или поодиночке пробираясь в Россию. Все равно набралось много штатских, для которых пришлось сделать исключение: председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, князь Н. Н. Львов, издатели братья Суворины, профессора Донского политехнического института. В обозе 200 раненых, оружие, снаряды...

Корнилов предлагал уйти в Сальские степи, где на зимовниках (усадебных и становищах племенных табунов) имелись большие запасы продовольствия, фуража, много коней.

Близкая распутица, разлив рек не дали бы красным преследовать крупными силами, что позволяло выиграть время, выждать благоприятной ситуации. Алексеев резко возражал. Зимовники, вполне подходящие для мелких отрядов, были разбросаны на значительных расстояниях друг от друга. Там было мало жилых помещений и топлива. Армию пришлось бы распылить по подразделениям, которые красные могли бить по частям. Армия оказалась бы в блокаде, зажата между Доном и линиями железных дорог, лишённая пополнений и снабжения, и могла быть задушена в кольце. И, наконец, обречена на бездействие, исключена из хода событий в России.

Взамен предлагалось идти на Кубань, где еще сражался Екатерине дар, где была надежда на кубанское казачество. А в случае неудачи имелась возможность рассеяться в горах или уйти в Грузию. На военном совете к Алексееву присоединились Деникин, Романовский. Корнилова убедили двигаться на юг.

Но вмешался новый фактор. Стало известно, что генерал Попов увел из-под Новочеркасска отряды белых казаков. У него собралось 1600 сабель с 5 орудиями. Попов со своим начальником штаба Сидориным приехали к добровольцам. Из тех же соображений, что Корнилов, донцы собирались идти на зимовники и начинать оттуда партизанскую войну. Для них выбора не существовало – казаки не пошли бы с Дона в чужие края. Соблазнившись возможностью соединиться, Корнилов опять изменил решение. Армия получила приказ выступать на восток. Будто некое внутреннее чувство запрещало Корнилову идти на Екатеринодар, отталкивало от места будущей гибели. Но, с другой стороны, задержка, вызванная этими колебаниями, во многом оказалась роковой...

На Кубани с каждым днем накапливались огромные красные силы. Через Азербайджан по железной дороге, через Грузию по перевалам сюда шли и ехали полки с Закавказского фронта. Скапливались на всех узловых станциях, и из них без труда вербовали армии красные «главкомы» Автономов, Сорокин, Сиверс. Одним объяснили, что кубанская контра и Корнилов пробкой закрывают дорогу в Россию и, чтобы попасть домой, надо их разбить. Других соблазняла вольная житуха и райское изобилие – Северный Кавказ был полон неразграбленными фронтовыми складами, винными и спиртовыми заводами. Зачем было солдатам, отвыкшим за войну от труда, развращенным революцией, спешить в постылую деревеньку, если здесь представлялась такая возможность погулять и пограбить контру? Даже для иного хозяйственного мужичка разве не искушение – вместо серенького надела на Псковщине или Рязанщине отвоевать у богатеев-казачков кусок жирной кубанской земли с двумя урожаями в год, садами и виноградниками? В отличие от красных отрядов, штурмовавших с севера Дон и Украину, здесь сколачивались армии в десятки тысяч штыков.

В окруженном Екатеринодаре шли раздоры. Кубанская Рада, будто слепая, захлебывалась в речах, вырабатывая «самую демократическую в мире конституцию». Ее неказачья, иногородняя, часть склонялась отдаться красным. Атаман и правительство кидались то к Раде и демократии, то к Покровскому и Эр дели. Главнокомандующий Покровский сам косился на атаманское кресло, а Раду называл не иначе как «совдепом». Казаки-добровольцы то вступали в отряды, то бросали фронт. У офицеров опускались руки от этой безысходности. Не было ни цели борьбы (кроме самозащиты), ни лидеров, которым верили бы, ни перспектив. Все надежды связывали только с Корниловым, слухи о котором докатывались искаженные и преувеличенные.

А Корнилов уходил на восток Двигались медленно, выслав разведку и организуя обоз. Для связи с Кубанью, переговоров о совместных действиях выехали переодетые генералы Лукомский и Ронжин. Но тут же попались красным. Побывали в лапах самого палача Сиверса. Каким-то чудом, невероятными стечениями обстоятельств сумели спастись. Скинулись, пересаживаясь с поезда на поезд, выбираясь из одной передрыги и влипая в другую, а в результате, после массы приключений, вместо Кубани очутились в Харькове.

Между тем стали сбываться худшие опасения Алексеева. Красные нащупали армию, начали тревожить ее мелкими наскоками. Дополнительные сведения, собранные разведкой о районе зимовников, оказались удручающими. Оставалось поворачивать на юг – в кубанскую мешанину. На марше Корнилов сделал армии первый общий смотр, пропуская мимо себя колонну, где рядовыми шли и студенты, и прапорщики, и капитаны, где взводами и ротами командовали полковники... Кочующий табор, над которым развевался последний в России трехцветный национальный флаг. Кучка людей, затерявшаяся в необъятных просторах...

А. И. Деникин писал: «Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все в области духа и творимого подвига. Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе – те, кто пока еще не проснулись».

А всеобщий любимец, генерал Марков, принимая Офицерский полк, выразился короче: «Не спрашивайте меня, господа, куда и зачем мы идем, а то все равно скажу, что идем к черту за синей птицей...»

В последней донской станице, Егорлыкской, корниловцев встретили приветливо, с блинами и угощением, станичным сбором и теплыми речами. Дальше начиналось Ставрополье, где ждала иная встреча. Ясным, морозным днем по колонне ударила артиллерия. Вдоль речушки у села Лежанки протянулись окопы. Большевистский Дербентский полк, дивизион пушек, Красная гвардия. Корнилов атаковал с ходу, бросив в лоб Офицерский, а с флангов Корниловский и Партизанский полки. Юнкера выкатили артиллерию на прямую наводку. Марков, даже не дождавшись фланговых ударов, ринулся вброд через стылую грязь реки. И враг побежал, бросив пушки. Белые потеряли убитыми 3 человек, красные – свыше 500. Половину – в бою, половину корниловцы после боя вылавливали по селу и расстреливали.

Гражданская война – страшное, грязное дело. В начале 18-го пленных не брали. Оправдывать в этом белых не стоит. Но понять... За их спиной были павшие Ростов, Новочеркасск, Таганрог, и они знали, что там творилось. Они вынесли на своей шкуре глумления, унижения и злобу 17-го. У одних уже погибли родные, у других – друзья. И. А. Бунин писал об этом: «Народу, революции все прощается – «все это только эксцессы». А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито – родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры – «эксцессов», конечно, быть не должно».

Командование этого, кстати, не поощряло, поэтому кое-кому везло. Группу молодых красноармейцев поймали недалеко от штаба, их приказали высечь и отпустить на все четыре стороны. Пойманных офицеров-артиллеристов Корнилов предал полемому суду. Офицеры заявили, что их заставляли стрелять насильно, и суд счел обвинение недоказанным. Их приняли в Добровольческую армию...

Войска Корнилова вступили на Кубань. Вначале это казалось сказкой, исполнением заветных желаний. Станицы, встречающие хлебом-солью. Богатство, сытость, радушные хозяева, приветливые улыбки... Сказка скоро кончилась. Наперерез корниловцам стали бросать отряд за отрядом. Но решительного натиска красные не выдерживали и стоять насмерть не считали нужным. А для Добровольческой армии каждый бой был вопросом жизни. Не победить – остаться в холодной степи. И они побеждали, опрокидывая заслоны. Под Березанской впервые встретились с красными кубанскими казаками. Их обратили в бегство одной атакой. А расправу Корнилов поручил местным старикам – они нагайками вразумляли свою сбившуюся с панталыку молодежь в станичном правлении.

Уже где-то близко должна была проходить, по расчетам, линия обороны Покровского. Сопротивление красных вдруг резко усилилось. Станция Выселки несколько раз переходила из рук в руки. Ее взяли, лишь введя в бой все силы. И узнали неприятные новости. Впервые, совсем недавно здесь был бой Покровского с большевиками. Белые были разбиты

и отошли в Екатеринодар. А во-вторых, на следующей станции, Кореновской, стояла 14-тысячная армия Сорокина с бронепоездами и большим количеством артиллерии.

4.03 началось сражение. В лоб пошли мальчишки-юнкера и студенты Боровского. Сбоку ударили Офицерский и Корниловский полки. Их встретили шквалом огня, остановили. Корнилов бросил в охват последний резерв – партизан и чехословаков. Патроны и снаряды были на исходе. Обоз запрашивал, выдавать ли последние. «Выдать, – приказал Корнилов, – боеприпасы мы захватим на станции». Красная конница замаячила в тылу. Командующий передал в обоз «У вас есть два пулемета, здоровые люди. Защищайтесь сами. Я ничего дать не могу». Раненые, обозники строили из телег укрепления, занимали оборону. Корнилов ставил на карту все. Он лично остановил попятившиеся цепи, а сам со взводом верных текинцев и двумя орудиями обскакал станину и открыл огонь по тылам. Началась общая атака, и красные побежали...

Но после тяжелой победы ждал еще один удар. В Кореновской узнали, что такой близкий уже Екатеринодар пал. Правительство, в отличие от донского, постановило «сохранить себя, как идейно-политический центр». В ночь на 1.03 добровольцы Покровского, казачья фракция Рады, правительство и много беженцев покинули город, уходя в черкесские аулы. Здесь Покровский занялся реформированием частей, насчитывавших около 3 тыс. бойцов с артиллерией. Безвыходность положения встала настолько очевидно, что даже самые ярые «демократы» заговорили о соединении с Корниловым. Узнав о боях 2–4 марта, Покровский перешел в наступление, захватил переправу через Кубань под Екатеринодаром и два дня вел с красными перестрелку, уклоняясь от серьезных столкновений. Но...

Дело в том, что Корнилов, узнав о падении Екатеринодара, как раз в это время свернул в другую сторону. Армия крайне устала. Потеряла до 400 человек убитыми и ранеными. Крушение близкой цели нанесло тяжелый моральный урон. Решили уйти в горные станицы. Отдохнуть, разобраться в обстановке, выждать благоприятных обстоятельств. Сорокин, потерпевший поражение, но не разгромленный, немедленно двинул армию на преследование, прижимая добровольцев к Кубани. А впереди, в станице Усть-Лабинской, ждали свежие силы красных, туда стягивались эшелоны с войсками и бронепоезда из Кавказской и Тихорецкой. Пока Богаевский с партизанским полком еле-еле держал наседающие войска Сорокина, корниловцы и юнкера прорвали оборону, овладели мостом через Кубань, и армия выскочила из огненного кольца.

Но отнюдь не отдых ждал на левом берегу. Угодили в сплошной большевистский район. Каждый хутор, лесок встречали огнем сотен винтовок. Полки шли веером, с беспрестанными боями, выбивая и разгоняя противника. Каждый небольшой отряд, уклонившись в сторону, попадал в засаду. Селения оказывались покинутыми, жители разбежались, угоняя скот и унося продовольствие. Полыхали пожары, уничтожая дома и оставляя белогвардейцев в стужу под дождем. Едва располагались в населенном пункте, начинался артиллерийский обстрел. Однажды ночью снаряд попал в дом, где разместились Алексеев, Деникин и Романовский. Лишь по случайности никто не пострадал. Крупные силы красных, не отставая, но и не приближаясь, двигались по пятам. Мелкие банды нападали со всех сторон. Из газеты «Известия» узнали, что новые соединения против Корнилова скапливаются в Майкопе.

Скоро их встретили. 10 марта, форсируя реку Белую, армия попала в засаду, запертая в узкой долине. Тысячи красных, заняв окрестные высоты, поливали артиллерийским и пулеметным огнем, не давая поднять головы. Густыми цепями раз за разом лезли в атаки. Они уже торжествовали победу, сжимая кольцо. Сзади разворачивались преследующие части. Уже легкораненым выдали винтовки, а тяжелораненые спрашивали: «Сестрица, не пора ли стреляться?» Боеприпасы тоже были на исходе. Но торжество красных оказалось преждевременным. Продержавшись целый день, в сумерках поднялись в отчаянную атаку. Кольцо было прорвано, и армия, сопровождаемая беспорядочным артогнем, ушла в кавказские предгорья.

Увидели тут кошмар другого рода – одну из причин местного «казачьего большевизма». Здешние казаки, объединившись с иногородними, решили истребить «буржуев» – нищих черкесов, чтобы прибрать к рукам их земли. Крайне бедные, темные, живущие по родовым законам и шариату, черкесы не поняли и не приняли никаких революций, а значит, вполне попадали под разряд «контры». В ауле Габукай были вырезаны 320 человек, в ауле Ассоколай – 305, и в других аулах, где население не успевало убежать, – резали. Вместе с убийцами приезжали на подводах и жены, и дети, грабили скудный скарб. Добровольцы находили в пустых саклях груды человеческих внутренностей. Черкесы встречали корниловцев как избавителей. Мужчины садились на коней и брали оружие – мстить. Получив наконец-то сведения о Покровском, Корнилов повел армию тяжелейшими горными тропами.

А кубанцы после бесполезной вылазки к Екатеринодару оказались в критической ситуации. Едва начали отход в горы, красные преградили им путь. Нанесли поражение и стали окружать. 11 марта зажали под Калужской. Судьба их несколько раз висела на волоске. Пошли в бой обозные, старики, депутаты Рады. Отбили атаки, но из кольца не вырвались. Ночевали в поле под проливным дождем. Считали – все кончено. И вдруг появился разъезд корниловцев. Люди и верили, и не верили такому счастью. Радость была так велика, что наутро измученные кубанцы ринулись на красных и погнали их прочь.

14.03 в аул Шенджи к Корнилову приехал Покровский. Он попытался было выразить мнение кубанского правительства о самостоятельности своих частей при оперативном подчинении Корнилову, но тот отрезал однозначно: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю». Деваться правительству и Покровскому было некуда – их армия желала идти с Корниловым. Силы объединились, и 15 марта Добровольческая армия, которую большевики уже списали со счетов, перешла в наступление.

16. Последняя битва Корнилова

Святейшее из званий, звание «человек», опозорено, как никогда. Опозорен и русский человек – что бы это было бы, куда бы мы глаза девали, если бы не оказалось «ледяных походов»!

И. А. Бунин

Лил непрерывный холодный дождь. Дороги исчезли. Все превратилось в сплошное пространство воды и жидкой грязи. Потом к дождю добавился мокрый снег. Тем не менее, Добровольческая армия продвигалась вперед. На подступах к станице Ново-Дмитровской – вздувшаяся речка без мостов, берега которой подернулись льдом. Ген. Марков нашел брод. Приказал собрать всех коней, переправляться верхом по двое. По броду начала бить артиллерия врага. К вечеру замела пурга, ударил мороз, лошади и люди обрастали ледяной коркой.

Станину, битком забитую красными полками, договаривались брать штурмом с нескольких сторон. Но Покровский с кубанцами посчитал невозможным наступать в такую жуткую погоду. Пушки завязли в грязи. Добровольческая армия надолго застряла на «конной» переправе. И авангард, Офицерский полк, оказался у станицы один. Марков решил: «Вот что, ребята. В такую ночь без крыши все тут передохнем в поле. Идем в станицу!» И полк бросился в штыки. Опрокинули линию обороны и погнались по станице, где грелись по домам не ожидавшие такого удара основные красные силы. Подъехал Корнилов со штабом. Когда они входили в станичное правление, оттуда в окна и другие двери выскакивало большевистское командование.

Два дня подряд красные контратаковали, врываются даже на окраины, но каждый раз их отбивали с большим уроном. 17.03 подтянулись кубанцы. Атаман Филимонов, председатель Рады Рябовол, глава правительства Быч, Покровский. Снова заикнулись было об «автономной армии суверенной Кубани». Снова получив категорическое «нет», попробовали встать в позу – что они, мол, снимают с себя всякую ответственность.

«Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией!» – поставил все на свои места Корнилов.

Покровского он отстранил «в распоряжение правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии», а воинские части перемешал со своими, объединив в три бригады – Маркова, Богаевского и Эрдели.

Но чтобы штурмовать Екатеринодар, нужны были боеприпасы! И вот конница Эрдели пошла брать кубанские переправы, Богаевский с боями очищал окрестные станицы, а Марков 24.03 атаковал станцию Георгие-Афипскую с 5-тысячным гарнизоном и складами. Внезапное нападение не получилось. Красные огнем остановили добровольцев. Пришлось перебросить сюда и бригаду Богаевского. Бой был жесточайшим. Получил ранение генерал Романовский, Корниловский полк трижды ходил в штыки. Но станцию взяли, и главное драгоценные трофеи – 700 снарядов и патроны!

Два моста через Кубань, деревянный и железнодорожный, естественно, сильно охранялись и могли быть взорваны. Поэтому Эрдели, по приказу Корнилова, стремительным броском занял единственную паромную переправу у станицы Елизаветинской. Замысел был дерзкий. Войска выходили на штурм не с юга, где их ждали, а с запада. Кроме того, переправившись на пароме грузоподъемностью 50 чел. на рыбацких лодках, армия, как Дмитрий Донской на Куликовом поле, отрезала себе путь к отступлению.

Но счастье уже начало изменять белогвардейцам. Одна за другой последовали ошибки. Штаб оценил силы большевиков в 18 тыс. чел. при 2–3 бронепоездах и 10–14 орудиях. Он

ошибся, по крайней мере, втрое. Совершил ошибку и Корнилов: оставил за Кубанью прикрывать переправу и обоз бригаду самого боевого генерала – Маркова.

27.03 началось сражение. Красные повели наступление на переправу от Екатеринодара. Корниловский и Партизанский полки «психической» атакой, без выстрела, опрокинули их. Толпы большевиков в панике бежали. И легкость победы вызвала новую ошибку – Корнилов приказал немедленно штурмовать город, еще не подтянув всех сил. Еще одна ошибка – желая разделаться с красными сразу, Добровольческая армия принялась обкладывать Екатеринодар со всех сторон. Большевикам некуда было отступать. Против них начали восставать окрестные станицы, присылая к Корнилову отряды казаков.

28-го сражение приняло сразу ожесточенный характер. Если белые вынуждены были экономить каждый снаряд, огонь красных орудий достигал 500–600 выстрелов в час. Старые вояки вспоминали, что такой шквал огня редко испытывали даже на германском фронте. Чередовались атаки и контратаки. Все же белогвардейцы упорно продвигались, очищая предместья, и зацепились за окраины – дорогой ценой, потеряв около 1000 человек. В том числе были ранены командир Партизанского полка ген. Казанович, командиры кубанцев Улагай и Писарев, командир донцов Лазарев. Бой продолжался и ночью. Но фронт не продвинулся, приведя лишь к новым потерям. А из Новороссийска прорвались еще несколько поездов с матросами.

29-го подтянулась бригада Маркова, и Корнилов бросил на штурм все силы. Марков, лично возглавляя атаку, занял сильно укрепленные Артиллерийские казармы. Узнав об этом, Неженцев поднял поредевший Корниловский полк – и был убит пулей в голову. Его заменил полковник Индейкин – и свалился раненым. Атака захлебнулась. Подошедший с резервным батальоном партизан раненый Казанович выправил положение, прорвал оборону большевиков и ворвался в Екатеринодар. Успех был так близок! Но Казановича никто не поддержал. Кутепов, принявший корниловцев, уже не мог поднять в атаку расстрелянные войска. На командном пункте полка оставалось всего трое живых, остальные были убиты. Марков не получил донесения Казановича. И тот всего с 250 бойцами дошел по улицам до центра города. Захватил повозки с хлебом, патронами и снарядами. И лишь под утро, удостоверившись, что помощи не предвидится, повернул к своим. Шли колонной, встречным большевикам выдавали себя за красный «Кавказский отряд», следующий на позиции. Красные перемешались с белогвардейцами, шли и мирно беседовали. И лишь когда через линию обороны потянулся захваченный обоз, почуяли неладное и открыли огонь. Казанович прорвался, но шанс был упущен.

30-го продолжались бои, хотя войска уже выдохлись. Измотанные и выбитые, они не могли продвинуться ни на шаг. Коегде пятились. Присоединившиеся к добровольцам окрестные казаки стали расходиться по домам. В середине дня состоялся военный совет. Картина выявилась катастрофическая. Командный состав выбит. Огромные потери: только раненых – свыше полутора тысяч. В Партизанском полку остались 300 штыков, в Корниловском – еще меньше. Боеприпасов нет. Настал предел человеческих сил. Даже Марков заснул прямо на совещании, опустив голову на плечо Романовского. Корнилов, выслушав всех, сказал, что другого выхода, как взятие города, нет. Отступить большевики не дадут. Без боеприпасов это будет лишь медленная агония. Он принял решение дать войскам день отдыха, перегруппировать силы, а 1 апреля идти в последнюю отчаянную атаку. И решил сам вести армию на штурм... Марков, вернувшись в штаб бригады, сказал: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

Начаться штурму было не суждено. Одинокую ферму, где расположился штаб Корнилова, красные обстреливали уже несколько дней. Корнилову неоднократно указывали на опасность, но он относился к близким разрывам равнодушно, 31-го ситуация повторилась.

Снова его просили перенести штаб. Он ответил: «Теперь уже не стоит, завтра штурм». В восьмом часу утра снаряд попал прямо в домик, пробил стену и взорвался под столом, за которым сидел Корнилов. Силой взрыва его отбросило и ударило о печь. Когда вбежали в комнату, он еще дышал. И скончался, вынесенный на воздух, на руках Деникина, Романовского, адъютанта Долинского и нескольких случайных офицеров. Смерть командующего хотели скрыть от армии хотя бы до вечера. Тщетно. Мгновенно узнали все. Люди, прошедшие огонь и воду, плакали навзрыд... Смерть Корнилова нанесла армии последний жестокий удар. Оставалось одно – отступить. Попытаться спасти то, что еще уцелело.

Тело Корнилова в сопровождении верных текинцев отвезли в Елизаветинскую. Омыли и уложили в сосновый гроб, украшенный первыми весенними цветами. Чтобы уберечь останки от врагов, станичный священник тайно отслужил панихиду. 2 апреля похоронили – тоже тайно, в присутствии лишь нескольких человек конвоя. Рядом похоронили его друга и любимца полковника Неженцева. Могилы сровняли с землей. Даже командование, чтобы не привлекать внимания, проходило стороной; прощаясь издали.

Пустое! Красные всюду искали клады и драгоценности, якобы зарытые корниловцами. И раскопали свежие могилы. Захваченная в плен белая медсестра пыталась утверждать на допросах, что это не Корнилов. Все равно опознали, привезли в Екатеринодар. Пьяные командиры, Сорокин и Золотарев, спорили, кому принадлежит труп. Тело снимали на фотографии, сорвали одежду, принялись вешать на дереве, кромсать шашками. Наконец уже бесформенную массу увезли на городские бойни и стали жечь, обложив соломой. В присутствии высших чинов советской власти, прикативших на автомобилях. Пьяные – жгли, плясали и растаптывали ногами. Через несколько дней устроили шутовские «похороны» Корнилова и при этом грабили квартиры, требуя денег «на помин души».

Дорого обошлось большевикам последнее сражение Лавра Георгиевича. Только по официальным данным, они потеряли при обороне Екатеринодара свыше 15 тыс. человек, из них 5 тыс. убитыми. Ранеными были забиты все лазареты и санитарные поезда по линиям железных дорог... Летом 18-го на месте гибели Корнилова был установлен простой деревянный крест. Рядом с крестом была похоронена его жена, пережившая мужа всего на полгода. В 1920-м после завоевания Кубани большевики сломали кресты и разорили ее могилу...

17. Антон Иванович Деникин

Вся его биография – послужной список честного, смелого и талантливого солдата. Он родился в 1872 г. в г. Влоцлавске. Отец был из крепостных крестьян – сданный в рекруты, он выслужился в офицеры и вышел в отставку майором. Мать – польская швея. Жили Деникины в бедности – на 45 рублей пенсии отца. Отец умер – и пенсия стала 20 рублей. Будущий генерал и учился, и подрабатывал на хлеб репетиторством. После реального училища поступил в полк вольноопределяющимся, служил на солдатских правах и солдатском довольствии. В 1892 г. был произведен в офицеры, в 1895 поступил в Академию Генштаба. Но причислен был к Генштабу лишь через два года после выпуска в результате скандала – из-за несправедливости в распределении выпускников провинциальный штабс-капитан Деникин осмелился подать жалобу самому императору на военного министра Куропаткина.

Задолго до революции обжегся на «сознательности». Не только вывел рукоприкладство в своей роте, но и... отменил дисциплинарные взыскания. Внушал подчиненным, какие они хорошие люди, учил помогать друг другу и следить за собой. Рота так разболталась, что Деникин должен был уйти. А старый фельдфебель Сцепура после его откомандирования показал солдатам огромный кулак и сказал «Теперь вам не капитан Деникин. Поняли?...»

В эти же годы он начал писать рассказы и статьи на военную тематику, публиковавшиеся в журналах «Разведчик» и «Варшавский дневник». Отличился во время русско-японской войны начальником штаба Забайкальской казачьей дивизии, а затем – знаменитой Урало-Забайкальской дивизии ген. Мищенко, прославившейся дерзкими рейдами по тылам противника. В Цинхеченском сражении одна из сопок вошла в военную историю под названием Деникинской.

Здесь же приобрел первый опыт «добровольчества» – в 1905 г. пути из Маньчжурии в Россию перекрыли несколько анархических «республик», и Деникин с группой офицеров, чтобы попасть домой, сколотили отряд из надежных бойцов и на эшелоне с оружием в руках прорвались через бунтующую Сибирь. В мирное время, зачастую рискуя карьерой, он активно выступал в печати против отживших порядков в армии и ретроградов в высшем командовании. К политическим партиям не принадлежал, но по взглядам считал себя либералом, считал, что России нужны конституционная монархия, радикальные реформы и мирные пути обновления.

В 1914 г. пошел на фронт командиром 4-й стрелковой бригады, которую называли Железной, впоследствии развернутой в дивизию. Слава этого соединения гремела на всю Россию, а его командир за успешные операции и личный героизм был награжден Георгиевским оружием, орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени и Золотым Георгиевским оружием с бриллиантами. В 1916 г. был назначен командовать 8-м корпусом на Румынском фронте, где фактически он руководил и румынскими войсками, заслужив высший орден этой страны – Св. Михаила.

После революции Деникина назначили начальником штаба Верховного Главнокомандующего Алексеева. Вместе с Алексеевым он и ушел из Ставки после подписания Керенским «Декларации прав солдата». Командовал Западным фронтом, затем принял у Корнилова главный, Юго-Западный. В дни корниловского выступления послал правительству телеграмму: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июня на совещании с членами Временного правительства я заявил, что оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена... Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие спасти страну и армию, смещается с поста... Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели

страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду».

За это он был арестован, подвергся глумлению толпы и чуть не растерзан солдатней. Бердичевская тюрьма. За ней – Быховская и побег на Дон. В отличие от Корнилова, воевавшего по-суворовски – «глазомер, быстрота, натиск», Деникин был мастером хитрого маневра, любил побеждать врага умом, неожиданными тактическими приемами. Но он был еще и заботливым, любящим сыном, посвятив все годы своей молодости уходу за больной матерью. И лишь после ее смерти в 1916 г., будучи уже генералом, сделал предложение Ксении Васильевне Чиж – женщине, которая была на 20 лет младше его, и с которой он много лет состоял в трогательной переписке. Свадьбу они отложили до окончания войны. Она наняла ему адвокатов после ареста, приезжала в Быхов, а потом приехала и на Дон. 7.01.1918 в полуосажденном Новочеркасске состоялось их скромное венчание, на котором присутствовали лишь несколько ближайших друзей...

После смерти Корнилова Алексеев сказал «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам бог!»

И был составлен приказ за подписью Алексеева о вступлении Деникина в командование Добровольческой армией. При этом возник неожиданный казус – как же ему подписаться? Оказалось, что скромный основатель армии так и не придумал для себя никакого официального поста. Начальник штаба Романовский предложил: «К чему теперь формальности? Подпишите просто – генерал Алексеев. Разве добровольцы не знают, кто вы такой?»

Положение ухудшалось. Красные пытались охватить левый фланг армии. Эрдели едва сдерживал их конными атаками. Туда бросили последние резервы. Гибель Корнилова довершила моральный надлом. Деникин решил выводить армию из-под удара. С юга была река Кубань, с востока – Екатеринодар, а с запада – плавни и болота. Оставался путь на север. После захода солнца войска скрытно снялись с позиций, и пошли в полную неизвестность. Имея единственную цель – вырваться. Уходили в порядке, с обозом и артиллерией. Хотя из Елизаветинской не смогли вывезти 64 раненых – по окрестностям уже рыскал враг, телег не хватало. Начальник обоза вынужден был принять жесткое решение – оставить безнадежных и тех, кто все равно не вынес бы перевозку. С ними остались врач, медсестры, деньги на питание... Спаслись 11, остальные были зверски убиты.

Уже с рассветом колонну обнаружили. Из попутных станиц встретили ружейным и артиллерийским огнем. Бронепоезд стал обстреливать арьергард. Красных выбили атакой. Пытавшуюся приблизиться многочисленную пехоту отогнали пушечными выстрелами. После 50-километрового марша армия остановилась в немецкой колонии Гначбау. Впереди лежала Черноморская железная дорога, занятая красными. Сзади появились крупные преследующие силы, начали окружать селение, десяток орудий повели обстрел. Это был один из самых трудных дней.

После неудачного штурма, отступления, потерь люди теряли самообладание. Впервые появилась паника. Бригада Богаевского, выдвинувшись в поле, отбивала атаки. Деникин приказал сократить обоз, оставив одну повозку на 6 человек. Оставить лишь 4 орудия для них все равно было лишь 30 снарядов. Остальное испортили и поломали.

Деникин хитрил. Перед самым закатом авангард выступил на север. Его заметили, начали обстреливать ураганным огнем. Но едва стемнело, колонна круто повернула на восток. Вышли к железной дороге вблизи станции Медведковской. Марков со своими разведчиками захватил переезд, от имени арестованного сторожа по телефону с красным станционным начальством и заверил, что все в порядке. На станции был бронепоезд, 2 эшелона пехоты. А под боком у них, на переезде – весь белый штаб. Офицерский батальон и другие части начали разворачиваться против красных, но их заметили часовые. Раздались выстрелы. И через несколько минут выкатился бронепоезд, надвигаясь на переезд,

где собралось все командование – Деникин, Алексеев, Романовский, Марков и несколько разведчиков.

Счет шел на секунды – и генерал Марков один, размахивая нагайкой, бросился навстречу бронепоезду «Стой! Раздавишь, сукин сын! Разве не видишь, что свои?!»

Ошеломленный машинист затормозил, и Марков тотчас зашвырнул в кабину паровоза гранату. Бронепоезд оцетинился огнем, но уже подоспел начальник артиллерии Миончинский. С ходу развернули пушку и в упор – снаряд в паровоз, несколько снарядов по вагонам. И подбежавшие со всех сторон стрелки Офицерского полка во главе с Марковым полезли на штурм. Рубили топорами крышу и бросали туда гранаты, стреляли через бойницы. Подложили смоляной пакли и подожгли. Большевики упорно защищались, но были перебиты. Тогда добровольцы бросились тушить и расцеплять вагоны, спасая драгоценные боеприпасы. Взяли 400 снарядов, 100 тыс. патронов и радовались такому счастью. Боровский, поддержанный Кубанским стрелковым полком, атаковал тем временем станцию и взял ее после рукопашной схватки. Часть большевиков успела погрузиться в поезд и бежать, остальных уничтожили. А через переезд уже текли многочисленные телеги обоза – раненые, беженцы. С юга сунулся было второй бронепоезд. Белая артиллерия встретила его точным огнем, и он отошел, продолжая обстрел на предельной дистанции и не причиняя вреда.

Армия вырвалась из кольца. И воспрянула духом, оживила, одержав победу. Снова обрела веру в себя И попала в район дружественных станиц, где снова встречали хлебом-солью. Без серьезных боев пошли форсированными маршами. Деникин ловко обманывал красных Резко менял направление движения. Объявлял в станице один маршрут, а выступал по другому. Когда советские газеты захлебывались восторгами по поводу «разгрома и ликвидации белогвардейских банд, рассеянных по Северному Кавказу», Добровольческая армия оторвалась от противника, отдохнула, окрепла и вышла опять к границам Дона и Ставрополя.

Первый Кубанский, или Ледяной поход длился 80 дней, из них 44 – с боями. Армия прошла свыше 1100 километров. Выступили в поход 4 тыс. человек, вернулись – 5 тыс. Похоронили на Кубани 400 убитых и вывезли 1,5 тыс. раненых, не считая оставленных по станциям. Ледяной поход стал крещением Белой гвардии, ее легендой. В нем родились белые герои и белые традиции. Впоследствии для первопоходников был учрежден особый знак – меч в терновом венце на Георгиевской ленте.

18. Брестское позорище

Заклучивший договор с нечистым рано или поздно должен расплачиваться. Пришла и для большевиков такая пора. Как уж они продались год назад – неважно. Прямой ли шпионаж, в котором подозревали Ленина и иже с ним, или прав был немецкий социал-демократ Бернштейн: «Некоторые ищут разрешения загадки в том, что первоначально большевики по чисто деловым соображениям воспользовались немецкими деньгами в интересах своей агитации и в настоящее время являются пленниками этого необдуманного шага».

Факт остается фактом.

Но дело в том, что в данном случае двое «нечистых» заключили договор между собой, поэтому начали тягаться, кто кого обманет. Съехались в декабре. Советскую делегацию возглавлял Иоффе. Большевики, казалось, даже удивились, что германцы не хотят отказаться от оккупированных областей и за просто так отдать их Советам. Долго обсасывали формулу всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Она устраивала только Австрию. Германский Генштаб рассчитывал, заключив мир на востоке, одержать победу на западе, т. е. выйти из войны с выигрышем. Красных не устраивало, что в результате «права нации на самоопределение» они неминуемо теряют Прибалтику, Польшу и, возможно, Закавказье. Долго бодались из-за этого права. Большевики считали, что волеизъявление народов в условиях германской оккупации будет недемократичным, а немцы возражали, что в условиях большевистского террора волеизъявление будет еще менее демократичным. Все же кое-как слепили декларативную формулу мира без всякой надежды, что ее кто-нибудь примет – не только Антанта, но и сами авторы. И разъехались.

Переговоры были напичканы курьезами. Так, перед самым выездом из Петрограда в Брест большевикам вдруг пришло в голову, что в их делегацию обязательно должны входить представители «революционного народа», и они прихватили с собой первых попавшихся – солдата, матроса, рабочего и крестьянина. Причем подходящего крестьянина отловили на улице уже по дороге на вокзал и соблазнили ехать большими командировочными. Конечно, на заседаниях эти одиозные фигуры не играли никакой роли, помалкивая в тряпочку. Но, тем не менее, их педантично сажали «выше» приехавших с большевиками генералов и офицеров Генштаба. «Представители народа» числились «полномочными делегатами», а офицеры – всего лишь «консультантами». Зато для чинов и обслуживающего персонала германской Ставки эти «полномочные делегаты» служили превосходной забавой. Например, во время заключительного обеда «представитель трудового крестьянства» Сташков так надрался, что уже не мог поставить свою подпись под соглашением о прекращении военных действий. А когда пришло время ехать на вокзал, начал брыкаться: «Домой? Не желаю домой! Мне и здесь хорошо! Никуда я не поеду!» Его приводили в чувство всем составом «советских дипломатов», а немцы деликатно подали санитарный автомобиль, куда и загрузили на носилках нетранспортабельного «делегата».

Что касается коммунистических лидеров, то они еще тогда, в 17-м, заложили основы четких стереотипов поведения «советского человека» за границей. Секретарь делегации Л. М. Карахан с ходу занялся бурной коммерцией. Он срочно затребовал из Петрограда «царских» денег и принялся обменивать их на немецкие: в Питере 1 марка котировалась в 8 рублей, а в Бресте деньги шли по довоенному курсу, 1 рубль – 2 марки. А местные крестьяне, с которыми связался «красный дипломат», давали и того больше – 3,5 марки за «николаевский» рубль. На эти средства Карахан принялся скупать в немецких военных магазинах все, что под руку подвернется: часы, обувь, мануфактуру, косметику, вино. В результате вынужден был вмешаться начальник штаба Восточного фронта ген. Гофман, которому германский

«военторг» направил жалобу, что уже не в состоянии обеспечивать товарами собственных офицеров.

Иоффе и Каменев под предлогом посещения лагерей военнопленных и «облегчения их участи» ездили отовариваться в Варшаву. Не отказывали себе и в других удовольствиях. Сопровождавшие их германцы потом со смехом рассказывали «военспецам», как еврей Каменев вошел в роль русского вельможи и плясал «русскую» в варшавском публичном доме. Когда делегация уезжала, закупленное «дипломатами» барахло не умещалось в купе и загромождало проход вагона. Через линию фронта вещи Карахана таскали 10 солдат-носильщиков. А по приезде в Питер он загрузил ими огромный лимузин, куда едва поместился сам. Причем, по воспоминаниям подполковника Д. Г. Фокке, секретарь был настолько увлечен перевозкой собственных покупок, что забыл на вокзальных ступенях... портфель со стенограммами, протоколами, подлинниками соглашений, перепиской – в общем, со всей главной документацией брестских переговоров. Случайно замеченный «военспецами», портфель был передан Каменеву.

Советы попробовали тянуть резину до бесконечности, предложили перенести переговоры из Бреста в нейтральный Стокгольм, куда могли бы стянуть зарубежную социал-демократию и превратить процедуру в теоретический митингующий балаган. Центральные державы, понятно, отказались. И отчаянно боялись – что, если большевики прервут переговоры? Для них это было бы катастрофой. У них начинался голод, а продовольствие можно было найти только на востоке. Они не могли уйти из оккупированных областей – эти области уже работали на их снабжение, поддерживая разваливающуюся экономику. На союзном совещании панически прозвучало «Германия и Венгрия не дают больше ничего. Без подвоза извне в Австрии через несколько недель начнется повальный мор».

И воевать-то с Россией, даже оставшейся почти без армии, Центральные державы тоже не могли! Увоз материальных ценностей в глубь страны, необъятные пространства, партизанская война были для них смертельной угрозой. Поэтому австрийский представитель граф О. Чернин писал, что, едва узнали о возвращении большевистской делегации, «было любопытно видеть, какая радость охватила германцев, и эта неожиданная и столь бурно проявившаяся веселость доказала, как тяжела была для них мысль, что русские могут не приехать».

Австрия грозила, что, если Германия расстроит переговоры, то она сама заключит сепаратный мир.

На второй раунд приехал Троцкий. Ситуация изменилась с прибытием украинской делегации. Первое, чего они требовали за мир, – своего признания. Думаете, они приехали робкими просителями, марионетками? Вот уж нет! У них в руках был хлеб. И они начали брать австро-германцев за глотку. Потребовали принадлежащие Австро-Венгрии Галицию и Буковину, где жило много украинцев. Когда их притязания постарались умерить, уперлись в предоставление этим областям автономии с особым управлением. И вовсе не спешили соглашаться на признание старой государственной границы. Троцкий снова торговался о Польше и Прибалтике. А в это время вспыхнула голодная забастовка в Вене, за ней экономическая забастовка в Берлине. И немедленно украинцы стали наглеть в своих притязаниях, требовать больших уступок за свой хлеб. И Троцкий приободрился – он ждал ни много, ни мало... мировой революции. Снова все зашло в тупик Разъехались.

Третий раунд начался через неделю. И опять в новой ситуации – на Украине красные громили Раду и подходили к Киеву. Троцкий теперь отказывался признавать украинскую делегацию, называл Украину неотъемлемой частью России, а договоры с ней – вмешательством в русские дела. Он уже рассчитывал на близкий революционный взрыв в Германии и Австрии, строил тактику на выигрыше времени. Делегации Центральных держав ставили его с украинцами, и хохлы Севрюк с Левицким высказали Троцкому по-простому, в открытую, все, что думали о большевиках и о нем лично. От такого ушата, выплеснутого в

морду на глазах у Европы, Троцкий ошалел. Он сидел бледный как полотно и механически рисовал что-то на бумажке, а по лицу катились крупные капли пота... Конец словопрениям пришел внезапно – в Берлине перехватили радио из Петрограда к немецким солдатам, где их призывали к убийству императора, генералов и к братанию с Советами. Вильгельм рас- свирепел, приказал немедленно прервать переговоры, а вдобавок потребовал у большевиков неоккупированные части Эстонии и Латвии. Украинцы же по мере успехов красных войск становились все стоворчивее. И 8 февраля (26 января), в день падения Киева, с ними был заключен мир.

Но большевики тоже были в отчаянном положении, хотя боялись не за страну и народ, а за свою власть. Воевать им было нельзя – через несколько дней немцы оказались бы в Петрограде и скинули их. И заключать такой мир не могли – иначе скинули бы свои. Если совдепы прифронтовых областей требовали мира любой ценой (оккупанты-то их разгула не потерпят), то такие же совдепы глубинной России, особенно Сибири и Дальнего Востока, вопили о революционной войне. Поэтому формула Троцкого «ни войны – ни мира», объявленная 11 февраля и согласованная, кстати, с Лениным, была единственным выходом, завершившим переговоры.

Зато подобная двусмысленность никак не устраивала Центральные державы. А если большевики завтра падут? А если отмобилизуют новую армию? Сменят курс? Вероломства и низости им не занимать. Решили на последнее средство пугануть их как следует. Впрочем, Троцкий в Бресте и сам очень уж прозрачно намекал, что коммунисты никогда не поступятся своими принципами, но... если речь пойдет о грубых аннексиях, то должны будут склониться перед силой...

Немцы подтянули несколько дивизий второочередного ополчения – ландсвера, а также из числа потрепанных на западе и проходивших переформирование, и двинули в Россию. В этот же день перепуганный Совнарком известил по радио, что принимает все условия. Да они же только этого и ждали! Одно дело – отдаться по согласию, а другое – выставить себя изнасилованной овечкой. Но Германия не спешила останавливаться. Пугануть – так уж как следует, чтоб завтра не передумали, да и ресурсы лишние прихватить. Нет, ни боев, ни сопротивления не было. И фронта тоже. И занимали немцы не территорию – на это сил у них не было. Просто ехали на поездах от станции к станции, поочередно оккупируя города. И никакие героические красновардейцы их не останавливали – они сами остановились, дойдя до Нарвы, Пскова, прибрав Эстонию и Белоруссию. Свергать большевиков они не хотели. Никакое другое правительство не предпочло бы свою власть национальным интересам и мира не заключило бы. Да и Ленину их беспрепятственный марш пришелся на руку – многие сторонники «революционной войны» сразу прикусили языки.

И заключен был Брестский мир. С условиями, далеко не такими, как начальные. Кроме Финляндии, Польши, Литвы и Латвии, как предполагалось в декабре, от России отторгались Эстония, Украина, Крым, Закавказье. Россия демобилизовывала армию и разоружала флот. Оккупированные области России и Белоруссии оставались у немцев до конца войны и выполнения Советами всех условий договора. На Россию налагалась контрибуция в 6 млрд. марок золотом. Плюс уплата немцам убытков, понесенных в ходе революции, – 500 млн. золотых рублей. Плюс кабальный торговый договор. Германии и Австро-Венгрии доставалось огромное количество вооружения, боеприпасов и имущества, захваченное в прифронтовой полосе, возвращались 2 миллиона пленных, позволяя восполнить боевые потери. Фактически Россия попадала в полную экономическую зависимость от Германии, превращалась в базу Центральных держав для продолжения войны на Западе.

Что касается Украины, то правительству, сидевшему в Житомире, было уже не до Галиции и Буковины. И голодающим австро-германцам некогда было ждать нереальной победы над красными. Выход нашелся в договоре о взаимопомощи. Солдаты погрузились в эше-

лоны и поехали оккупировать Украину. Украинские и донецкие большевики митинговали, шумели о защите революции, клялись стоять насмерть – и бежали. Очень характерно, что не по кратчайшему пути в Россию, на север, где, казалось бы, украинская Красная гвардия была нужнее, чтобы прикрыть границу от немцев. Нет, граница оставалась голой, а все красногвардейские части планомерно направлялись на восток, в казачьи области. Зачем – понять нетрудно.

28 февраля красные сбежали из Киева, а на следующий день в город вошла украинская армия – несколько сотен «сечевых стрельцов» Петлюры. Немцы деликатно пропустили их вперед, а сами приехали следом. Первое, что германцы сделали в столице Украины, – это мобилизовали баб и приказали горячей водой с мылом вымыть вокзал. Его захаркивали, пачкали, заплевывали семечками, мусорили и ни разу не убрали целый год – с самой Февральской революции.

19. «Новый порядок»

Вот чем уж коммунисты всегда славились, так это умением решать задачи «комплексно», то бишь извлекать партийную выгоду из любой ситуации. Скажем, полезли немцы Россию захватывать. Бедствие? А Ленин тут же издал декрет «Социалистическое отечество в опасности!». А в декрете указал «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

Конечно, по России уже расстреливали – и поодиночке, и по демонстрациям. Но как бы нелегально. Исподтишка. Официально-то смертная казнь считалась отмененной. А тут ситуация развязала руки – все немцы, будь они неладны... Ну а до кучи – «контрреволюционных агитаторов». И кто разберет, за что он агитировал, если убит на месте? Пользуясь случаем, Ленин юридически узаконил коммунистический террор.

В том же декрете сказано о трудовых батальонах.

«В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев. Сопrotивляющихся – расстреливать».

А в «Дополнении» к декрету добавлено: «Без двух разрешений иметь оружие запрещено. За нарушение этого правила кара – расстрел. Та же кара за сокрытие продовольственных запасов».

Тут же, комплексно, продолжается обкладывание флажками недочеловеков-«буржуев». Служащий или представитель «богатых классов» (причем ценз «богатости» снижен, это теперь владелец суммы свыше 500 рублей) обязан носить при себе рабочую книжку, купленную им по месту работы за 50 руб. А «неимение рабочей книжки или неправильное, а тем более лживое ведение записей карается по законам военного времени». Значит, попутно вторжение немцев помогло Ленину во внедрении его старых проектов трудовой повинности. Опять же, под угрозой немцев правительство большевиков сделало то, на что не решился Керенский, – переехало в Москву, избавившись от давления гарнизона и рабочих, которых сами же большевики прежде разложили. И укрылось от народа за стенами Кремля.

Брестский мир. Казалось бы – позор, беда... Как бы не так Правда, ратификацию протащили еле-еле. Даже на искусственно подобранном IV съезде Советов из 700 голосов 300 были против. Зато левые эсеры в знак протеста вышли из правительства, т. е. Совнаркома, чтобы во ВЦИК составить «парламентскую оппозицию» вместе с меньшевиками, анархистами и правыми эсерами. Исполнительная власть стала целиком большевистской! После Октября и разгона Учредительного Собрания март 18-го стал третьей ступенькой к однопартийной власти.

Вскоре подвернулась и четвертая. Множились ряды анархистов. В основном это были те, кто до Октября называл себя большевиками – буйная солдатско-матросская вольница, уголовщина. Повиноваться большевикам-победителям охоты у них не было, вот и стали переkreщиваться в анархистов. Жили, как и большевики, революционно, т. е. грабежами. Но по-большевистски вводить грабежи в организованное русло не желали. По обвинению в грабежах 11 апреля особняки, занятые анархистами на Малой Дмитровке, Поварской, Донской – всего 25 мест в Москве, – были окружены латышами, чекистами, рабочими отрядами. Произошли бои. На Малой Дмитровке воевали сутки, с той и другой стороны гремела артиллерия. Арестовали более 400 человек, кого расстреляли, кого разослали по фронтовым частям. И как политическую партию анархистов тоже прихлопнули. Вывели из ВЦИК.

Быстро укреплялся карательный аппарат Советской власти. Росли штаты чрезвычайек ЧК расползались по всем городам, станциям железных дорог. Шла реорганизация армии. Подавляющее большинство еще составляли прежние части полупартизанская вольница, остатки некоторых прежних полков. Но появились крепкие, дисциплинированные части, главным образом – инородческие. Латышские и эстонские полки. Привлекали китайцев. Царское правительство во время мировой войны на вербовало и привезло их для тыловых работ – нечто вроде стройбатов. Многим китайцам возможность стать властью и пожить в казарме казалась более заманчивой, чем пресмыкаться перед властями и нищенствовать дома.

Еще в декабре Троцкий распорядился набирать в армию добровольцев из числа военнопленных. Хочешь выйти из лагеря, получить винтовку – пожалуйста. После Брестского мира число таких добровольцев значительно возросло – Россия стала союзницей Германии, поэтому дома обвинение в измене больше не грозило. А вернуться на родину – значило попасть в мясорубку Западного фронта. Здесь же служба была легкой, сулила все удовольствия и даже обогащение. Немцы, австрийцы, венгры потекли в Красную армию. Они были грамотны, дисциплинированы, многие неплохо разбирались в социалистическом учении и быстро выдвигались, занимая командные должности в войсках, ЧК и совдепах. Всего через Красную армию прошли более 300 тысяч таких «интернационалистов».

Параллельно с образованием регулярной Красной армии по всей стране началось формирование и разоружение Красной гвардии и военно-революционных комитетов. Они сослужили свою службу, а теперь их, как и анархистов, брали к ногтю. Не везде этот процесс протекал гладко. Например, в Пятигорске красногвардейский командир Нижевясов поднял мятеж. Располагая 4 тыс. штыков, арестовал совдеп. Однако в город вошли бронепоезда, мятежники сложили оружие, и зачинщиков расстреляли по обвинению в... шпионаже.

Советскую власть слепило чувство безнаказанности. С немцами – мир. Все очаги сопротивления подавлены. Горстка денкинцев где-то скиталась по станицам – несерьезно. И большевики, уже однопартийное правительство, начинают реализовывать ленинскую программу строительства нового общества – общества принудительного труда и централизованного распределения. В феврале в «черновых набросках проекта программы» партии Ленин ставил задачу на «уничтожение парламентаризма». Ключевыми моментами нового порядка являлись также всеобщая трудовая повинность, хлебная монополия, уничтожение свободной торговли.

В начале апреля, характеризуя основные задачи Советской власти, Ильич под № 1 приводит «доведение до конца национализации промышленности и обмена», а под № 3 – «принудительное объединение населения в потребительские общества» – вот и первый росток коллективизации. Даже метод указан – принудительный. Есть и начало политики раскулачивания. 13.04 в телеграмме съезду Советов Донской республики вождь отмечает: «Особенно горячо присоединяюсь к словам о необходимости закончить на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Именно такая борьба и по всей России стоит на очереди».

Да, это считалось главным – чтобы кусок хлеба можно было получить только у одного «хозяина», который решит, кому дать и сколько, а кому подыхать с голоду. Универсальный способ властвования. Но для этого надо зерно с «подаренной» земли у крестьянина отобрать и увезти в город. Поэтому большевики начинают готовиться к новой войне – против русского крестьянства. На заседании ВЦИК от 20.05.18 председатель этого органа Яков Мовшович Свердлов сказал: «... Только в том случае, если нам удастся расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии – только в этом случае мы сможем сказать, что сделали для деревни то, что смогли сделать для города...»

А 26.05 Ленин пишет «Тезисы по текущему моменту»:

- «1. Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат, т. е. сосредоточить 9/10 работы на передачу армии для войны за хлеб и на ведение такой войны на 3 месяца – июнь-август.
2. Объявить военное положение во всей стране на то же время.
3. Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива.
4. Вести расстрел за не дисциплину».

Это еще май! Страна еще не полыхает восстаниями и не перечеркнута фронтами! То есть не войной были вызваны продрозверстка и хлебная монополия, а наоборот! Ленин предполагает 9/10 военной работы сосредоточить на ограблении собственного крестьянства! Накормить народ, допустив свободный товарообмен, было, разумеется, проще – но ведь это реставрация капитализма. Разве можно такое допустить? Проще вести «систематические военные действия» – он вполне понимал, как крестьяне воспримут такую политику. Понимал, что начнется новый виток гражданской войны. И сознательно шел на этот шаг ради собственной модели коммунизма.

Если в центре России в начале 18-го «буржуев» истребляли еще не так много, а главным образом лишь оплевывали и травили, рассчитывая загнать под ярмо нового порядка, то на окраинах Советская власть разыгралась вовсю. Фактически каждый командир, комиссар, красноармеец получали право жизни и смерти. В каждой воинской части действовал «суд», выносящий смертные приговоры. В удостоверении представителя РВС армии прямо значилось: «Там, где проявляется контрреволюционность и саботаж, на месте виновных расстреливать».

В Екатеринодаре комендант Сташенко писал: «Предупреждаю всю буржуазию, что за нарушение правил, выказанных против трудового народа, буду беспощадно расстреливать или уполномочивать лиц мандатами на право расстреливать негодяев Трудового Народа».

Из российских Казачьих Войск (Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского, Астраханского, Сибирского, Забайкальского, Амурского, Семиреченского, Уссурийского) 10 было упразднены (до 20-го продержалось лишь Уральское). Эпицентром ужасов стал Северный Кавказ. Как уже упоминалось, здесь сформировалась огромная, плохо управляемая Красная армия из войск Закавказского фронта. Из Новороссийска сюда напоззли моряки Черноморского флота, ушедшие из Севастополя от немцев. Сюда же отступили части украинской Красной гвардии – злые, голодные, потерявшие все и озверевшие. Жуткая трагедия разыгралась на Тереке. На курортах Пятигорска, Ессентуков, Минвод скопились до 16 тысяч раненых и больных. В основном, понятно, офицеров и «буржуев». Они были объявлены «резервом Корнилова». Их перестали кормить и отпускать продукты. Спровоцированные этим голодные протесты были объявлены путчем, в дело ввели регулярные войска и закончили бойней.

В предгорьях шел геноцид черкесов, в астраханских степях – калмыков: им принадлежало слишком много плодородной земли. Калмыцкие улусы громили, уничтожали и оскверняли буддийские храмы, зверски казнили лам. Народ в прямом смысле пытались вывести под корень, поэтому здешние красноармейцы проявляли специфику в своих действиях – мужчин убивали, детей и подростков калечили, зачастую кастрировали, чтобы не было потомства, а женщин насиловали, после чего им вырезали или уродовали половые органы, лишая способности к деторождению.

На Кубани на 1,4 млн. казаков приходилось 1,6 млн. иногородних, т. е. крестьян, не обладающих казачьими правами и пользующихся меньшими наделами. Правда, не выполняющих и казачьих обязанностей – нести службу, покупать и содержать за свой счет коня,

обмундирование, оружие, но кому до этого дело? Любой казак для иногороднего был буржуем. Развернулся террор и грабежи казачества. Сотни и тысячи были расстреляны, порублены, утоплены в реках. Истребляли казачьих офицеров, хотя большинство из них были обычными земледельцами, а чины получали в боях. Убивали вахмистров и урядников, путая названия этих чинов с полицейскими. В 22 станицах были убиты священники. Например, Иоанну Пригоровскому в пасхальную ночь прямо в церкви выкололи глаза, отрезали уши и нос, размозжили голову. Обращали алтари в отхожие места, упражнялись на стенах и иконах в хамском остроумии. Иногда вырезали семьи под корень – за скрывшегося отца, брата, сына. Для того чтобы отобрать землю. Или просто «за компанию».

Кзаки, не в силах больше терпеть, начали подниматься. Но ведь они, принимая власть большевиков, покорно отдали все оружие. В апреле восстали 11 станиц Ейского отдела. У них оказалось по винтовке на десятерых. Привязывали к палкам кинжалы, делали копья из вил, просто брали топоры. Против них двинулись бронепоезда и каратели с их же сданными пушками и пулеметами. Вслед за карателями шли обозы с красноармейскими женщинами, которые грабили станицы, а в садизме превосходили мужчин, замучивая раненых, казачек и их детей. Восстание утопили в крови. Вспыхивали и жестоко подавлялись выступления в районе Армавира, Кавказской. Наконец, в горных районах Баталпашинского отдела поднял восстание есаул Шкуро. Укрываясь в горных лесах, казаки под его руководством повели партизанскую войну против большевиков. Восстание перекинулось на Майкопский и Лабинский отделы.

На Дону ситуация несколько отличалась. Здесь красные сумели восстановить против себя не только казаков, но и иногородних. Пришлые элементы быстро установили политику казней, реквизиций, карательных экспедиций против непокорных. В Ростове водили на расстрел партиями каждую ночь. В Таганроге трибунал заседал на борту миноносца, там же приговоры приводились в исполнение. Хлеб и скот увозились на север. «Казачий большевизм», рассчитывавший, что прогонит атамана и заживет своей жизнью, понял, что ошибся. Даже награбленные богатства ростовских и новочеркасских «буржуев» достались пришлым. Пошли распри между казачьими и советскими большевиками. Отгесненный на задний план Голубов и комендант Новочеркасска Смирнов стали оппозицией Ростову. Голубов поймал помощника Каледина, генерала Митрофана Богаевского, и разрешил ему на митинге говорить казакам «всю правду». И голубовские казаки, внимая, орали: «Не выдадим!» Узнав об этом, из Ростова послали карателей. Голубов бежал, но в одной из станиц был опознан и тут же убит казаками. Богаевского расстреляли.

А когда с Украины полезла, как саранча, Красная гвардия, бегущая от немцев, пожирающая все подчистую, грабящая и насильничающая, донцы взорвались. 14 апреля казаки ближайших к Новочеркасску станиц напали на город и заняли его. Голубовская дивизия объявила нейтралитет и ушла, увозя награбленное добро. Правда, по дороге их тоже ограбили и все отняли в восставших станицах. 18-го большевики отбили Новочеркасск, сопровождая это новой волной погромов и казней. Но восстание уже разливалось вширь. Генерал Попов вернулся из Сальских степей. К нему стеклись до 10 тысяч бойцов. Полубезоружное ополчение отчаянно защищало свои станицы от красных, значительно лучше оснащенных, делали набег по большевистским тылам, высылали экспедиции в станицы, еще не оправившиеся от большевизма. Красные развернули на повстанцев наступление с севера и запада.

Но как раз в эти дни к границам Дона выходила Добровольческая армия Деникина. Высланный им на разведку полковник Барцевич после 200-километрового рейда вернулся с сотней казаков, которые сообщили: «Дон восстал. Задонские станицы бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь». Деникин предоставил ген. Покровскому четыре сотни казаков и черкесов, чтобы шел на помощь кубанским

повстанцам, а сам нацелился на Дон. Кубанцы не хотели расставаться с армией, пока Деникин не пообещал, что Кубани он не бросит и скоро вернется.

29.04 добровольцы выступили. Деникин, мастер маневра, снова хитрил. Пошли на северо-восток, завязали бой со ставропольскими отрядами, а едва стемнело резко свернули на запад. У станции Ея форсировали железную дорогу. Конница, разойдясь веером, взрывала пути. На рассвете подошел красный бронепоезд, эшелоны с пехотой, впереди колонны тоже протянулись позиции, встретившие огнем. Но их раздавили моментально, атаку из эшелонов отбили, а бронепоезд не подпустила артиллерия. Армия снова расположилась в ставропольском селе Лежанка. Здесь узнали, что в Задонье дело совсем худо. Жмут и громят казаков красные, заняли станицы Кагальницкую и Мечетинскую, творят там крутую расправу, а повстанцы отступили в Егорлыкскую. Деникин выслал им на помощь конный полк Глазенапа, а в обход красной лавине – бригаду Африкана Богаевского, Корниловский и Партизанский полки.

Местные большевики сочли выход этих частей общим отступлением, стянули большие силы и обрушились на Лежанку. Два дня шел бой, Страстную пятницу и Страстную субботу. Неприятель шел густыми цепями. Бригада Маркова отбивалась короткими контратаками, но с Кубани, со Ставрополя подходили тянущиеся за добровольцами «хвосты» преследователей, и атаки возобновлялись. По селу били пушки. Несколько снарядов попало в деникинский штаб, но находящееся в нем командование только засыпало штукатуркой.

Когда полк Глазенапа подошел к Егорлыкской, станица была уже брошена. Казаки с семьями уходили в степь, спасаясь от красных. Их вернули, и наступающие враги получили встречный удар. А на следующий день корниловцы и партизаны вышли в тылы красных, громя главные силы. Заметались в панике те, что штурмовали Егорлыкскую, и началось повальное бегство большевиков из Задонья. Узнав о победе, Деникин отправил в Егорлыкскую свой огромный обоз. Теперь у бригады Маркова, охранявшей и прикрывавшей его, руки были развязаны, и она нанесла удар в полную силу. Отчаянной штыковой атакой опрокинула красных. В преследование пошла конница Эрдели. Большевистские полки, все еще пытавшиеся «добить остатки белогвардейских банд», были разгромлены подчистую и разбежались по степям.

Штаб армии приехал на Дон как раз к пасхальной заутрене. Деникин писал: «Въезжаем на площадь. Светится ярко храм. Полон народа. Радость светлого праздника соединилась сегодня с избавлением от «нашествия», с воскресением надежд. Радостно гудят колокола, радостно шумит вся церковь в ответ на всеблагую весть: «Воистину воскрес!»»

20. Михаил Гордеевич Дроздовский

*Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
Под трехцветным русским флагом
Славу полк свою стяжал.
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Офицерские заставы
Занимали города...*

«Мари дроздовцев». Впоследствии переделан красными

Румынский фронт разваливался позже других. Сдерживало наличие иностранных войск, удаленность от большевистских центров. Главнокомандующий ген. Щербачев успел получить письмо Алексеева о создании Добровольческой армии, когда фронт еще существовал. Однако англо-французские миссии делали в то время нелепую ставку на Украину и ее армию, надавили на Щербачева, и призыв с Дона остался без внимания.

Но о письме узнали офицеры, в том числе командир 14-й дивизии упорный и решительный полковник Дроздовский. Осаждая штабы, он выбил разрешение и начал формировать под Яссами офицерский отряд. Оружие отбирали у дезертирующих частей – устраивали засады на дорогах, внезапно насакивали и разоружали. Сопrotивления не было оказано ни разу. Так приобрели винтовки, пулеметы, легкую батарею и батарею шестидюймовых мортир, броневик, обозы.

Лишь когда Украина всю вела переговоры в Бресте, союзные миссии опомнились. Создание добровольческих частей началось централизованно. Командующим назначили ген.

Кельчевского, при нем образовался большой штаб. Организовывалось две бригады – Дроздовского в Яссах и Белозора в Кишиневе. Но тут Румыния сочла, что Россия предала ее, и тоже повела переговоры с Германией о сепаратном мире. В стране поднялась широкая антирусская кампания. Торгуя себе у немцев Бессарабию, румыны стали разоружать русские части, захватывать фронтовое имущество. Немецкие оккупационные силы двинулись в Румынию, союзные миссии спешно выехали. Щербачев и Кельчевский, сочтя дело безнадежным, отдали приказ о роспуске добровольческих частей.

Дроздовский выполнить такой приказ отказался. У него осталось около 900 человек. Румынское правительство, расположившееся в Яссах, постановило не выпускать их с оружием. Дроздовский ответил, что «разоружение добровольцев не будет столь безболезненно, как это кажется правительству», и что «при первых враждебных действиях город Яссы и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем». Как только румыны попытались окружить лагерь дроздовцев, те выступили навстречу в боевых цепях, а на Ясский дворец стали разворачиваться жерла шестидюймовок. Румыны немедленно отвели войска, а дроздовцам подали поезда, чтоб катились подальше. Ну их!

Присоединив к себе несколько десятков офицеров из Кишинева, отряд сосредоточился в Дубоссарах и 20 марта выступил в поход на Дон. В неизвестность, в месиво красных, немцев, украинцев, бандитов. В южных степях не было таких скоплений Красной гвардии, как на Дону и Северном Кавказе, здесь не оседали фронтовые части, не было серьезных межэтнических или социальных конфликтов. Поэтому активного давления отряд не испытывал. Наоборот, население встречало их как избавителей от местного большевизма. Из далеких

сел присылали делегатов с просьбами навеститься, освободить их. Привозили связанными своих большевиков и совдеповцев – на суд. Он был коротким. Приговоров два: виновен – не виновен. Раз большевик – значит, виновен.

Наперерез двигался другой враг – австро-германцы. Противодействовать им дроздовцы, понятное дело, не могли. И командир решил, что главным врагом России, а значит, и отряда, в настоящий момент являются большевики. В отношении оккупантов было решено сохранять, по возможности, нейтралитет. Но и сами передовые австрийские части не спешили воевать с крепким и хорошо вооруженным отрядом. Их пикеты издали обстреливали авангард дроздовцев, а части снимались с места и отходили в сторону, уступая дорогу. Кстати, у рядового немецкого офицерства частенько просто вызывало уважение поведение горстки людей, сохранивших верность долгу среди всеобщего развала. Принимая меры предосторожности, обе стороны старались не встречаться.

9.04 в ряды дроздовцев влился отряд полковника Жебрака в 130 чел., шедший на Дон из Измаила. А через 2 дня подошли к Днепру у Каховки. За рекой стояли красные, прикрывая мост артиллерийским огнем. А на правом берегу были немцы. С ними вступили в переговоры. Германский майор согласился снять с позиций свои войска и пропустить дроздовцев. Ему это было выгодно – куда лучше, чем самому форсировать под огнем Днепр. Шли с тяжелым чувством. Ведь не только прорывались сами, но и расчищали дорогу врагу, с которым сражались три года... Отряд Дроздовского ворвался на мост, пробился через Днепр и, разгромив красных, занял Каховку.

На просторах Левобережной Таврии вступили в царство банд и атаманов. Узнали про некоего Махно, буйствующего по окрестностям и грабящего поезда, пуская «в расход» офицеров, «буржуев и жидов». Проучили его, посадив несколько офицерских рот в вагоны и двинув их в Гуляй-Поле. Когда орава бандитов, узнав, что едут офицеры, обступила поезд, предвкушая богатую добычу и легкую расправу, ее встретили в упор пулеметами и винтовками. Большую часть положили на месте. С тех пор Махно офицеров-добровольцев, а особенно дроздовцев, на нюх не переносил.

Чем ближе была конечная цель, тем тревожнее доходили сведения. Что Дон давным-давно пал, что Добровольческая армия разбита и скитается где-то по Кавказу, что Корнилов убит... Настроение стало мрачным. Обступала безысходная чернота. Все усилия казались напрасными, надежды утраченными. Но Дроздовский, замкнутый, осунувшийся, упрямо вел отряд вперед. Напролом. Руководствуясь уже не здравым смыслом, а только собственной верой и интуицией.

17.04 штурмовали Мелитополь и заняли, разбив красных. А уже за Бердянском получили радостные известия – Дон восстал, Добровольческая армия жива и сражается.

Обогнули с севера Таганрог, в котором уже высадились немцы. Чуть не подрались с ними, когда те не пожелали без приказа свыше пропустить дроздовцев через железную дорогу. Но проскочили без боя – обманом. И подошли к Ростову. Город, забитый донецкими, украинскими и местными большевиками, переживал тяжелые дни – погромы, аресты и террор усиливались неуверенностью в завтрашнем дне, репрессиями в ответ на казацкое восстание.

В пасхальную ночь тысяча офицеров с ходу штурмовала город, занятый огромными красными силами. Авангард, конный дивизион с легкой батареей и броневиком под командованием полковника Войналовича, неожиданно атаковал сильные красные позиции, прорвал их и захватил вокзал. Большевицкое руководство начало в панике покидать Ростов, а пехота сдавалась в плен целыми эшелонами. Потом опомнились, организовались и повели контратаку. Войналович погиб первым. Авангард стал отступать. Но уже подходили основные силы дроздовцев. Большевики побежали, оставив город. Утром, в пасхальное воскре-

сенье, затерроризированные жители увидели на улицах освободителей – офицерские разъезды, пришедшие черт-те откуда, из Румынии, и гордо называющие себя «корниловцами».

Легкость победы вызвала беспечность. Отряд растворился в большом городе, очищая его от мелких групп разбежавшихся и попрятавшихся большевиков. Управление нарушилось. А красные подтянули из Новочеркасска несколько эшелонов пехоты, бронепоезд и обрушились на дроздовцев. Закипел тяжелый, неорганизованный бой. Потеряв около ста человек и часть обоза, белые вынуждены были отступить.

Но бои за Ростов, хотя и кончившиеся неудачно, сказались в другой точке. Они оттянули красные войска из Новочеркасска, и, воспользовавшись этим, Южная группа казачьего ополчения полковника Денисова штурмовала и освободила свою столицу. Туда Дроздовский и повел отряд. А большевикам задержаться в Ростове уже не удалось, они только успевали грузить награбленное. Приближались немцы и 8 мая вступили в город.

Новочеркаску пришлось туго. Теперь, собрав все свои силы воедино, красные навалились на казаков. Двое суток атака следовала за атакой. Большевики уже овладели предместьями. Неся тяжелые потери, казаки не устояли. Начали отступать. Бой казался проигранным. Город был в панике, ожидая очередной свирепой расправы, новой волны казней и грабежей. Но в критический момент в тылу красных появился отряд Дроздовского. Батареи открыли огонь во фланг наступающим, броневик врезался в гущу резервов, сея смерть и панику. Разворачивались стройные цепи пехоты. Красные смешались. Обнаружив неожиданную подмогу, воспрянули духом казаки, перешли в контратаку. И большевики побежали прочь. Их преследовали и били 15 километров...

Вечером дроздовцы, забрасываемые весенними цветами, восторженно приветствуемые толпами жителей, вступали в Новочеркасск.

Поход отчаянной тысячи бойцов от Румынии до Дона длился 61 день. Отряд прошел более 1000 км... В тот же день Дроздовский отправил донесение Деникину: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... отряд утомлен непрерывным походом... но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний...»

21. Россия и иностранцы

Если Германия была постоянно в курсе русских дел, отслеживала, а то и регулировала происходящие процессы, то «союзные» демократии – Англия, Франция, США постоянно проявляли полнейшее непонимание действительности, легкомыслие и недальновидность (что, впрочем, характерно для них вплоть до времен нынешних). С ноября 17-го их представители выражали полную готовность своих стран признать власть большевиков, помочь им оружием, продовольствием, даже офицерским составом – для продолжения войны с немцами. По тем же соображениям заигрывали с украинцами. Уже 5.12.17 Украину признала Франция, а в начале 18 года – Англия, только бы не исчез второй фронт.

За эти соломинки цеплялись, пока не шарахнул Брестский мир. Встала другая проблема. В Мурманске, Архангельске, Владивостоке скопилось огромное количество стратегических грузов, привезенных по союзным поставкам. Теперь все это могло быть отдано большевиками немцам. Мало того, германские войска, оперировавшие в Финляндии против красных, выходили на подступы к Мурманску. Этот город строился в годы войны на англо-французские средства специально как незамерзающий порт для военных поставок и северная база союзных флотов. К началу гражданской он представлял собой большую стройку. Порт, складские помещения, железная дорога. А подавляющую часть населения составляли пришлые рабочие-строители. И никакой «буржуазии».

После Брестского мира председатель местного совдепа кочегар Юрьев по прямому проводу обматерил Ленина с Троцким, обозвал их изменниками и заявил, что разрывает связи с Москвой. Мурманский совдеп напрямую заключил соглашение с союзниками об их присутствии и помощи. 6 марта сюда пришел английский крейсер «Глори», 14-го «Конкрен», 18-го – французский крейсер «Адмирал Об»; высаженный контингент войск был ничтожным – несколько батальонов. Выполнять какие-то задачи, кроме обеспечения безопасности Мурманска, такие силы, естественно, не могли. А правил краем все тот же совдеп, отлично уживаясь с английским командованием.

В Финляндии немцы поддержали белогвардейцев Маннергейма, и оттуда бежали красные отряды во главе с наркомом Токоем. Перейдя границу, они стали «белыми», вошли в состав сил, обороняющих Мурманск от немцев и большевиков. Причудливо играла судьбами гражданская война! «Белые» латыши, отойдя в Россию, стали красными, красные финны – белыми, армяне, обороняющиеся от турок в Ереване, белыми, а обороняющиеся от турок в Баку – красными, немцы в Прибалтике стали белыми, а в Сибири – красными.

Во Владивостоке 4 апреля высадились японцы. С той же целью – охранять порт и находящиеся в нем грузы. В городе тоже сохранилась советская власть, мало того – сохранилось подчинение Москве и большевистское правление. Но как бы смогли здешние советы препятствовать высадке, если город жил на заграничных продуктах? А иностранные консулы пригрозили в случае сопротивления прекратить подвоз.

Союзным командованием на полном серьезе прорабатывался грандиозный план перебросить несколько корпусов японцев на Волгу и восстановить там второй фронт против Германии, прибравшей Украину. План был похоронен, хотя и не сразу. Не только из-за технических трудностей, и не только из опасений, как отнесется к этому русское население, а больше из-за политических неувязок Япония в мировой войне была себе на уме. Смотрела, где хапнуть побольше да подешевле. В основном прибирала к рукам немецкие колонии и концессии на Дальнем Востоке. Посылать войска на какую-то Волгу, воевать там по серьезному, не имея ни малейшей выгоды, Японии совершенно не улыбалось. Она соглашалась на более скромную задачу – например, оккупировать русский Дальний Восток и Камчатку. Но

тут вздыбились США Америка уже чувствовала в Японии опасного конкурента на Тихом океане и усиления этого конкурента не хотела.

Русскую полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги заняли китайцы, возвращая утраченную в 1900 г. территорию. Разоружили и выгнали в Забайкалье обольщенные охранные части и впервые поставили председателем правления дороги китайца – генерала Го. В Харбин, под крыло русского начальника КВЖД ген. Хорвата, стекались офицеры, юнкера, чиновники. Зарождался новый центр Белого Движения. Здесь, в полосе отчуждения, зализывал раны после набегов на Совдепию атаман Семенов. Возникали военные организации генерала Доманевского, консула Попова, некоего Потапова. Но Харбин всегда был «помойкой», городом авантюристов, нуворишей, сомнительных дельцов и шулеров. Большой частью из формирований не выходило ничего путного. Здоровые патриотические силы глушились обильной грязной накипью. Так и не создав фронта, Харбин тонул в типичных тыловых кутежах. Китайцев союзники тоже пытались сосватать на германо-большевистский фронт, но тем и подавно не с руки было: у них разные генералы, усевшись в разных провинциях, между собой воевали, поладить не могли.

Другая сторона мирового противостояния, немцы и австрийцы, осваивались на Украине. Огляделись и поняли, что продовольствия от Центральной Рады не получают, потому что власть у нее нулевая. В докладе начальнику оперативного отделения Восточного фронта говорится: «Украинская самостоятельность, на которую опирается Рада, имеет в стране чрезвычайно слабые корни. Главным ее защитником является небольшая кучка политических идеалистов».

Центральной власти не было. Вся Украина разделилась на области, где царствовали свои атаманы, партии, авантюристы и бандиты. Можно было встретить деревни, опоясавшиеся окопами и воюющие между собой за помещичью землю. Войска Рады составляли около 2 тыс. человек с ничтожной боеспособностью.

Да и сама Рада довершала развал Украины. Она тонула в болтологии, сосредоточив все усилия на «украинизации» населения и языка. Социалистическая по составу, она своими актами разрушала экономику, вносила дезорганизацию в торговлю, рушила транспорт. Универсал о «социализации» земли вызвал в деревне новую волну погромов и анархии. Чтобы кушать, немцам оставалось только сменить режим.

Антисоциалистические элементы, начиная от помещиков и кончая крепкими собственниками-крестьянами, правые партии, группировались вокруг Павла Петровича Скоропадского. Потомок одного из последних гетманов Украины, он принадлежал к придворной российской аристократии. Воспитанник Пажеского корпуса, крупный землевладелец, один из богатейших людей России. В войну командовал 34-м корпусом, формировавшимся в основном из украинцев. Обладал высокой личной храбростью, был награжден «Георгием». Слыл либералом, приветливым человеком, был близок украинскому крестьянству и пользовался его любовью. Но государственным деятелем был никудышным, а политиком – никаким. Мягкость доходила до бесхарактерности, доброжелательность – до легкомыслия. Отчаянный вояка на фронте, в мирной деятельности он гнулся как трава, желая угодить и нашим, и вашим. Вообще-то украинским сепаратистом он никогда не был, хотя поддерживал идеи децентрализации. Короче, он всех устраивал – и интеллигенцию, и аристократов, и крестьян, и военных И немцев – из-за своей податливости.

18 апреля было заключено соглашение между Скоропадским и фельдмаршалом Эйхгорном о направлении украинской политики, 23-го австро-германцы, чтобы не подставлять Скоропадского под народное недовольство, заключили с Радой «Хозяйственное соглашение». До 31.07 Украина обязалась поставить 60 млн. пудов хлеба, 2,8 млн. пудов скота живым весом, 37,5 млн. пудов железной руды, 400 млн. яиц и т. д. За это Германия «по мере воз-

можности» поставляла продукцию своей промышленности. Правда, за все платили, причем за 1 обесцененный рубль 2 куда менее обесцененные марки.

26.04 Вильгельм прислал телеграмму: «Передайте Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно выполнять наши советы».

Эйхгорн ввел военное положение, и 29-го в киевском цирке был собран «Съезд украинских хлеборобов», избравший Скоропадского гетманом. Переворот прошел спокойно, бескровно, безо всяких эксцессов. Рада собралась в последний раз, наспех приняла «Конституцию Украинской Народной Республики» производства профессора Грушевского и разбежалась по домам, опасаясь арестов. А их никто и не трогал. Радикальное крыло ударилось в антинемецкую конспирацию, но все детали этой конспирации знала любая баба на базаре, и обширный «заговор» так и просуществовал до ухода оккупантов.

К Украине Германия прихватила русский Донбасс, никогда хохлам не принадлежавший. Просто чтобы обеспечить углем перевозки по украинским железным дорогам. С тех пор и вошел Донбасс в границы Украины. Захватили и Крым. Тут никаких интересов не было, кроме базы в Севастополе, чтобы обеспечить безопасность сообщений в Черном море. 14.05 немцы без боя заняли Севастополь. Часть судов ушла в Новороссийск, часть подняла «жовто-блакитные» украинские флаги. В Крыму образовалось татарское правительство Сулькевича, тоже генерала русской службы (литовского татарина родом), которое повело переговоры с турецкой Блистательной Портой о присоединении к ней в виде вассального ханства или в другой форме.

22. Чехословаки

Чехословакия – маленькая страна. И народ вроде спокойный, уравновешенный, интеллигентный. А вот, поди ж ты, какую бучу мирового масштаба горсточка чехов учинила! Причем изначальные корни событий оказались, можно сказать, глубоко историческими.

В Австро-Венгрии было два «главных» народа – при императоре два премьера, два кабинета министров, австрийский и венгерский, остальные же нации оказались «второсортными» – чехи, словаки, поляки, хорваты, итальянцы, украинцы, гуцулы. Ну ладно, темные карпатские горцы, продолжавшие жить по патриархальным законам и воспринимавшие любую власть, как данную от бога. Но каково было это терпеть чехам, представлявшим один из старейших очагов европейской культуры! Да и исторически они во времена оны вошли в империю Габсбургов отнюдь не в качестве подчиненных, а, как и венгры, в качестве равноправного самоуправяемого государства и лишь впоследствии были лишены суверенитета. Поэтому национальное самосознание было у чехов крайне обострено, а сепаратизм, панславянские и антигерманские настроения стали общенародным явлением. Австрийцев считали поработителями, а к венграм, стоящим ниже по культурному уровню, но обладавшим большими правами, выработалась стойкая неприязнь.

Когда началась мировая война, чехословаки стали самыми ненадежными солдатами Австро-Венгрии, при первой возможности они сдавались в плен, тем более что Россия вступила в войну как раз под лозунгами защиты братьев-славян. Учитывая эти настроения, в русском Генштабе родился план сформировать из пленных части, которые будут сражаться за свое отечество. Высочайшего одобрения идея не получила. В отличие от своих противников (и союзников), Россия старалась воевать по отмирающим рыцарским кодексам и натравливать подданных на собственное правительство считала недостойным. Лишь в 16-м из-за больших потерь было высочайше разрешено формирование чехословацких легионов, но и то поначалу лишь из эмигрантов и российских граждан чешской национальности. Широкое создание частей развернулось уже после Февральской революции, отбросившей вместе с монархией все прочие «феодальные» условности. И был образован трехдивизионный корпус, около 40 тыс. человек.

Он хорошо дрался на Юго-Западном фронте в неудачном летнем наступлении 17-го. Помогал Корнилову спасти положение, когда остальные войска бросились наутек. После Октября подчинился Украине. Когда Брестский мир обрек их на изоляцию посреди чужой страны, корпус, в отличие от советских и украинских частей, оказал сопротивление оккупантам и с боями отступал на северо-восток. Терять чехословакам было нечего – взял в плен, австрийцы вешали их как изменников. Через Киев отошли в Россию и были сосредоточены в Пензе, создав проблему для большевиков. Корпус верил и подчинялся своим командирам, разлагаться и воспринимать красную пропаганду не хотел. Не хотел он и идти карателями в Красную армию, вроде латышей и эстонцев. Чехи-то были куда грамотнее темных латышей и воспринимали большевиков как предателей и немецких ставленников. А уничтожить их? По весне 18-го 40 тыс. сплоченных штыков были не шуткой. Опять же, напасть на чехословаков, воюющих за свою свободу, значило бы опозориться в глазах европейского социализма, испортить свою репутацию.

Разве можно, с учетом перспектив мировой революции? Вот и ломали головы, как же от них избавиться?

Французы молили, чтобы корпус отдали им на германский фронт. Там немцы ломали изо всех последних сил. И 26 марта между представителями Чехословакии, Франции и Совдепии состоялось соглашение о переброске корпуса. Проще всего было отправить его через Архангельск или Мурманск, но большевики боялись нового контингента так близко

от своих столиц. Решили вывозить кружным путем, через Владивосток, разделив эшелоны на 4 группы.

И просчитались. Россия походила на переполненный паром котел. Уже занималась рубка на Дону. Отряд уральских казаков генерала Толстова неудачно подступал к Астрахани. Новую вылазку из Маньчжурии сделал Семенов. Дутов опять поднимал башкир и оренбургское казачество. Даже подступал к Самаре. При этом в городе вспыхнуло восстание – поднялись эсеровская дружина, матросский отряд, части анархистов... Пока эти восстания были разрозненными, их быстро подавляли, но состояние бочки с порохом сохранялось. Не хватало лишь искры.

Чехов с долгими проволочками повезли на восток А навстречу из сибирских и уральских лагерей шли эшелоны немцев и австро-венгров, освобождаемых по Брестскому договору. Фактически обе стороны ехали на один и тот же фронт сражаться друг против друга! А с большевистской точки зрения, одни ехали защищать интересы англо-французской буржуазии, другие – нести в Европу идеи русской революции. Немцы и венгры, увешивающие свои поезда красными флагами, бурно приветствующие большевиков-союзников, были, разумеется, «революционными» нациями. Им давались зеленая улица, паровозы, вагоны, уголь. Ну а чехов надолго загоняли в тупики, они простаивали на запасных путях. Но как раз в Сибири и на Урале советская власть оказалась тоже полунемецкой! Чтобы не ехать на фронт, многие военнопленные из здешних лагерей шли на большевистскую службу. Начиная с Урала, чехословаки столкнулись с немецким засильем в совдепах, ЧК, Красной армии. Эшелоны двигались во враждебной стихии, нередко на станциях возникали ссоры, драки, причем местные власти, конечно, занимали позицию, враждебную чехам. 14.05 в Челябинске произошла крупная драка между чехами и венграми. Совдеп обрушился на чехов и арестовал, кого мог. Им грозил расстрел. Эшелон взялся за оружие и угрозой силы освободил товарищей.

Троцкий счел это достаточным поводом для расправы с «контрой» и издал приказ: «Все Советы депутатов обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь...»

Все вроде было просто, привычно – как привычно подавлялись до сих пор все местные восстания и проявления недовольства. А может, и Германия надавила – ей появление свежего корпуса на Западном фронте было совсем ни к чему. Чехословаки были уже рассредоточены, и с технической точки зрения операция вроде не составляла особого труда.

Когда приказ дошел до крайней западной точки их расквартирования, до Пензы, местные красноармейцы подступили с требованием разоружения, окружили чешский лагерь и попытались захватить его. На это чехи ответили огнем. Отбили наступающие части, и сами перешли в атаку. Рассеяли красноармейцев и... свергли в Пензе советскую власть. Немедленно передали по железнодорожной связи своим землякам, что Совдепия объявила чехословакам войну и напала на них. Получая эти сведения, один за другим начали восставать эшелоны, громили местные отряды и разгоняли советы. Возглавили восстание бывший военфельдшер капитан Гайда, поручик Сыровой, капитан Чечек и прикомандированные к корпусу русские офицеры – полковник Войцеховский и генерал Дитерихс.

Нет, последующие советские версии о том, что мятеж был подготовлен заранее, не соответствуют действительности. Это легко понять даже неспециалисту. Выступи чехи раньше, пока корпус был в едином кулаке, они гораздо эффективнее могли бы двинуться из Пензы на Москву или пропахать дорогу на север к англичанам. Или выступи они позже – когда вошли бы в контакт с союзниками через КВЖД и Владивосток. Но первые эшелоны к моменту восстания оказались в Омске. Да, 40 тыс. штыков были по тому времени немалой силой. Но они растянулись более чем на 2000 км, были отрезаны друг от друга и расстояни-

ями, и городами, и красными войсками. Пунктирная черточка мятежа от Пензы до Омска пролегла в глубине России, в полном окружении. Восстание явно было стихийным, в целях самозащиты. И двинулись размещенные в Пензе чехословаки отнюдь не на Москву, а на восток, пробиваться к своим!

Большевики, пока еще ничуть не сомневавшиеся в локальном характере выступления и возможности его быстро ликвидировать, бросили на подавление все расположенные поблизости войска. Крупные силы красноармейцев и сколоченных наспех рабочих отрядов выслал из Самары на Пензу Куйбышев. Но чехи не стали ждать, когда их окружат и раздавят. Атаковали сами. Разгромили самарские полки и заняли Сызрань. Наверное, рано или поздно распяленные по городам и станциям чехословацкие части все равно были бы уничтожены. Но их мятеж и первые успехи стали детонатором русского антибольшевистского взрыва. Мгновенно реализовались заговоры и конспиративные организации, еще вчера бывшие чисто теоретическими и объединявшие друзей и знакомых. Ожили казацкие очаги партизанского сопротивления. Это был как бы естественный громкий сигнал к выступлению, услышанный на огромных пространствах. Цепочка искр, одновременно попавших в горючий материал.

С приближением чехов к Самаре там вспыхнуло вооруженное восстание, возглавляемое Комитетом членов Учредительного Собрания (КомУч) в составе Климушкина, Фортунатова, Нестерова, Вольского и Брушвита. Эсеры, народные социалисты, кадеты. Военными силами руководили полковник Галкин и корнет Карасевич. Куйбышев попытался подтянуть к городу войска своего «урало-оренбургского фронта», выставленного против набегов Дутова, но командующий Яковлев перешел на сторону повстанцев.

6 июня Самара пала. Восставшие освободили заключенных из городской тюрьмы, чехи захватили мост через р. Самара и входили в город. Ревком и самарские коммунисты с боем отступали к Волге. В городе находился золотой запас России, его успели отправить пароходами в Казань. Большевиков ловили на улицах и убивали – не белогвардейцы, а сами жители, пострадавшие от них. Куйбышев, едва спасшийся от самосуда, впоследствии писал: «Меня хотели схватить разъяренные против большевиков обыватели». Как раз «регулярные» белые отряды пленных брали, в том числе и красных командиров. Спасшиеся большевики бежали на пароходах до Мелекесса и Симбирска. Начал спешно оборудоваться Симбирский укрепленный район. Был образован новый Восточный фронт во главе с Муравьевым (тем самым, который в 17-м командовал советскими войсками под Гатчиной, а в 18-м громил Киев). В Сенигилее произошел мятеж красных частей, желавших соединиться с повстанцами, но был подавлен.

Самарский комитет Учредительного Собрания объявил себя правительством на освобожденной территории. Была объявлена мобилизация в белую Народную армию. Ее 1-ю Добровольческую дружину возглавил 30-летний подполковник Владимир Оскарович Капель. Он был командиром батальона в Корниловском ударном полку в 17-м. И ядром Народной армии стали тоже бывшие корниловцы-ударники, не попавшие на Дон и осевшие на Волге. Не ожидая, пока большевики накопят достаточно сил для разгрома восстания, Капель вместе с чехами повел свои немногочисленные отряды на север.

Взрыв произошел не только на Волге. Сработали те самые заряды, на которые когда-то рассчитывал Корнилов. Оренбургские казаки и башкиры Дутова перешли в наступление, взяли Оренбург и отрезали от Центральной России красный Туркестан. Их операции развивались успешно, и 5 июля пала Уфа. Красные войска Каширина и Блюхера откатывались под ударами на север вдоль Уральского хребта, впитывая в себя формирования местных большевиков. Активизировались уральские казаки Толстова. Еще зимой вставшие стеной и не пустившие в Уральск и свои станицы «антихристов», теперь они уничтожали красную заразу в окрестностях.

31 мая началось офицерское восстание в Томске. Возглавил его 27-летний полковник Анатолий Пепеляев. 20 июня восстал Омск.

В Западной Сибири, в Северном Казахстане поднялось казачество, возглавляемое полковником Ивановым-Риновым, самозванным атаманом Анненковым и полковником Гришиным-Алмазовым. Из Маньчжурии двинулся на Забайкалье Семенов, собрав около 3 тыс. человек. Из них тысяча казаков и офицеров, остальные монголы, баргуты, китайские бандиты-хунхузы. 29 июня вспыхнуло офицерское восстание во Владивостоке. Японцы с апреля соблюдали здесь нейтралитет и советскую власть не трогали. Теперь же ее свергли. Восстали уссурийские казаки атамана Калмыкова. С полосы отчуждения КВЖД выступили небольшие добровольческие отряды генерала Хорвата. Во Владивостоке образовалось Временное сибирское правительство во главе с эсером Дербером.

Кстати, все белые власти проявили себя намного гуманнее большевиков. Вспышки жестокости, самосуды и расправы мы найдем только во время стихийных взрывов восстаний. Те, кто не попал под горячую руку, избежал этого заряда накопившейся злобы, уцелели. Во Владивостоке лидеры большевиков не только отделались арестом, но им даже разрешили баллотироваться на выборах в новое правительство. Через некоторое время они благополучно бежали из заключения. И в Самаре захваченных в плен не казнили. Например, красные командиры Вавилов и Масленников были препровождены в Омскую тюрьму. Через несколько месяцев тоже бежали. Там же, в Самаре, были арестованы 16 комиссарш, среди них жены Цюрупы, Кадомцева, Юрьева, Брюханова и других ответственных советских работников. И что же? Большевики завопили на весь мир о «зверствах», добились вмешательства Дании, Швеции, Норвегии, Голландии и Швейцарии, которые... выразили протест в связи с нарушениями международного права! Хотя женщин никто не собирався расстреливать – их хотели только выслать в Сибирь без права возвращения в Россию. А в результате обменяли на депутатов Учредительного Собрания, арестованных красными в Уфе. Поистине уникальный случай. В первый и, наверное, последний раз большевики вспомнили о международном праве. Учитывая, что через какой-нибудь месяц они начали пачками расстреливать заложников, невзирая на пол и возраст.

Но не только офицерам, интеллигенции и казакам новая власть поперек горла стала. Многим рабочим тоже. Прокатились забастовки в Петрограде, Москве, Туле, Брянске. В июле беспартийный «рабочий съезд» в столице был арестован в полном составе, многие убиты в Таганской тюрьме. А крупные заводы Ижевска и Воткинска восстали, изгнав коммунистов и очистив значительный район на Каме. Здесь были оружейники, потомственные мастера, не чета питерской лимите или волжской портовой рвани. У них сохранилась советская власть – но без большевиков. Дрались под красным флагом, выбирали командиров, употребляли обращение «товарищ», а в атаки поднимались с «Варшавянкой». Шли на позиции цехами и заводами. Нередко делились – часть цеха воевала, а часть работала у станков, изготавливая для них оружие и боеприпасы.

В дело вступили и представители Антанты. Если раньше они планировали переправить чехословацкий корпус во Францию или использовать во Владивостоке для создания коалиционных оккупационных сил с японцами, то теперь опять замаячила перспектива образования Восточного фронта – только уже не из японцев, а из чехословаков и белогвардейцев против немцев и их союзников-большевиков. Какая чехам разница, откуда идти освободить родину, из Франции или с Волги? Корпус официально подчинялся союзному командованию, осталось лишь изменить ему задачу – не на восток, а на запад, попутно помогая русским освободиться от германских ставленников и расчистив Сибирскую магистраль для прямого контакта со странами Антанты.

Чехи образовали несколько фронтов. Чечек с отрядами Каппеля повел наступление вдоль Волги. Сыровой с казаками Дутова очищал Урал, а Гайда, соединившись с Семено-

вым, двинулся на восток Красные части с боями откатывались на Хабаровск, сжимаемые с двух сторон. С одной – чехами и белопартизанами, а от Владивостока – казаками Калмыкова, добровольческими отрядами и японцами. Наконец, дезорганизованные и деморализованные, они начали уходить в тайгу и в Китай. В сентябре 18-го белые фронты соединились под Хабаровском. Власть большевиков от Владивостока до Волги оказалась сброшенной. Правительства, подобные Самарскому и Владивостокскому, возникли также в Омске и Екатеринбурге.

Если первая волна Белого Движения, образовавшаяся в конце 17-го, была оборонительной, была попыткой защитить то, что осталось от государства, то с весны 18-го начала подниматься вторая волна – повстанческая. Реакция уже не на сам факт большевистской власти, а на ее действия и политику. И к этому сопротивлению коммунисты оказались не готовы.

23. Всевеликое войско Донское

*Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв монарха он...*

Старая казачья песня

Всего 10 из 252 станиц были очищены от красных, когда в Новочеркасске собрался Круг Спасения Дона – 130 делегатов от казачьих отрядов и восставших мест. Слабость Круга была в малой представительности, невысоком во всех отношениях уровне делегатов (Круг не зря называли «серым»). Тут не было ни интеллигенции, ни представителей городов, ни крестьянства – только казаки, зачастую малограмотные, не разбирающиеся в политике, а то и в текущих вопросах, которые решали. Сила Круга заключалась в единодушии, отсутствии партийной грызни и внутренних дрызг. Наконец-то все оказалось подчинено единой цели – спасению от большевиков.

На одном из первых заседаний решили важнейшие вопросы об установлении твердой власти и порядка, о создании постоянной армии, законах о ее организации и дисциплине. Стали избирать нового атамана. Генерал Попов был слишком вял и нерешителен. Проявивший себя во время восстания полковник Денисов молод (34 года), он не пользовался авторитетом у станичных стариков. Выдвинулся П. Н. Краснов. У него было славное прошлое: две войны, блестящая служба в лейб-гвардии, боевые награды вплоть до Георгия, командование корпусом. Были твердость и решительность, донской патриотизм, слабость к казачьим обычаям. Была слава удачливого начальника – даже из похода с Керенским на Петроград сумел с честью казаков вывести. Учли и то, что Краснов еще год назад считал нужным замириться с немцами – из чисто практических соображений. Что он по-простому, не мудрствуя, предпочитает реальную выгоду высоким материям. Такой атаман и был нужен казакам – хоть с чертом бы целовался, лишь бы Дон уберег.

Его позицию заслушивали целых два часа. А позиция была простая – раз России больше нет, то Дон должен стать самостоятельным государством, строить собственную жизнь, наладить мирные отношения с немцами и Украиной. В перспективе – помочь спасти Москву от воров и насильников, а потом не вмешиваться в русские дела и зажечь вольной казацкой житухой – «Здравствуй, Царь, в кременной Москве, и мы, казаки, на Тихом Дону!».

Программа делегатам понравилась. Краснова избрали 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся. Но пост атамана он занять отказался до того, как Круг примет предложенный им пакет основных законов. Об атаманской власти – атаману единолично передавалась вся полнота власти между сессиями Круга, верховное командование армией, внешние сношения, законодательство. О вере – главенствующей объявлялась православная вера со свободным отправлением богослужения для других религий. О правах и обязанностях казаков и граждан – праве собственности, неприкосновенности личности и жилища, обязанности по защите отечества и уплате пошлин. О законах – восстанавливалась юрисдикция на основе законов Российской империи до 25 февраля 1917 г. О совете управляющих (т. е. министерствах), об отделе финансов. О войсковом суде. О донском флаге, гербе и гимне. Флаг вводился трехцветный, сине-желто-красный, герб – голый казак, сидящий при оружии верхом на винной бочке, гимн – старинная песня «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон».

О необходимости единовластия Краснов сказал: «Творчество никогда не было делом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников».

На вопрос, может ли генерал что-то изменить в предложенных им законах, Краснов ответил: «Могу. Статьи о флаге, гербе и гимне. Вы можете предложить мне другой флаг – кроме красного, любой герб – кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме «Интернационала».

Законы были приняты. Краснов и Круг Спасения сделали то, чего тщетно добивался Каледин, связанный по рукам и ногам коллегиальностью и демократической болтовней. Отметались «завоевания революции». Зато учреждалось новое государство – Всевеликое Войско Донское.

Положение государства было сложным. Оно непосредственно соприкасалось с четырьмя силами – большевики, немцы, Украина и Добровольческая армия. С каждой предстояло определить отношения. Воевать с немцами казаки никак не могли – их раздавили бы в порошок Тем более и Совдепия, и Украина были связаны договорами с Германией. Да и не стали бы рядовые казаки драться, не считая больше немцев своими врагами. Например, население западных станиц, Каменской и Усть-Белокалитвенской само пригласило гарнизоны оккупантов, чтобы избавиться от родных русских большевиков. Гарнизоны стояли также в Ростове, Таганроге, Донецком округе. И опять же, жители нарадоваться не могли на оккупацию, считая ее даром небесным после советской власти.

Едва вступив в должность, Краснов написал императору Вильгельму о своем избрании, о том, что Войско Донское не находится в состоянии войны с Германией, просил о признании государства, просил не продвигать на его территорию немецких войск и помочь оружием в борьбе с большевиками, предлагал установить торговые отношения. Германию такое вполне устраивало. На территории Дона интересов у нее не было. Казаков она побаивалась, а отвлекать войска для боев или сильных заслонов против них было не с руки. Кроме того, большевики были очень уж скверными союзниками – коварными и ненадежными, норовили прямо или косвенно подстроить пакость. А Дон становился буфером, прикрывающим Украину с востока и от красных, и от антигерманской Добровольческой армии, и от Восточного фронта Антанты, если та все же сподобится его создать. Помочь оружием? Почему бы и нет. Пусть и большевики, и антибольшевистские силы увязнут в собственной войне, меньше будут мешать Германии.

Немецкие власти признали Дон. Начали поставлять винтовки, орудия, боеприпасы – на чисто деловой основе. За винтовку с 30 патронами – 1 пуд (16 кг) зерна. Такой дешевизне можно не удивляться, т. к. оружие было русское, захваченное на фронтовых складах. Курс германской марки был установлен в 75 коп. донской валюты, и в Ростове образовалась Доно-Германская экспертная комиссия по товарообмену, начались поставки сахара с Украины.

На этом бы Краснову остановиться, вряд ли кто-то упрекнул бы его в вынужденной «германской ориентации». Но политик он был недалекий, поэтому наломал дров. Написал Вильгельму второе письмо. Просил признать право на самостоятельное существование не только Дона, но, по мере освобождения, Кубанского, Терского, Астраханского войск и Северного Кавказа. Кроме того, просил у Вильгельма содействия, чтобы Украина вернула Дону Таганрогский округ, а Россия отдала «по стратегическим соображениям» Воронеж, Камышин и Царицын с окрестностями, для чего приложил карту на Вильгельмово утверждение. И просил оказать давление на Москву, чтобы установить между ней и Доном мирные отношения. Взамен обещал полный нейтралитет в мировой войне, «не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы», гарантировал право преимущественного вывоза избытков продовольствия, экономические льготы.

Понятно, что это было уж слишком. Атаман сам просил иноземного императора, виновного в победе большевизма, полноправно, в качестве хозяина, решать русские дела и

кроить русские земли, а от освобождения России на деле отрекался – лишь бы Дон не трогали. Да и сами письма были составлены в таком стиле, будто Краснов соскучился по прежней лейб-гвардейской службе и готов с умилением тянуться в струнку перед любой коронованной особой. Стараниями генерала А Богаевского письмо увидело свет, вызвав бурю общественного возмущения. Кубанское правительство, на согласие с которым сослался Краснов, официально отреклось от такового.

А атаман продолжал грубые политические «ляпы». Он писал, например, фельдмаршалу Эйхгорну «В настоящее время я занят подготовкой общественного мнения к активной борьбе с чехословаками, если бы последние вздумали перейти границы земли Войска Донского... Если бы Вы помогли Донскому войску окрепнуть в полной мере, Вы могли бы быть спокойны за Ваш тыл на Украине и за Ваш правый фланг в том случае, если бы державы Согласия восстановили Восточный фронт. Мы угрожали бы их левому флангу».

Отношения с другим соседом, Украиной, начались неважно. В первом же письме Скоропадскому атаман указал, что украинцы неправильно определили свои границы. Еще значительная часть Дона была под большевиками, а уже дошло до открытых боев с гайдамаками. Под Старобельском в сражении с украинцами полегла половина 12-го казачьего полка. Особенно остро стоял вопрос о Таганроге. Дон цеплялся за его заводы и шахты Таганрогского округа, Украина – за «мост» на Кубань, родственную по языку. Под давлением немцев спор был решен мирно в пользу Дона. Для Германии было выгоднее отрезать «мост» на занятую красными Кубань казачьими полками. После этого тесные экономические и политические отношения между Киевом и Новочеркасском стали налаживаться. Причем даже в договоре с Украиной Дон обязался «... не заключать союзов, могущих вредить Украине и Центральным державам, и не оказывать помощи чехословакам».

С одной стороны, Краснов всеми силами укреплял Всевеликое Войско Донское, с другой стороны – рыл и ему и себе глубокую яму.

Здесь же, на Дону, расположилась Добровольческая армия. Разведка доносила Деникину, что огромное количество большевистских грузов, эвакуированных с Украины и Дона, скопилось на железной дороге Ростов – Тихорецкая, закупорив все станции. Поезда с оружием, боеприпасами, обмундированием – со всем, чего остро не хватало белогвардейцам. Деникин приказал организовать набег. 8.05 армия тремя колоннами вышла на Кубань. Отмахав форсированным маршем больше ста километров, на рассвете 9-го бригады Богаевского, Маркова и Эрдели атаковали станции Крыловская, Сосыка и Новолеушковская. Заняли их после жаркого боя, захватили военные запасы, испортили пути, взорвали бронепоезда и навели среди красных дикую панику. Сюда начали со всех сторон стягивать войска, приняв вылазку за новое наступление. Но белогвардейцы боя не приняли и отошли на Дон, увозя длинные обозы с трофеями и несколько сот кубанских казахов, мобилизованных красными.

13.05 добровольцы стали на отдых в Егорлыкской и Мечетинской. В Новочеркасск отправили раненых. Армия приходила в себя после боев. Вливались новые пополнения – отряд Дроздовского, группы и одиночки. Те, кто пережил большевистское нашествие на Дону. Ехали с Украины. Пробирались из России: по фальшивым документам или тайком пересекали линию немецкой оккупационной зоны под Белгородом или Оршей – там была мирная, спокойная граница. Привозили жуткие рассказы о том, что творится в центре. Были, хотя и немного, такие, кто уходил из армии, надломленный походом. Марков прямо сказал своим подчиненным: «Я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули наши ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая их постигла участь, они не спасли свою драгоценную шкуру; если же кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану. Вольному – воля, спасенному – рай и... к черту».

Во взаимоотношениях Всевеликого Войска Донского и Добровольческой армии камнем преткновения стала Германия. Донцам никак нельзя было с ней ссориться, а добровольцам никак нельзя было с ней мириться. Не только из-за рыцарской верности союзникам. Не только из-за невозможности забыть, как немцы отравили народ, запустив в Россию и вскормив большевиков. Дон, связанный с определенной территорией и 5-миллионным населением, вынужден был блюсти сегодняшние насущные интересы. Деникин и Алексеев должны были учитывать перспективу. Мировая война шла к концу. Удержаться на русских и украинских поставках, двинуть все силы на запад, разбить Францию и немедленно заключить выгодный мир – было последней ставкой Центральных держав. Но, учитывая огромный потенциал США и отмобилизовавшиеся силы Англии, конечный итог обещал быть в пользу Антанты.

А за войной последует мир, новые изменения границ, новые договоры и соглашения. . . В 1914–1915 гг. Россия ценой многочисленных жертв спасла Францию от разгрома в битвах на Марне и под Верденом, в 1916 г. спасла Италию. Не только Россия была должна союзникам по займам и кредитам. Они тоже были ее крупными должниками – и в политическом, и в военном плане. После сепаратного мира Совдепии и Украины с Центральными державами Добровольческая армия, оставшаяся единственной правопреемницей старой России, осталась и единственной держательницей союзнического векселя. Пойти на мировую с немцами значило разорвать этот вексель, добровольно исключить Россию из числа стран-победительниц со всеми последствиями. Мало того, Россия тогда могла бы рассматриваться как союзница Центральных держав и подвергнуться тяжелой участи проигравших наравне с ними. Тогда послевоенный мир мог бы перекраиваться за ее счет. Вожди Добровольческой армии собирались просить не милостыню, а долг. Долг, являвшийся в тот момент одним из главных капиталов разрушенной России. Вот и нужно было этот капитал сберечь.

После избрания атаманом Краснова Деникин и Алексеев встретились с ним в станице Манычской. Переговоры проходили туго и неприятно для обеих сторон. О подчинении донской армии Деникину не могло быть и речи: казакам опасно было иметь антигерманского военачальника по соседству с германскими дивизиями. Краснов предложил Деникину наступать на Царицын, передав ему при этом в подчинение войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов. На первый взгляд план сулил богатые перспективы, выводя белых к волнующейся Саратовской губернии, позволяя получить царицынские артиллерийские заводы, военные склады, открывая путь к Дутову и уральским казакам. Но по многим соображениям он был неприемлем. И по стратегическим – из-за 200-тысячного скопления Красной армии на Северном Кавказе, оставлять которое в тылу было нельзя. И по техническим – Добровольческая армия нуждалась в отдыхе и реформировании после Ледяного похода. В ней было много кубанцев, настроенных освободить родные края. Нарушение обещания вернуться, данного им Деникиным, могло сказаться отрицательно. Сказывались и политические факторы: Краснов лавировал, пытался играть «и нашим и вашим». В результате было неясно – для чего брать Царицын? Для освобождения России или для расширения границ новоявленного казачьего государства? Для соединения с Дутовым и союзниками? Или расчищая дорогу на Волгу немцам, чтобы они создали свой форпост на фланге союзнического Восточного фронта? Содействовать тому, чтобы немцы на Волге встретили чехословаков? Учитывая эти факторы, Деникин и Алексеев отказались от похода на Царицын. Следующий удар они наметили на Кубань, когда армия наберется сил.

Но отмахнуться от добровольцев Краснов тоже не мог. Это была закаленная, испытанная боевая сила, в отличие от неорганизованных и расплывчатых повстанческих отрядов. Деникинцам симпатизировала значительная часть донского офицерства. Порвать с ними значило бы усилить оппозицию Краснову, и без того образовавшуюся из-за «германской ориентации». Кроме того, деятели казачьих кругов были себе на уме – сегодня под боком

немцы, а завтра? Нужно было и на другой вариант приберечь козырную карту. В результате совещания выработались отношения, что-то вроде союзнических. Дон и Добровольческая армия не лезли во внутренние дела друг друга. Деникинцы оставались на Дону, прикрывая его с юга и юго-востока. В Ростове и Новочеркасске расположились их госпитали, лазареты, вербовочные бюро. Дон обязался по мере возможностей снабжать Деникина оружием и боеприпасами, выделил заем в 6 млн. рублей.

Вообще же, особенно после писем Краснова к Вильгельму, взаимоотношения установились неважные. Старались не встречаться. Атаман общался с Деникиным, Алексеевым и Лукомским только по переписке. Ростов и Новочеркасск стали тылом сразу двух армий. По закономерности всех войн – все лучшее оказывается ближе к передовой, а в тылу копится все фальшивое и грязное. В условиях гражданской войны и разлада администрации эти явления особенно проявились. Города заполнили спекулянты, махинаторы, ловкачи и шкурники. Сюда же наезжали встряхнуться и расслабиться в отпусках настоящие фронтовики. Реками лилось вино, кутежи и скандалы были обычным явлением. Причем донцы во всех безобразиях обвиняли добровольцев, а добровольцы, конечно же, – донцов.

Фронтвые части без труда находили взаимопонимание, поддерживали и выручали друг дружку, а тылы на разных уровнях ссорились. Донцы ставили в укор, что Добровольческая армия живет за счет их государства, и крестили деникинцев «странствующими музыкантами», а добровольцы упрекали казаков в сношениях с немцами, смеялись над опереточной атрибутикой «казачьей державы», называли Всевеликое Войско Донское «всевеселым», а Краснова – «хузяином».

Впрочем, это прозвище действительно было применимо к Петру Николаевичу, но не в насмешливом, а в уважительном смысле. Если он был неважным политиком и средненьким стратегом, то зато он был превосходным организатором. И вместе с командующим армией, произведенным им в генерал-майоры Денисовым, проделал колоссальный труд по реорганизации донских вооруженных сил.

К моменту избрания Краснова на небольшой освобожденной территории белоказачьи формирования составляли около 17 тыс. человек с 21 орудием и 58 пулеметами. Им противостояли 70 тыс. красных при 200 орудиях. Свои полки выставляла каждая станица, и их численность колебалась от нескольких сот до нескольких тысяч бойцов. Часто шли воевать и местные крестьяне – таких принимали в казаки, выделяли земельный пай. Офицеры были свои, станичные. Если не хватало, приглашали со стороны, присматриваясь к ним – подойдут или нет. Да и сами офицеры, особенно старшие, испытывавшие за последний год столько оскорблений, предательств и разочарований, первое время относились к повстанцам недоверчиво. Не хватало седел, поэтому, несмотря на всеобщее желание воевать конными, большинство армии составляла пехота. Пулеметы и орудия, захваченные у красных, становились собственностью полка – в каждой станице были свои пулеметчики и артиллеристы. Точно так же общей собственностью полка и станицы считалась вся военная добыча. Часть – отряду, часть – по домам или в станичную казну. Большой бедой был недостаток боеприпасов: 10–20 патронов на винтовку, 5–20 снарядов на орудие. Их брали только в бою. Остальное снабжение поставляла станица. Позиции были близко от родных жилищ. Приходили и приезжали родные, приносили еду. Потом станицы начали прикомандировывать к отрядам хозяйственных стариков, торговцев или кооператоров, которые заботились о снабжении, ведали распределением добычи.

Воевали по казацкой старинке: наступление жидкой цепью с фронта, а какой-нибудь балкой, оврагом обходят главные силы. Когда большевики дрогнут, начнут отступать – с гиком бросается конница, гонит и уничтожает. Иногда заманивали врага в «мешок» ложным отступлением. Штабы были маленькие, 2–3 человека, обозы тоже небольшие. Личной удачей, храбростью, умом выделялись новые герои, новые военачальники – полковник Гусель-

ников, творивший чудеса с Гундоровским и Мигулинским полками; генерал Мамонтов (правильно, кстати, Мамантов, написание исказилось в гражданскую, да так и привыкли). Он не был казаком, но сроднился с ними в войну, да и им пришлось по нраву, стал казацким вожаком, эдаким былинным атаманом. Командуя фронтом, был трижды ранен в атакующих цепях, но все равно продолжал водить подчиненных в лихие схватки.

Война шла зверская. Отступающие красные изощрались в жестокости. В нескольких станицах были изнасилованы все девушки – в качестве «контрибуции». Священников пытали до смерти. Казаки находили родных и близких распятыми, сожженными заживо. К пленным пощады не было. На царицынском направлении привязывали казаков к крыльям ветряных мельниц и пускали кружиться. Закапывали в землю по шею. Отшибали внутренности, бросая о землю. Казаки отвечали красным взаимной злобой. Правда, воевали они «за порядок», поэтому если уж взяли в плен, не изрубили, то без суда не убивали. Но суды создавали в каждой станице и строго следили, чтобы они сурово карали «воров и злодеев». Комиссарам и коммунистам приговор был однозначным. Беспощадны были и с пленными казаками, служившими у красных, – их считали изменниками Дону. Поймав председателя Донревкома Подтелкова и секретаря Кривошлыкова с 73 красными казаками, которые с большой суммой денег ехали в верховья Дона, чтобы агитировать тамошние станицы «за революции», двух первых приговорили к повешению, остальных к расстрелу. Рядовым красноармейцам везло больше. И чем больше времени проходило от взрыва восстания, чем упорядоченнее становилась донская жизнь, тем мягче им определялось наказание. Посылали в шахты, на полевые работы, чистить и восстанавливать то, что большевики порушили в Ростове и Новочеркасске.

Сразу после освобождения Новочеркасска Денисов направил на север группу войск ген. Фицхелаурова. Преследуя красных, генерал 11 мая с боем взял г. Александре-Грушевский, а вслед за тем конными частями очистил весь угольный район и призвал рабочих к нормальному труду. Для соединения с разрозненными очагами повстанцев, действовавших самостоятельно, ему было предписано развивать наступление на север и восток У Фицхелаурова насчитывалось 9 тыс. чел. при 11 орудиях. 28 мая он атаковал станицу Морозовскую, где сконцентрировались части Щаденко в 18 тыс. штыков при 60 пушках. После четырехдневных боев Щаденко стал пятиться на восток, к Царицыну. И возле станции Суровиково столкнулся с повстанческой группировкой Мамонтова (8 тыс. чел. при 7 пушках). Сначала пришлось туго Мамонтову – он вел упорные бои по реке Чир, и части Щаденко вышли ему в тыл. Мамонтов оборонялся на два фронта из последних сил, последними боеприпасами. Но в тыл Щаденко уже выходили казаки Фицхелаурова. Сдавленная с двух сторон, красная группировка была разгромлена, ее остатки бросили железную дорогу, вдоль которой действовали, и ушли степями прорываться к своим.

Это была первая стратегическая победа казаков. Она позволила соединиться в единый фронт повстанцам южных и северных округов. Вскоре Фицхелаурову удалось связаться с отрядом полковника Алферова, воевавшим в Хоперском округе, а Мамонтову – с полковниками Стариковым и Секретевым, возглавлявшими борьбу в Усть-Медведицком округе. В тех краях еще ничего не знали ни об освобождении Южного Дона, ни об избрании атамана. Таким образом, к середине июня все донское казачество объединилось под общим командованием. Мелкие отряды собрали в 5 войсковых групп – Алферова, Мамонтова, Быкадорова, Фицхелаурова и Семенова, связанных с Новочеркасском телеграфом и телефоном.

Армия приступила к систематической очистке от красных донской территории. 13 июня на 2 пароходах из Новочеркасска отправился отряд полковника Дубовского в 2 тыс. штыков. Он прошел вверх по Дону, вместе с местными повстанцами выбил красных из богатых прибрежных станиц и восстановил судоходство в среднем течении реки.

Однако чем дальше, тем больше начинали мешать явления анархии и партизанщины. Большевизм успел крепко отравить души. Некоторые полки митинговали, выносили резолюции об освобождении только своего округа или не желали идти дальше своей станицы. Атаманы станиц устанавливали таможенные границы и кордоны, «реквизируя» проходящие через их землю обозы. Краснов предавал военно-полевому суду за подобное самоуправство, а попутно начал реорганизацию партизанской армии на регулярных началах. Была объявлена мобилизация 25 возрастов. Станичные ополчения сводились в номерные полки. Орудия и конница из них выделялись в артиллерийские батареи и кавалерийские части. Полки постепенно объединялись в бригады, дивизии, корпуса.

Из казаков 19–20-летнего возраста началось формирование особой, Молодой (или Постоянной) армии. Они не были на германском фронте, не знали комитетов и комиссаров, не подвергались разлагающему влиянию пропаганды. В трех лагерях из них создавались 2 пехотные бригады, 3 конные дивизии, артиллерийские и специальные части по довоенным штатным расписаниям, довоенным уставам и учебным программам. Это была гвардия Дона, задел на будущее, основа надежной кадровой армии. Создавался свой флот. Пассажирские пароходы оборудовались пулеметами и пушками на платформах. За лето состав флота дошел до 5 речных и 3 морских судов. Для подготовки личного состава моряков в Таганроге был устроен береговой батальон.

Возобновлялась подготовка будущих офицеров. В казачьей столице вновь открылось Новочеркасское военное училище с пехотным, кавалерийским, артиллерийским и инженерным отделениями, Донская офицерская школа, авиационная школа, военно-фельдшерские курсы и Донской кадетский корпус с отделением для малолетних сирот. Печатались уставы и наставления Российской армии, делались попытки их дополнения и исправления с учетом опыта мировой войны.

Для снабжения армии была организована суконная фабрика, военно-ремесленные школы. Русско-Балтийский завод в Таганроге переводился на выпуск собственных боеприпасов. Атаман вел переговоры об устройстве собственного порохового завода и других фабрик с привлечением немцев и крупных московских предпринимателей. От немцев за полтора месяца получили около 12 тыс. винтовок, 46 орудий, 88 пулеметов, свыше 100 тыс. снарядов и 11 млн. патронов. Что ни говори, в безделье и неорганизованности атамана никак нельзя было упрекнуть. И Всевеликое Войско Донское с каждым днем набирало силу.

24. Загадки шестого июля

Если осенью 17-го коммунисты были еще не в состоянии удержаться одни у руля государства, и вынуждены были поделиться властью с другими левыми, то в дальнейшем их шаги к установлению однопартийного режима прослеживаются очень четко. Запрет кадетов. Разгон Учредительного Собрания. Разгром анархистов. А когда от чехословацкой «искры» полыхнуло восстание от Самары до Омска, то даже это оказалось подходящим предложением для продолжения этой политики. Сославшись на то, что в ряде городов выступления возглавили эсеры с меньшевиками, 15 июня большевики протащили постановление ВЦИК об исключении из состава ВЦИК этих партий. Протащили при активной поддержке левых эсеров! Невольно обращает внимание, что все социалистические партии, будто загипнотизированные, помогали громить своих коллег, пока не наступала их собственная очередь!

У руля государства остались всего две партии. Но очень ненадолго. События лево-эсеровского мятежа в Москве представляют любопытную детективную историю. Давайте попробуем разобраться в ней сами, просто выстроив в цепочку известные факты.

Германский посол Мирбах принадлежал к крылу политиков, считавших, что большевиков пора свергнуть. Они, мол, сыграли свою роль, заключив Брестский мир, а теперь их соседство с зонами германских интересов способно нанести больше вреда, чем пользы.

В мае представитель французской миссии Ж Садуль предупредил лично Дзержинского, что, по данным Генштаба Франции, готовится провокация: покушение на германского посла, после чего немцы потребуют ввести в Москву для охраны посольства свой батальон; он будет состоять из офицеров и унтер-офицеров и, за счет рядовых, военнопленных, легко может быть развернут в дивизию. Дзержинский на предупреждение не отреагировал.

У левых эсеров были серьезные противоречия с большевиками, главным образом по крестьянскому вопросу. Ведь они выступали как партия крестьянства, а большевики с конца весны начали готовить удар по деревне. Тем не менее, до июля противоречия не доходили до открытых конфликтов. Наоборот, лидер левых эсеров М. Спиридонова сказала на II съезде своей партии: «Порвать с большевиками – значит порвать с революцией».

4 июля в Большом театре открылся 5-й съезд Советов. Противоречия сразу всплыли: подготовка большевиков к продрозверстке, Брестский мир, правомочность смертной казни. Карелин потребовал переизбрать мандатную комиссию на паритетных началах и проверить представительство, т. к коммунисты, по его подсчетам, протащили на съезд больше делегатов, чем имели на это право (773 из 1164). Выступление Ленина носило откровенно оскорбительный характер – «они были не с нами, а против нас», «шли в комнату, а попали в другую», «скатертью дорожка». Партию левых эсеров он назвал окончательно погибшей, провокаторами, единомышленниками Керенского и Савинкова. Однозначно резанул: «Предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, а я отвечаю нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв».

6 июля сотрудниками ВЧК Блюмкиным и Андреевым был убит германский посол Мирбах. Чтобы встретиться с ним, они предъявили документы за подписью Дзержинского с печатью ВЧК, хранившейся у его заместителя, левого эсера Александровича. Когда лейтенант Мюллер из состава посольства стал стрелять из револьвера, убийцы бежали, забыв документы.

Извещенный об убийстве, в посольство приехал Дзержинский вести расследование. Он объявил свою подпись поддельной и забрал документы в качестве «вещественного доказательства». После чего сказал Карахану из Наркомата иностранных дел, что восстал полк ВЧК. Откуда он это узнал, непонятно – Свердлову сообщили на съезд гораздо позже, после захвата мятежниками Лубянки. Неизвестно почему, Дзержинский заявил, что убийца Блюм-

кин наверняка прячется в восставшем полку – и уехал его арестовывать. В сопровождении всего трех чекистов!

Там его арестовали. Вместе с ним в Покровских казармах оказались Лацис и Смидович.

Полк ВЧК под командованием Попова восстал довольно странно. К нему присоединилась часть полка им. Первого Марта, силы составляли 1800 штыков, 80 сабель, 4 броневика и 8 орудий. У большевиков в Москве было 720 штыков, 4 броневика и 12 орудий. Но, вместо того чтобы атаковать и одержать победу, пользуясь внезапностью и почти троекратным перевесом, полк пассивно «бунтовал» в казармах. Все действия свелись к захвату небольшими группами здания ВЧК и телеграфа, откуда по всей стране разослали обращение, объявляющее левых эсеров правящей партией. Но никаких призывов свергать большевиков на местах или прийти на помощь восставшим – только лишь не принимать распоряжений за подписью Ленина и Троцкого.

Вместо того чтобы возглавить восстание, все руководство левых эсеров почему-то спокойно отправилось на съезд. И дало себя поймать в элементарную ловушку. Большевики объявили заседание по фракциям, левые эсеры – в фойе, а сами в зале, потом тайно, через оркестровую яму, покинули Большой театр, сменили эсеровскую часть охраны своей – и 353 делегата, в том числе весь ЦК левоэсеровской партии, оказались заложниками. Мятежникам пообещали, что в случае артобстрела Кремля или иных подобных действий заложников расстреляют.

Пока восставший полк сидел в казармах, из подмосковных летних лагерей подошли латыши, за ночь вооружили рабочие отряды, обложили кольцом, а наутро открыли по мятежникам огонь из пушек. Хотя и у тех вроде были заложники во главе с Дзержинским. Повстанцы бежали в сторону Курского вокзала, там их встретили заслоны. Они повернули на Владимирское шоссе. Часть перебили, часть захватили. Ленин писал: «арестованных много сотен человек».

9 июля съезд Советов, уже состоящий из одних большевиков, единогласно принял решение об изгнании из Советов левых эсеров. Кроме того, приняли решения о продразверстке, о создании в деревнях комитетов бедноты с большими полномочиями (потому что большинство сельских советов были избраны из самых толковых, хозяйственных крестьян и никак не могли быть опорой коммунистам). А 10 июля принимается конституция РСФСР. Тоталитарное правление в России началось!

А вот еще интересные факты.

Вручая командиру латышских стрелков Вацетису награду в 10 тыс. руб. за подавление мятежа, Троцкий обмолвился, что тот прекрасно действовал как солдат, но своим усердием сорвал какую-то важную политическую комбинацию.

Дзержинский после подавления мятежа подал в отставку. Временно его обязанности исполнял Петерс.

Хотя в ходе разгрома мятежников многих перебили и расстреляли, руководство партии левых эсеров получило очень мягкие приговоры – от нескольких месяцев до трех лет, да и то скоро амнистировали (а за недосдачу хлеба давали 10 лет!). Но один из видных эсеровских деятелей все-таки был расстрелян. Товарищ председателя ВЧК Александрович.

А вот убийца Мирбаха Блюмкин не был даже арестован! И продолжал служить в ЧК! Его лишь временно откомандировали на юг. Специализировался на особо важных операциях ВЧК и ОГПУ в Бурятии, Монголии, Одессе. Активно участвовал в провокации по заманиванию в Россию и поимке Савинкова в 24-м, в заграничных террористических акциях. И служил до 1930 г., когда погорел на нелегальных связях с Троцким, за что и был расстрелян.

После гражданской войны все оппозиционные партии «разоблачались» и добивались на публичных процессах, правые эсеры в 1922 г., меньшевики в 1930 г. Левые эсеры процесса не удостоились – их без шума извели в лагерях и перестреляли в тюрьмах.

Не знаю, как у вас, а у меня из совокупности приведенных фактов напрашивается единственный вывод – что весь левоэсеровский мятеж был просто-напросто грандиозной провокацией. Только таким образом эти факты увязываются воедино – и Дзержинский, едущий в Покровские казармы, и пассивно бунтующий полк, и поведение левоэсеровского руководства, и непосвященный Вацетис, завершивший все одним ударом, и живой Блюмкин, и расстрелянный Александрович, который слишком много знал. Кого-то втянули втемную, кто-то примкнул по идейным соображениям, считая, что борется за левых эсеров, кого-то обманули лидеры... Но поднять целый полк чекистов, и чтобы среди них не нашлось ни одного стукача?... В общем, партию опоганили убийством посла и мятежом, чтобы лишить народной поддержки и раздавить на «законном» основании.

Что касается «важных политических комбинаций», тут остается только гадать. Самым вероятным представляется версия, что коммунисты хотели показать немцам непрочность Брестского мира и получить от них прямую военную помощь. Тот самый волшебный батальон, легко превращаемый в полнокровную дивизию. В июле-августе большевики действительно сообщали в Берлин, что готовы принять в Москве немецкую часть. Только, мол, надо бы переодеть ее в красноармейскую форму или в штатское. Согласитесь, когда восстали Сибирь, Дон, Урал, Кубань, когда чехословаки с белогвардейцами шли по Волге на север, иметь в столице германскую дивизию было бы не лишним. Но в июле-августе грянула «вторая Марна», в которой Германия понесла тяжелое поражение, похоронившее ее последние шансы на успех. И немцам стало не до игрушек с Москвой.

25. Борис Викторович Савинков

Это был человек действия. Умный, жестокий, смелый, выкованный подпольем и жизнью террориста. Патриот – но искренне считающий, что цель оправдывает средства. Привыкший без колебаний ради этой цели обрекать на смерть врагов и посылать на смерть друзей. Впрочем, и сам постоянно рисковавший жизнью. Он родился в Харькове в 1879 г. Отец – судья, уволенный за революционные убеждения, мать неоднократно арестовывали, брата сослали в Сибирь. Савинков учился в Варшаве, потом в Петербурге, был исключен за студенческие беспорядки и завершал образование в Германии. В России работал с социал-демократами, был арестован и выслан в Вологду. Оттуда бежал в Швейцарию, где вступил в боевую организацию эсеров. Нелегально вернувшись на родину, принял участие в убийствах министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича, в покушениях на Николая II, Дубасова, Дурново, Столыпина, Чухнина. В 1906 году был арестован в Севастополе, приговорен к смерти, но бежал, завербовав в свою организацию разводящего караула.

Был талантливым литератором. Под псевдонимом «В. Ропшин» опубликовал несколько повестей и романов, сотрудничал во многих русских и зарубежных изданиях. С 1911 г. в эмиграции. В мировую войну служил военным корреспондентом во Франции. После революции вернулся в Россию. Был комиссаром 7-й армии Юго-Западного фронта, управляющим военным и морским министерством. Поддерживал начинания Корнилова, но в дни «корниловского мятежа» остался на стороне Временного правительства в качестве генерал-губернатора Петрограда. Тем не менее, за сочувствие «корниловской программе» был уволен в отставку и исключен из эсеровской партии.

Савинков был одиночкой. Монархисты ненавидели его за прошлое, социалисты за связь с «корниловщиной», а офицеры – за ненадежность этой связи. В ноябре 17-го он приехал на Дон. Корнилов, Каледин и Алексеев заключили с ним соглашение о взаимодействии. Не из симпатий к нему. Просто решили, что такого человека лучше иметь союзником, чем врагом. Вернувшись с Дона в Москву, Савинков сумел достать денег в чехословацкой и французской миссиях и начал создавать «Народный союз защиты родины и свободы», беспартийную организацию, объединяющую всех, готовых с оружием выступить против большевиков. Основами программы союза были Отечество, гражданские свободы, земля – народу, а власть – Учредительному Собранию.

Главкомандующим Северной Добровольческой армией, формируемой на базе Союза, заочно считался Алексеев, начальником штаба стал полковник Перхуров. К маю у Савинкова насчитывалось около 5 тыс. человек – офицеры, студенты, интеллигенция. Только благодаря его опыту и идеальной системе конспирации (каждый знал лишь свою пятерку и непосредственного начальника) огромная организация смогла несколько месяцев существовать под носом ВЧК. Хотя сам факт нахождения Савинкова в Москве вызывал вполне однозначные эмоции у большевистских вождей, и охота за ним велась непрерывно.

Первоначально планировалось восстание в Москве в первых числах июня. Оно имело все шансы на успех. Но после тщательного анализа Савинков отверг этот вариант, хотя и не сомневался в победе. Город оказался бы в кольце, а запасов продовольствия в столице не было. Миллионное население обрекалось на голод. Поэтому был разработан другой план – начать борьбу в городах Поволжья, облегающих Москву с севера – Рыбинске, Ярославле, Муроме, Костроме и Казани. И, опираясь на них, наступать на Москву, соединившись по Волге с чехословаками и самарскими белогвардейцами. Операция переносилась на месяц. Отряды офицеров начали конспиративно перемещаться в Поволжье.

Несмотря на все меры предосторожности, чекисты все же вышли на след организации. 29.05–30.05 в Москве был схвачен штаб резервного полка капитана Аваева, прокатились

многочисленные аресты. В июне была разгромлена казанская организация. Все же Союз сохранил основные силы, в поволжских городах в него вступали новые члены, и началось... В ночь с 5 на 6 июля под руководством Перхурова восстал Ярославль. Выступление небольшой группы белогвардейцев сразу охватило весь город. Население принялось громить большевистские учреждения. Убивали ненавистных комиссаров, не успевших сбежать. Впрочем, Перхуров очень быстро начал работу по восстановлению законности и правопорядка. Первым же «Постановлением главноначальствующего» от 6.07.18 восстанавливались органы власти дооктябрьского периода, земское и городское самоуправление, отменялись законодательные акты советской власти, восстанавливались суды, избранные до октябрьского переворота, прокурорский надзор и все органы судопроизводства, обязанные руководствоваться прежним сводом российских законов.

Серьезной ошибкой Савинкова было то, что восстания в разных городах произошли не одновременно. Организационная нестыковка? Или он считал, что Ярославль оттянет на себя красные силы из соседних регионов? Перхуров, начав неожиданно для большевиков, быстро победил, а в остальных городах враг оказался начеку и изготовился к бою. Он и дополнительно был уже мобилизован событиями в Москве 6 июля – ни малейшего отношения к его организации не имевшими!

7 июля офицерский отряд полковника Бреде под личным руководством Савинкова штурмовал в Рыбинске артиллерийские склады, где хранилось больше 200 новых пушек, огромное количество боеприпасов. Штурм был отбит, а отряд разгромлен. 8-го отряды Новичкова и Сахарова начали восстание в Муроме, где размещались большевистская Ставка и Высший военный совет. Бои шли сутки – и тоже кончились победой красных. Удалось добиться временного успеха в Ростове, но это уже не имело никакого значения.

Ошибся Савинков и в расчетах на поддержку крестьянства. Советская власть еще не успела крестьянину насолить. Продразверстки и продотрядов еще не было, северные нехлебобородные губернии еще не грабили. К тому же здесь раньше была область помещичьего земледелия, и крестьяне традиционно, со времен крепостного права, ненавидели «барина». Повстанцы Ярославля оказались в изоляции. Уже 7.07 подошли красные войска с артиллерией. Началась осада. С каждым днем подтягивались новые силы – латыши из Москвы, матросы из Питера, рабочие отряды из столиц, Иваново-Вознесенска и Шуи. Посылались регулярные части с Восточного фронта. Наконец, из Рыбинска было подвезено огромное количество артиллерии, которую не сумел захватить Савинков. Открылась адская бомбардировка Ярославля.

Нельзя не признать исключительного мужества бойцов Северной Добровольческой армии. Она ведь состояла не из боевых отборных офицеров, как у Корнилова. И не из вояк с детства, как казаки. Сражалось обычное городское население – гимназисты, служащие, приказчики, мастеровые, торговцы. Обычные городские жители больше двух недель в огненном аду отбивали атаки многократно превосходящего врага, удерживали пылающий, круглосуточно засыпаемый снарядами Ярославль. обороной руководили генералы Афанасьев, Веревкин, Карпов, полковник Томашевский. В осажденном городе действовало и гражданское правительство из городского головы Лопатина, меньшевиков Машковского и Абрамова, кадета Кижнера, эсера Мамырина и земца Черносвитова. Во второй половине июля стало ясно, что Ярославль обречен. Красные ворвались на улицы. Бои шли на баррикадах. Повстанцы, не только офицеры, но и гражданские, поголовно уничтожались. А чехословаки и белогвардейцы были слишком далеко... Кому удавалось, бежали из города. Остальные дрались до конца с героизмом обреченных. Горстка штатских «эсеров» несколько дней обороняла храм Николы Мокрого. Отряд во главе с генералом Карповым попытался спастись, сдавшись находившейся в городе германской комиссии по делам пленных и сделавшись юридически военнопленными Германии. Их попросту отняли у немцев и перебили.

21 июля Ярославль пал. Но еще до 24-го подавляли последние очаги сопротивления, вылавливали и убивали повстанцев по развалинам, подвалам и окрестным лесам. Некоторые попались живыми в руки ВЧК. Как раз к Ярославскому восстанию относятся первые сведения о чекистских пытках, о страшной «пробковой камере» – герметично закрытой и медленно нагреваемой. Когда кровь начинает идти изо всех пор тела... Спасти удалось немногим, в том числе Перхурову и Афанасьеву. Бежал в Казань и Савинков. Он взял в руки винтовку и вступил рядовым добровольцем в отряды Каппеля.

26. Медвежий угол

Новые фронты гражданской войны множились, как грибы после дождя. И везде были чисто свои, характерные особенности. Например, если Туркестан считался медвежьим углом России, то Семиречье (Киргизстан и юго-восток Казахстана) считалось медвежьим углом Туркестана. Тут еще и в 1918 году сохранялось многовластие – комиссары несуществующего Временного правительства, атаман Семиреченского Казачьего Войска ген. Щербачев, казачий, крестьянский и киргизский совдепы. И вполне уживались между собой. Делить здешним жителям вроде было нечего. Крестьяне тут были переселенцами, получали столько земли, сколько могли обработать. К началу гражданской они имели хорошие дома, огромные стада, сами вели торговлю с русскими и китайскими купцами. Фурманов возмущенно писал, что царское правительство преступно превратило крестьян в «сплошную кулацкую массу». Каждое хозяйство напоминало неплохое поместье. Правда, враждовали с киргизами (так тогда называли и казахов).

Накануне, в 1916 г., киргизов решили брать в армию на тыловые работы – в тогдашние стройбаты. До того не брали. Киргизы восстали, начали резать русских. Тогда правительство вооружило крестьян, и резня пошла в обратном порядке. Причем, если казачьи части, усмиряя восстание, действовали умеренно, в рамках службы, то крестьянские отряды отличались крайней жестокостью. Разгром ими кишлаков сопровождался надругательствами, садистским истреблением населения без различия пола и возраста. Около 60 тыс. киргизов бежали в Китай, остальные присмирели. Ситуация сложилась парадоксальная. В самых лучших условиях тут оказались не казаки, а «иногородние», которые тоже были вооружены, но не были обязаны на свой счет покупать коней, обмундирование, нести службу. В отличие от казаков, получавших земельный пай от войска, крестьяне при желании могли прихватить землю и скот у киргизов, чем и пользовались в революционной неразберихе.

Сосуществование нарушили извне. Ташкент наконец-то вспомнил про Семиречье и забил депеши, что, если не свергнут старую власть, будет послана карательная экспедиция, а расходы возложат на местных жителей. Что ж, свергли – фронтовики во главе с Берсеневым и Павловым. Объявили власть рабоче-крестьянскую. А поскольку рабочих тут и в помине не было, значит – крестьянскую. Тех, кто и без того жил лучше всех. Власть своя, поэтому летом попытались все хлебные заготовки свалить на казаков. Те воспротивились. Совдеп послал к ним уполномоченных. Их арестовали. Послали отряд с артиллерией. Пьяные усмирители подошли к станице Талгарской и открыли огонь. У них попросили время на размышление, собрали окрестных казаков и разгромили отряд. Станицы Талгарская, Иссыкская, Кескелен, Большая и Малая Алматинские восстали и обложили г. Верный (Алма-Ату). Но на приступы не лезли, и жестокости в войне еще не было. Столько времени мирно рядом жили! Больше было соперничества, чем злобы, больше удалью мерились, чем воевали. Но тут из Ташкента подошел отряд Мураева в 600 штыков. И начал расстреливать, занимая станицы. И пошло... смерть за смерть, погромы, грабежи.

Казаки осадили г. Джаркент и взяли его, держались в Лепсинском и Копальском уездах. Крестьяне открыли боевые действия не только против казаков, но и против давних врагов – безоружных киргизов, дунган, таранчинцев. Кишлаки и слободы коренного населения уничтожали до основания. Фронтальная зона легла вблизи Верного и Пржевальска. Красные отряды Мамонтова, Мураева и Павлова пошли на Джаркент. Общими усилиями казаков выбили. Они отошли в Кульджу – в Китай, где были взяты под опеку и поддержаны материально российским консулом. А красные войска огнем и мечом покатались по Лепсинскому и Копальскому уездам. Тысячи казаков бежали в Китай, коренное население истреблялось. Естественно, и киргизы, и дунгане, и таранчинцы метнулись к белым.

Все здешние красные части Мамонтова, Иванова, Петренко, Калашникова были, по сути, распоясавшимися, никому не желающими подчиняться бандами. Грабили, пьянствовали, резали безоружных. В Верном пьяные мамонтовцы взяли прямо из храма архиерея и расстреляли за городом. Даже в 1920 г. коммунист Фурманов в докладе РВС Туркфронта так характеризует здешнюю Красную армию: «Войска Семиречья, состоя из местных жителей, середняков и казаков, представляют собой весьма трусливую банду, зарекомендовавшую себя в боях чрезвычайно гнусно. Красная армия Семиречья представляет собой не защитницу Советской власти, а угрозу мусульманству и отчасти казачеству».

Еще один фронт стал намечаться на юге Узбекистана. После разгрома «кокандской автономии» вокруг ее лидера Иргаша начали формироваться силы местных националистов и мусульман. Зародилось басмаческое движение, быстро охватившее горные районы и перекинувшееся в Ферганскую долину.

В «цивилизованной» части Туркестана тоже было неспокойно. В оппозицию к большевикам встали рабочие. Их в республике насчитывалось всего 60 тысяч. В основном железнодорожники, строители, квалифицированные мастеровые. Зарабатывали они тут очень прилично, жили хорошо и на роль опоры для коммунистов никак не подходили. Наоборот, национализация промышленности, всеобщий развал и бесхозяйственность властей серьезно били по ним, лишали заработка. Бардак дошел до того, что здесь, в богатейшем краю, начался голод! Люди получали по 100 г немолотого зерна и 50 г риса в сутки. После взятия Дутовым Оренбурга большевики объявили об учете мужчин от 18 до 35 лет. Началось брожение, митинги. 17.06 серьезные волнения произошли в Асхабаде. Когда же грянула мобилизация на дутовский фронт, рабочие Закаспийской области (нынешняя Туркмения) идти в армию отказались. Заявили: большевикам надо, вот пусть и воюют. Военком Асхабада пытался пустить на рабочих войска. Его избили, солдат разоружали. Начальник гарнизона приказал стрелять в народ. Тогда рабочие сами взяли за оружие, осадили ревком и вызвали подмогу из других городов. На следующий день прикатили два эшелона рабочих из Кизыл-Арвата, эшелон из Красноводска. На ревком навели пушки, и он сдался. Совдеп распустили и переизбрали заново.

Для подавления восстания Ташкентский Совнарком послал карателей – отряд «интернационалистов» из венгерских пленных с артиллерией под командованием Фролова. Он вступил в Асхабад в конном строю с плакатами «Смерть саботажникам». Фролов арестовал и отправил в Ташкент управление железной дороги, насильственно переизбрал Совдеп, объявил осадное положение и сдачу оружия. Пыткой для всего города стал объявленный им комендантский час. После 22 часов выходить из домов запрещалось – это в Асхабаде в июльскую жару, когда жизнь в городе начиналась с заходом солнца, а жители спали вне раскаленных зданий, в садах и на крышах. Сам Фролов с женой-комиссаршей разъезжали на автомобиле с горящими фарами и карали нарушителей.

Изъяв в усмиренном Асхабаде 2 пулемета и 4 бомбомета, Фролов пошел на Кизыл-Арват. Там его уже встретили обороной. Он приказал выдать водки своим венграм и атаковал город. Бой был коротким, погибли 1 каратель и 4 рабочих. Фролов опять переизбрал местный совдеп, забрал орудия и винтовки из арсенала и собрался двигаться на Красноводск. Но 12.07 у него в тылу восстал Асхабад. Возглавил рабочих паровозный машинист Фунтиков. В тыл Фролову послали вооруженный эшелон. Навстречу вышла дружина из Красноводска. Каратели были разбиты, частично пленены, частично перебиты – в том числе сам Фролов с женой. Стачком избрал правительство во главе с Фунтиковым.

Восстание покатило по Закаспийской области. К рабочим стали примыкать туркменские племена. Посланный для наведения порядка комиссар Туркестанского СНК Полторацкий сумел доехать только до Мерва (Мары). Узнав о приближении восставших, попытался вывезти ценности местного банка, но рабочие Мерва не дали этого сделать. Отцепили от

эшелона паровоз, а когда ценности перегрузили на телеги, подпилили оси. Сам Полторацкий был арестован повстанцами и расстрелян. Надо заметить, что в отличие от белоофицерских и белодемократических правительств рабочие не затрудняли себя формальностями судопроизводства. Действовали по-простому, по-рабочему. Вслед за Полторацким, тоже без суда, расстреляли 9 комиссаров Закаспийской области. Точно так же, как эти комиссары без суда расстреливали казачьих офицеров, возвращавшихся с фронта.

К 20 июля вся Закаспийская область оказалась в руках восставших. Ташкент стал собирать против нее войска. Видя превосходство большевиков в силе, правительство Фунтикова обратилось за помощью к англичанам, находившимся рядом – в Персии. Те немедленно перебросили в Туркмению 19-й Пенджабский батальон, подразделения Хэмпширского полка, 44-ю полевую батарею. Образовался еще один фронт...

27. Закавказская резня

В Закавказье, собственно, не было красных и белых, а гражданская война здесь сразу приобрела межнациональный характер. Почти одновременно образовались несколько властей. После падения Временного правительства бразды руководства принял Закавказский сейм из представителей грузинских, армянских, мусульманских и русских партий, заседавший в Тифлисе. Большевики послали в этот регион Шаумяна, назначенного «верховным комиссаром Закавказья». Он осел в Баку, создал там свой Совнарком («бакинские комиссары»), но до поры до времени активно проявить себя не мог – в Бакинском совете большинство составляли эсеры и мусульмане. И Шаумян имел возможность проводить какую-то свою политику, лишь играя на самостийных настроениях Баксовета, не желавшего подчиняться Тифлису.

Между тем Турция обхитрила Закавказский сейм как детей – запросила, признает ли Закавказская республика себя частью России? Если да, то согласно Брестскому договору должна отдать Карс, Ардаган, Трапезунд и Батум (входившие тогда в русские границы). Сейм сначала попытался уклониться от «позорного мира». Но турки двинули войска и беспрепятственно заняли Батум. Сейм, посовещавшись, 22.04 объявил Закавказскую республику независимой, ничем не связанной с Россией, а значит, не обязанной выполнять условия Бреста. Туркам только этого и надо было. Они немедленно предъявили новому государству гораздо более тяжелые требования – отдать половину Эриванской, Тифлисской и Кутаисской губерний. И пошли на Тифлис, Эриван и Джульфу. Защищаться было некому, кроме армянских и грузинских партизанских дружин да малочисленного отряда русских добровольцев полковника Ефремова. Мусульманская часть сейма и его войск явно склонялись к туркам. Над грузинами и армянами нависла угроза резни.

Тогда грузинская фракция обратилась за помощью к Германии. Для немцев Кавказ представлял несомненный интерес. Людендорф писал: «Для нас протекторат над Грузией был средством... получить доступ к кавказскому сырью. Мы не могли довериться в этом отношении Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами».

Заручившись поддержкой резидента в Константинополе генерала фон Лоссова, Жордания и Церетели 13 (26) мая провозгласили Грузинскую республику. Сейм развалился. Вместо одной Закавказской республики стало три – Грузия, Армения, Азербайджан. Германия цыкнула на турок, «арендовала» у грузин порт Потти на 60 лет и перебросила сюда несколько рот своих солдат – просто для присутствия.

На другом фланге Кавказа тоже происходили важные события. В Дагестане имам Гоцинский объявил себя потомком Шамиля и вместе с пророком Узун-Хаджи объявил джихад, священную войну против неверных. Собрав огромную армию горцев, он занял Темирхан-Шуру (Буйнакск), а 23 марта вышиб красных из Петровска (Махачкала) – часть бежала на пароходах в Астрахань, часть по железной дороге в Баку. Там в это время находился штаб и остатки Дикой дивизии. Они грузились на пароход «Эвелина», намереваясь отплыть на Северный Кавказ. И Совнарком под флагом «мусульманской угрозы» произвел переворот. Собрал красные части из Дагестана, жаждущие отомстить за свое поражение, привлек полк армянского ополчения Т. Амирова, возвращавшийся через Баку из Персии, сагитировал канонерки Каспийской флотилии с проэсеровскими экипажами, поднял на нефтепромыслах «красную гвардию», босяков, с энтузиазмом воспринявших возможность пограбить. Сначала напали на Дикую дивизию, кого побили, кого разоружили. Затем война пошла по мусульманским кварталам. Их бомбил аэроплан, обстреливала морская артиллерия. Началась резня татар (так тогда называли азербайджанцев).

На помощь единоверцам выступили с севера мюриды Гоцинского, с юга – бек Зиятханов. Зиятханова разгромили в Шемахе. По данным азербайджанского правительства, в Баку и Шемахе было уничтожено 10 тыс. татар. А Совнарком, опираясь на армянские дружины и люмпенов, обрел реальную власть и... смертельных врагов в лице турок и азербайджанцев.

Он повел наступление на север, нанес поражение Гоцинскому и занял Петровск Через день туда подошли военные корабли с десантом из Астрахани. Имам бросил на Петровск под знаменем джихада десятки тысяч горцев. С одними саблями и кинжалами они шли сплошной массой, чтобы истребить неверных или умереть в бою. Умерли. Их встретили плотным пулеметным огнем, залпами корабельной и полевой артиллерии. Огромное пространство оказалось покрыто трупами. Джихад захлебнулся. Гоцинский ушел в горы, красные заняли Темирхан-Шуру.

Между Черным и Каспийским морями разворачивалась резня и неразбериха. Банды Зиятханова и других татарских беков вторглись в Мугань, населенную русскими крестьянами. Разгромили 50 селений, 30 тыс. чел. бежали в Баку и Россию. Но южная часть Мугани сумела организовать, создала армию в 1000 чел. при 2 пушках под командованием полковника Ильяшевича. Они разбили наседавшие отряды, в свою очередь уничтожили 20 татарских селений, а потом мирно зажили самостоятельной Ленкоранской республикой, просуществовавшей целый год. Иррегулярные, стихийные татарские формирования ринулись в заселенный армянами Карабах. И здесь пошла война. В Шушинском и Зангезурском уездах образовалась независимая армянская республика, границы которой держал партизанский отряд Андраника. В Нахичевани возникла Аракская республика, созданная татарскими ханами, поголовно резавшими армян и озлобленными на Россию, когда-то лишившую их феодальных прав.

В Гяндже расположилось центральное правительство Азербайджана, опиравшееся на либеральную партию «Мусават» («Равенство») с сильным пантюркистским уклоном. Но власть правительства была скорее идейной. Созданные еще при Керенском мусульманские формирования с русскими офицерами разваливались из-за непривычки татар к дисциплине и регулярной службе. Поэтому правительство вынуждено было опираться на местные банды и отряды беков.

Хуже всего пришлось Армении. Партизанские дружины общей численностью 10–15 тыс. чел. и германские роты остановили турок в 6 км от Эривани. Территория республики составила небольшой район бесплодных гор с 14 км железных дорог и 600 тыс. беженцев. Со всех сторон враги. С запада – турки, с юга – курды, с юго-востока – Аракская республика, с востока – Азербайджан, с севера грузины, которые даже не пропускали продовольствия через границу голодающей Армении. «Братья-грузины» быстро заняли войсками все спорные территории и заявили, что «армяне не могут составить сколько-нибудь жизнеспособного государства, и им выгодно усилить Грузию, чтобы было на Кавказе сильное христианское государство, которое при поддержке немцев будет защищать и себя, и армян».

Грузия проявила себя весьма агрессивно. Сначала возникли отряды Народной гвардии под руководством Джунгелия численностью около 10 тыс. чел. Они мало чем отличались от красногвардейцев, кроме национального шовинизма. Первыми действиями Грузии стало округление своих границ за счет «меньшинств» – осетин, лезгин, аджарцев, татар, армян (эти меньшинства составляли более 50 % населения республики). В апреле большевики вторглись в Абхазию. Местный Национальный совет обратился за помощью к Грузии. Начались бои Народной гвардии с красными. Они шли с переменным успехом, пока в Грузии при помощи германских инструкторов не начала формироваться регулярная армия. Первые же ее части генерала Мазниева опрокинули большевиков и выгнали из Абхазии. По просьбам крестьян Черноморской губернии они продолжали наступление и очистили от красных побережье вплоть до Туапсе. Но повели себя освободители не очень благородно. Разогнали

Национальный совет Абхазии, арестовали его членов и посадили своего «чрезвычайного комиссара». В Сочинском округе, который присоединить к Грузии не надеялись, пограбили все государственное имущество – вывезли рельсы Туапсинской дороги, больничное оборудование, инвентарь Гагринской климатической станции, племенной скот...

Русским в каждой местности жилось по-разному. Лучше всего к ним относились в Армении. Тут были рады любым специалистам, особенно офицерам. Искали связей с любой, красной или белой Россией, способной защитить армян. Азербайджанское правительство, несмотря на яркий пантюркизм, относилось к русским терпимо. Бедная культурными силами республика охотно принимала их на службу. В Грузии наоборот. Бывшие российские социал-демократы, лидеры революции Церетели, Чхеидзе, Жордания посеяли ненависть ко всему русскому. Десятки тысяч человек остались без работы. Лишение избирательных прав, аресты, выселения, принудительное подданство. Даже московские большевики подумали об этих людях, послав в Тифлис 30 млн. руб. «на ликвидацию государственных служащих». Служащие не получили из этих денег ни шута, им выдавали квитанции «на получение денег из кредита Российского государства» и выгоняли в порты Черного моря или по Военно-Грузинской дороге.

Между азербайджанским правительством хана Хойского в Гяндже и Совнаркомом Закавказья в Баку, конечно же, развернулась война. Мусаватисты попробовали наступать на Баку, но фронт замер у станции Кюрдамир, примерно посередине между этими городами. Разбегались татары – им не хотелось лезть на штыки. Разбегались босяки-красногвардейцы – им не хотелось быть вырезанными. Списочный состав бакинской армии достигал 60 тыс. чел, а фактически в строю было несколько сот – остальные дезертировали или перешли к противнику. За азербайджанцев воевали неуправляемые банды и отряды беков. За бакинцев армянские дружины. Попытки решительных действий проваливались. Например, подошел на фронт свежий отряд матросов, начал наступать. Но под Геокчаем встретил санитарный поезд. Моряки перепились с сестрами милосердия и в одну ночь были вырезаны.

Равновесие нарушилось, когда прибыли турецкие войска Нури-паши. Всего-то 6 тыс., но они стали ядром, вокруг которого стали группироваться местные мусульманские силы. Фронт бакинских комиссаров затрещал. Союзники нашлись и у них, но слишком далеко. И этими союзниками были немцы! Людендорф писал, что «Германия очень интересовалась бакинскими нефтепромыслами, которые соединены нефтепроводом с Батумом».

Он снял с Балканского фронта бригаду кавалерии, 6 батальонов пехоты и перебрасывал их в Потти для похода на Баку. Старались помочь московские большевики, слали подкрепления, и... взывали к немцам. Ленин обещал Германии свободный доступ к бакинской нефти, если та поможет заключить перемирие с Турцией. Но для Германии уже начинались тяжелые времена, а Великая Порта уже разваливалась на части, поэтому Нури-паша чихал не только на Берлин, но и на Стамбул. Он чувствовал себя хозяином в новоявленном государстве и с некоторых пор даже донесения начал отправлять не в Турцию, а в Гянджу.

В Баку сложилась критическая ситуация. Начался голод. Вместо хлеба выдавали орехи. Подвоза продовольствия из России не было, а окрестные жители татары ничего не хотели давать «армянскому правительству». Ведь в составе бакинских комиссаров было только двое мусульман, Азизбеков и Везиров, а большинство – армяне: Шаумян, Корганов, Каринян, Саакян, Тер-Габриелян, Микоян, Авакян. Да и к власти пришел Совнарком в ходе антимусульманской кампании.

Совнарком проводил большевистскую линию: ЧК расстреливала на месте заподозренных. Налагались контрибуции на промышленников (например, 50 млн. руб. на Красную армию), неплательщиков бросали в тюрьмы... Но авторитет комиссаров падал с каждым днем. Два наркома, левые эсеры Киреев и Покровский, даже попытались сбежать. Их поймали и расстреляли за дезертирство. В Бакинском Совете коммунисты составляли мень-

шинство. Разделаться с другими партиями, как московские коллеги, они не могли: с собственными военными частями было слабовато. Каспийская флотилия поддерживала эсеров. Дружины дашнаков Амирова и Амазаспа защищали не коммунизм, а армянское население, сбежавшее сюда от резни со всего Азербайджана.

К большевикам попросился на службу войсковой старшина Бичерахов. С отрядом казаков он воевал в Персии на службе у англичан, а сотрудничество с бакинскими комиссарами рассматривал лишь как способ вернуться домой. Намерения большевиков тоже были далеко не честными – прикрыть с помощью Бичерахова фронт, постепенно распропагандировать его войска, а потом избавиться от него самого. Дождаться этого Бичерахов не стал. Впрочем, выступать против коммунистов он тоже не собирался. Прибыв в Баку с 2 тыс. казаков, он провел переговоры с властями, сразу смекнул, что они замышляют, и вместо фронта просто ушел на север, к горам Кавказа. У Дербента ему преградили путь превосходящие силы красных – Дагестанский полк Махача, Астраханский полк, Петровский интернациональный полк. Две недели продолжались бои. Но среди красных царил разброд, присланному из Астрахани командующему Круглову части подчиняться не желали, а отряд казаков был крепким, закаленным в боях и совместных странствиях по свету. Все скопление большевиков было разгромлено, и Бичерахов взял Дербент.

А в Баку из-за голода, угрозы турецкой резни уже даже рабочие нефтепромыслов требовали на митингах приглашения англичан. Какое-то время комиссары сдерживали напор обещаниями скорой помощи из Москвы. 19.07 она пришла. Но левый эсер Петров (покоритель Дона) привел всего 600 чел. и 6 орудий, 6 полков, следовавших с ним в Баку, Сталин отобрал и оставил в Царицыне, опасаясь наступления белоказаков (которые тогда еще штурмовать Царицын и не думали). 25.07 на расширенном заседании Баксовета 258 голосами против 236 было решено обратиться к англичанам.

30-го турецко-татарские войска начали штурм Баку, и тут же, на следующий день, Совнарком постановил сложить свои полномочия под предлогом, что обращение к англичанам противоречит Брестскому договору. Они сняли с фронта верные части и принялись грузиться на пароходы, намереваясь удрать в Астрахань. Эта попытка бегства вызвала взрыв негодования. Баксовет образовал новое правительство – Диктатуру Центрокаспия. Запросил помощи у Бичерахова. Арестовал Шаумяна и председателя ЧК Тер-Габриеляна, на готовые к отплытию пароходы навели пушки канонерок. В конце концов, завершили переговорами. Арестованных выпустили, войска Совнаркома вернулись на фронт, и штурм был отбит.

4.08 приехали англичане. Но в тот момент они не могли оказать существенной помощи! Например, в Энзели их гарнизон насчитывал всего 50 чел. Они остро нуждались в бензине, даже в свое время предлагали бакинским комиссарам в обмен на него автомобили, иначе их части были обречены на бездействие – Совнарком тогда отказал. Во время боев в Персии с Кучук-ханом они опять просили Совнарком о помощи и получили отказ. Им угрожал Афганистан, где 100 немецких инструкторов готовили для противобританских действий афганскую армию. Наконец, в июле британские войска отправились в Закаспийскую область. И в Баку смогли прибыть лишь несколько сот солдат. Тем не менее большевистская партконференция снова постановила снять войска с фронта и бросить в Баку. Опять погрузились на пароходы и попытались сбежать. Корабли Каспийской флотилии нагнали их у о. Жилого, вынудили вернуться. 15.08 бакинских комиссаров арестовали за дезертирство.

Без них город держался еще месяц. 11.09 по окончании следствия их постановили предать военно-полевому суду. Но было уже не до судов. Бои шли на окраинах. В суматохе комиссарам удалось покинуть тюрьму. Вместе с остатками дружины Амирова они на пароходе «Туркмен» оставили Баку. Сдача города обернулась морем крови. Межпартийная грызня, политические игры, принципы и позиции стоили жизни мирному населению. Капи-

таны бросили тонущий корабль первыми, а ответили за их художества другие. В эти дни мусульманами было вырезано в Баку свыше 30 тыс. армян.

А на пароходе «Туркмен» начались разногласия. Команда отказалась идти в большевистскую Астрахань, прослышав о тамошнем терроре Кирова. Капитан Подлит сообщил, что до Астрахани все равно не хватит топлива (за что вместе с членами команды в 1924 г. был расстрелян). Пошли в Красноводск. Здесь местной дружиной рабочего стачкома при поддержке английской батареи прибывшие были разоружены. Председатель стачкома Кун снесся с Диктатурой Центрокаспия, ушедшей в Дербент к Бичерахову. Сообщил, что предлагает возможным судить бывших комиссаров за дезертирство. Исполком Центрокаспия подтвердил свое решение от 11.09. Арестовали 37 человек. Рядовые бойцы репрессиям не подверглись. Дашнаков отправили в распоряжение Центрокаспия, желающих красноармейцев – в Астрахань.

Как уже отмечалось, рабочее правительство Закаспийской области «формальностями» себя не утруждало. Следствие ограничилось одной бумажкой, найденной у наркомвоена Корганова, – списка, где 25 фамилий были помечены крестиками. Список был составлен в бакинской тюрьме, где комиссары, чтобы организовать «общий котел» из передач, тщательно отбирали, кого принять в компанию, отделяли «своих» от «чужих», арестованных вместе с ними. Эти 25 крестиков стали основанием смертных приговоров, 26-м стал командир дашнакской дружины Амиров. Из-за такого «следствия» уцелел бакинский нарком А Микоян, зато попали под гребенку лица, далекие от руководства, – например, телохранители. Суда, по-рабочему, тоже не было. Закаспийское правительство приняло решение, и 26 приговоренных перебили, вывезя в пустыню. Но не как большевиков, а как дезертиров. Интересно, что расследование этого факта провели белогвардейцы в 19-м, они же довели до сведения мировой общественности, поставив бессудную экзекуцию в вину правительству недалекого паровозного машиниста Фунтикова.

Ну а Бичерахов, впитав остатки войск Центрокаспия, поддерживаемый Каспийской флотилией, завершил разгром красных в Дагестане и взял Петровск, основав «Кавказско-Каспийское правительство». Отступавшие в горы красные отряды были добиты мюридами Гоцинского. Но Бичерахов для имама вовсе был не союзником, а «неверным». Гоцинский начал воевать против него и нанес тяжелое поражение у горы Тарки-Тау. Бичерахов отошел на юг, в Дербент, а на территории Чечни и Дагестана возникла Горская республика во главе с П. Коцовым. Петровск переименовали в Шамилькала.

Ну и бутерброд там получился! Красная Астрахань. В степях – белые калмыки и казаки. Красный Грозный. Дальше – Горская республика. Южнее Кавказско-Каспийское правительство, связанное с англичанами. Еще южнее Азербайджан с турецкими войсками Нури-паши. И все друг с другом воюют!

28. Второй Кубанский поход

На Северном Кавказе шла грызня за власть. ЦИК Кубано-Черноморской советской республики обвинял главкома Автономова в диктаторских устремлениях, клеймил его и Сорокина «врагами народа и провокаторами». Автономов клеймил ЦИК «немецкими шпионами». Верх взял ЦИК. Автономова спихнули, а верховным главнокомандующим назначили бывшего подполковника латыша Калнина. Красные силы на Северном Кавказе насчитывали около 200 тыс. чел., из них больше половины на Кубани, сгруппированные в 3 армии. Северная под непосредственным командованием Калнина, Западная – Сорокина, обе по 30 тыс., и Таманская – Матвеева, 40 тыс.

В Добровольческой армии было 9 тыс. 23 июня она перешла в наступление. Политическая программа Деникина излагалась в «Декларации Добровольческой армии»:

- «1) Добровольческая армия борется за спасение России путем:
 - а) создания сильной, дисциплинированной и патриотической армии;
 - б) беспощадной борьбы с большевиками;
 - в) установления в стране единства и правового порядка.
- 2) Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми государственно-мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.
- 3) Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства.
- 4) Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственные приемлемые положения – уход из России первых и разоружение и сдача вторых.
- 5) Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности Российского государства, и на началах, указанных в 1914 г. русским Верховным Главнокомандующим».

Полководцем Деникин был незаурядным. Он внес новые элементы в военное искусство: учитывая специфический, отборный состав своих войск, ввел в армии атаку редкими цепями, выполнение каждым взводом в наступлении самостоятельной задачи. Фактически он явился родоначальником тактики высокопрофессиональных войск – той самой, которую потом начали применять десантники, морская пехота и спецназ. Деникин ввел оправдавшее себя в условиях гражданской войны формирование типа «колонна» – ядро из нескольких офицерских полков, автономно действующее в тактической и оперативно-тактической глубине и обрастающее местными партизанами. Он широко применял обманные маневры, рейдирование по тылам врага, скоординированные по времени атаки с разных направлений, мастерски умел выбирать цели для главных ударов. Но Деникин проявил себя не только как военачальник. Один из приказов, отданных им в начале похода, категорически запрещал расстрелы пленных. Это был первый такой приказ в истории гражданской войны.

Во время Ледяного похода белогвардейцы действовали по-партизански. Избегали железных дорог и главных магистралей, по возможности уклонялись от встречи с основными силами противника. Сейчас Деникин шел на Кубань как хозяин. Шел, чтобы уничтожить окопавшегося там врага. Начал он боевые действия, по своему обыкновению, нестандартным маневром. Ударил не на юг, а на восток. Всеми силами Добровольческая армия обрушилась на узловую станцию Торговая (г. Сальск). С запада атаковала дивизия Дроздов-

ского. Под прикрытием единственного орудия, бывшего прямой наводкой картечью, форсировала реку Егорлык С юга пошла на штурм дивизия Боровского, с востока – Эрдели. Красным подсказывали единственный свободный путь – на север. И они побежали туда, бросив артиллерию и огромные обозы. Но здесь их ждала дивизия Маркова, перехватившая железную дорогу у полустанка Шаблиевка. Встретила и добила.

В Торговой армия обеспечила себя трофейными боеприпасами. Здесь белогвардейцы дружно и весело делали свой первый «бронепоезд», укладывая на платформы мешки с песком и устанавливая пулеметы. Захватом станции Деникин перерезал железную дорогу Царицын – Екатеринодар, основную магистраль, связывавшую Кубань с Центральной Россией. Но армия понесла в этом бою тяжелейшую утрату. Одним из последних снарядов, пущенных уже наугад удирающим на север красным бронепоездом, был убит Сергей Леонидович Марков.

Мировая война застала его преподавателем Академии Генштаба. Сослуживцы звали «профессором». Служил в штабе Алексева, а в декабре 14-го судьба навсегда связала его с Деникиным – он был назначен начальником штаба 4-й Железной бригады и в первый же день под шрапнелью, в стрелковых цепях, заслужил всеобщую симпатию. Он жил ярко, а воевал с беззаветной храбростью. О его подвигах ходили легенды. В тяжелейшей ситуации принял 13-й полк – когда там были выбиты все старшие офицеры. При отступлении из Галиции командовал арьергардом и должен был взорвать мост через Стырь. Но за армией шла масса беженцев, и Марков на свой страх и риск 6 часов дрался, прикрывая переправу, пока не прошла последняя повозка. В 15-м, прорывая фронт австрийцев, попал в окружение – приказал оркестру играть полковой марш, собрал музыкой рассеявшихся солдат и разгромил врага, взяв 2 тыс. пленных. Был награжден Георгием 4-й степени и Георгиевским оружием.

После революции служил генерал-квартирмейстером Ставки. А при уходе оттуда Деникина ушел вместе с ним, стал у него начальником штаба фронта. Вместе сидели в Бердичевской и Быховской тюрьмах. Он по-особенному, органически располагал к себе людей. Солдаты на фронте обожали его, офицеры Добровольческой армии им восхищались. В марте 17-го в Брянске вспыхнул солдатский бунт и готовилась расправа над офицерами. Прибывший туда Марков пошел прямо в разъяренную вооруженную толпу – и вскоре солдатня ревела уже не от злобы, а от восторга, а Маркова проводила криками «ура!».

Он стал душой Добровольческой армии. Его высказывания передавались из уст в уста, а его подвиги стали будничным явлением. Командиры Белой гвардии нередко называли его просто Сережей. Ведь он не дожил до сорока. Под Шаблиевкой Добровольческая армия лишилась любимого военачальника, а Деникин ближайшего друга. На венке, который он и Романовский возложили на могилу Маркова, они написали «И жизнь, и смерть за счастье Родины».

Его дивизию принял ген. Казанович, а Офицерский полк, которым командовал Сергей Леонидович, был назван Марковским.

После победы под Торговой Деникин нанес свой второй удар. И опять удар хитрый. Не на Кубань, а в противоположную сторону, на север. Произошел встречный кавалерийский бой Эрдели и Думенко. Разбитая красная конница откатилась в степи, а вслед за тем части добровольцев разгромили оборону большевиков и заняли Великокняжескую (ныне г. Пролетарск). И снова посыпались разнообразные результаты, в том числе самые неожиданные.

Армия не только очистила свои тылы для будущих операций. Она дезориентировала противника, обозначив движение на Царицын.

В глазах большевиков силы белогвардейцев многократно преувеличивались. Ленин писал Зиновьеву: «Сейчас получил известие, что Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идет на нас» – и направлением указывал Царицын. Мало того, вся система обороны в Сальских степях оказалась разрушенной. Красная группировка войск была рассечена натрое.

Около 7 тыс. под командованием Шевкопляса отступали на Царицын, отряды Колпакова и Булаткина в 5 тыс. бежали в Ставрополье, трехтысячный отряд Ковалева окопался в большой слободе Мартыновка. Деникин передал Великокняжескую донским казакам полковника Киреева, и те погнали красных, которые больше месяца не могли собрать друг дружку по степям. Развивая преследование до станции Зимовники, казаки Киреева вышли во фланг красному фронту Тулака, сражавшемуся против Мамонтова по реке Чир. И те тоже побежали. Тулака, отличавшегося зверством в обращении с подчиненными, убили сами красноармейцы. Мамонтов вышиб большевиков из пределов Донской области и очутился на подступах к Царицыну. Там началась паника.

Ворошилов помчался на бронепоезде на станцию Гашун, где организовал из отряда Шевкопляса 1-ю донскую дивизию. В ее состав вошел и кавалерийский полк, которым командовал Б. М. Думенко с заместителем СМ. Буденным. Искали в степях Булаткина и другие битые отряды, стягивая все, что можно, под Царицын. В этот момент Сталин и отобрал 6 полков у Петрова, шедшего на выручку Баку. Таким образом, цепочка последствий, вызванных отвлекающим ударом Деникина, прокатилась по всему фронту и аукнулась даже в Азербайджане падением бакинских комиссаров.

А Деникин, устроив эдакий переполох, развернул армию на 180 градусов и устремился на Кубань. Двигались ускоренным маршем, пехоту посадили на телеги, впереди пустили самодельный бронепоезд. Крупные силы красных обнаружили в Песчанокопском и с ходу напали на них. Завязался упорный фронтальный бой. Дивизии Боровского и Дроздовского дважды врывались на окраины и дважды выбивались. Но едва красные заметили, что деникинцы окружают их, как начали отступление к станции Белая Глина.

Здесь расположилась Стальная дивизия Жлобы, собралось 10 тыс. ополчения, строились долговременные позиции. Попытались взять неожиданно, ночной атакой. Она не удалась. Скрытно выдвигавшиеся дроздовцы были обнаружены, напоролись на многослойный пулеметный огонь и залегли. Однако утром, совершив обход, с юга в расположение красных ворвался Кутепов с корниловцами, с запада – Боровский. Закипел уличный бой. Осталась открытой единственная дорога – на восток, и большевики покатались туда. Их отступление вскоре перешло в беспорядочное бегство. В преследование пошла конница Эрдели, подключились все, кто мог, штабные, конвойцы, адъютанты, обозные. Вся масса войск была побита, пленена или рассеялась по степям. Деникину пришлось останавливать самосуды разъяренных дроздовцев – в Белой Глине нашли трупы полковника Жебрака и 35 офицеров их отряда. Заблудившиеся в ночной атаке и попавшие к врагу, они были зверски замучены и обезображены.

Теперь добровольцы оказались лицом к лицу с главными силами Северной армии Калнина. Деникин развернул операцию на 70-километровом фронте. Предварительно он послал Боровского в рейд по тылам противника. За двое суток белогвардейцы прошли 120 км, очистив близлежащие станицы от отдельных отрядов и мелких банд. Корниловцев направили в глубокий обход, а основные силы утром 14 июня пошли на штурм сильно укрепленных позиций, прикрывающих Тихорецкую. Произошло жестокое сражение. Красные не выдержали натиска и отошли на вторую линию обороны. После такого жаркого боя они были уверены, что сегодня деникинцы больше в атаке не пойдут. Расслабились. И ошиблись. Выйдя им в тыл, Корниловский полк без боя занял Тихорецкую. Главком Калнин едва сбежал. Его начальник штаба, Зверев застрелил жену и застрелился сам. Красная армия оказалась обезглавленной, зажатай в тиски, и ее принялись громить с двух сторон. К вечеру бой перешел в побоище. Только 7 эшелонов большевиков прорвались на Екатеринодар. 30-тысячная армия была уничтожена. Поле боя оказалось завалено трупами. Добровольческая армия захватила невиданные ею доселе трофеи – 3 бронепоезда, 50 орудий, броневики, аэроплан, вагоны винтовок, пулеметов, боеприпасов и имущества.

За 3 недели боев деникинцы потеряли четверть своего первоначального состава, но тем не менее их численность возросла до 13 тыс. чел. за счет непрерывного притока добровольцев, усиливающегося с каждой победой. В Тихорецкой Деникин начал формировать первые подразделения из пленных, мобилизуя рядовых солдат-красноармейцев в свои войска. Уже и беднейшее казачество, те самые фронтовики, которые притащили на Кубань большевизм, начали склоняться к белым. Добровольцы в станицах аккуратно расплачивались за фураж и продовольствие, а красные – грабили, реквизировали скот и лошадей. Части из украинцев и пришлых солдат вообще вели себя, как оккупанты, считая каждого казака врагом, отличаясь насилиями и погромами во вполне «красных» станицах.

Победа под Тихорецкой дала не только моральный и материальный, но и серьезный стратегический выигрыш. Все группировки Красной армии на Кубани Западная, Таманская, Екатеринодарская, Армавирская – оказались отрезанными друг от друга. Деникин дал войскам 2 дня на отдых, а потом продолжил наступление. Оно развернулось сразу на три фронта, тремя колоннами – на Армавир, на Екатеринодар и против армии Сорокина. Бывший военфельдшер Сорокин оказался более толковым воякой, чем Калнин. Он расстрелами навел дисциплину в своих частях, отписал Кубанско-Черноморскому ЦИК, что не нуждается в их комиссарах и агитаторах, и решил не дожидаться в пассивной обороне. Сначала, оглушенный слухами об успехах Добровольческой армии и ее непобедимости, он намеревался прорваться за Кубань к своим.

Выступив из Тимашевской, с налета взял Кореновскую и истребил занимавший ее белый гарнизон. Против него действовали дроздовцы и марковцы. Узнав о падении Кореновской, они двинулись туда, но подошли не одновременно. Марковцы подтянулись первыми. Казанович переоценил свои силы, бросился на штурм и потерпел поражение. Следом подошел Дроздовский. Начал атаку при поддержке своего единственного броневика и тоже был отбит с большими потерями. Вдохновленный победой, Сорокин изменил планы и развернул наступление на Тихорецкую. Советская власть увидела в нем своего спасителя. Мгновенно забылись все прегрешения. Сорокина назначили верховным главнокомандующим всеми красными войсками на всем Северном Кавказе. Деникин поворачивал свои далеко разошедшиеся части и стягивал их воедино. А потрепанные дроздовцы и марковцы пятились назад под натиском превосходящих сил, ежедневно огрызаясь контратаками и осаживая штыками наседающие красные полки.

7 августа под станцией Выселки произошла решающая битва. Красные зашли в тыл частям Казановича и Дроздовского. Казалось, еще одно усилие, и белогвардейцы будут уничтожены. В 14 часов воодушевленная близкой победой Западная армия обрушилась по всему фронту на добровольцев. Но дроздовцы и марковцы встали насмерть. Ответили контратакой и в отчаянной штыковой свалке перебили первую волну наступающих. Следующие цепи смешались, дрогнули. И в это время по ним с разных сторон ударили деникинские части. С севера подошли корниловцы и полк кавалерии, с юга конница Эрдели с бронепоездами. Армия Сорокина очутилась в ловушке. Заметалась, сбиваясь в беспорядочные толпы. И побежала, преследуемая и избиваемая. Уже в 16 часов Западная армия перестала существовать, ее остатки поодиночке, группами и обезумевшими толпами в панике катились на Екатеринодар.

И вот после этой победы поднялась против большевиков Кубань. Повсеместно станицы брались за оружие. Платили за пять месяцев унижений, грабежей, убийств и насилия. По Кубани пошла резня. Большевиков уничтожали, как нечисть, как погань, изнасиловавшую доверчиво принявший их край. Красные, где могли, отвечали тем же. Взрыв взаимной ненависти смел все рамки человечности. С той и другой стороны вырезались целые отряды, обозы, населенные пункты. Резали врагов, невзирая на пол и возраст. Тем более что

в краю царило безвластие. Каждый отряд, каждая станица, каждый командир были сами себе начальниками.

Ейские казаки, полубезоружное восстание которых было зверски, подавлено в апреле, теперь выступили снова и принялись больно клевать красную Таманскую армию. Генерал Покровский, посланный три месяца назад Деникиным с четырьмя сотнями казаков и черкесов в Лабинский отдел для организации местных повстанцев, теперь спустился с гор и начал активные действия. Казаки под его командованием заняли Майкоп и Армавир. Заполыхало по всему Северному Кавказу. В Осетии против красных выступил отряд ген. Мистулова, в Кабарде – князя Серебрякова, на Тереке поднял восстание Георгий Бичерахов (брат Луки Бичерахова, прославившегося авантюрами с Баку и Дербентом). Терские казаки заняли Моздок, Прохладную, перерезали сообщение Ставрополя с Владикавказом, осадили Грозный.

Оборону Екатеринодара красным организовать так и не удалось. Их части выходили на позиции, но при виде белогвардейцев обращались в бегство. Настроение в городе царило одно – паника. И начался исход большевиков. Из Екатеринодара ушли 200 тыс. красноармейцев, коммунистов и беженцев. Поползли на восток, как саранча, оставляя после себя пустыню – вытопанные поля, сожженные, разгромленные и вырезанные станицы. 16 августа Добровольческая армия без боя вошла в Екатеринодар. Деникин, хотя его поезд пришел на вокзал в тот же день, дипломатично пропустил вперед кубанское правительство. Атаману Филимонову он сообщил, что тот должен быть полноправным главой казачества, независимым от шатаний Рады, что Добровольческая армия не будет вмешиваться во внутреннее управление Кубанью, но проекты кубанцев о создании самостоятельной армии он, как и Корнилов, решительно отверг. До поры до времени те согласились, уж больно велик был на Кубани авторитет Деникина – куда больше, чем у них самих.

17.08 Деникин торжественно въехал в город, встреченный Филимоновым и кубанским правительством, а 18-го приехал Алексеев, которому наконец-то придумали официальное название должности – Верховный руководитель Добровольческой армии. Его старая болезнь почек серьезно обострилась, но, тем не менее, он продолжал заниматься финансами, снабжением и политическими вопросами. 31 августа в Екатеринодаре при нем было сформировано временное гражданское правительство – Особое Сопровождающее во главе с генералом от кавалерии А. М. Драгомировым с участием известных общественных деятелей России М. В. Родзянко, В. В. Шульгина, П. Б. Струве, Н. И. Астрова. О политической направленности своего правительства Деникин писал: «Во главе правительственных учреждений должны ставиться люди по признаку деловитости, а не по признаку партийности. Недопустимы лишь изуверы справа и слева».

29. Партизан Шкуро

Андрей Григорьевич Шкуро (по-настоящему Шкурб, фамилию себе он изменил) был одной из ярких фигур, характерных для российской гражданской войны, стихийным вожаком и народным героем, таким же, как у красных Чапаев, а у зеленых Махно. До революции его считали социалистом и опасным элементом, так как монархию он ненавидел и открыто заявлял «Я хочу свободы для всех граждан России».

Но все равно ценили за лихость, и он дослужился от рядового казака до полковника. Его отчаянные разведчики прославились дерзкими рейдами по тылам противника, на Закавказском фронте доходили до Персидского залива. Он и команды подбирал под стать самому себе, бесшабашных рубак, для которых в жизни не существовало ничего достойного внимания, кроме наградных крестов, баб и водки. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. И еще во время войны на родине о нем слагались легенды.

Когда после Октябрьского переворота он вернулся домой, большевики стали звать его к себе на службу. Но его вольнолюбивая душа с коммунистическими порядками никак не стыковалась, и он отказался. Теперь открыто называл большевиков сволочью и узурпаторами и почти в открытую повел подготовку к созданию «независимых» казачьих отрядов. Понятно, арестовали. Выпустили под надзор, чтобы проследить подпольные связи. Тут-то его и видели. Его ж в каждой станице знали, и «связи» у Шкуро были почти в каждой хате. Он скрылся в горах, обрастая «волчьей сотней» из своих бывших отчаянных разведчиков, а потом повел партизанскую войну. К нему примкнули казаки Суворовской, Баталпашинской, Бугурусланской станиц – как раз в промежутке между Кубанью и Терекком. От кубано-черноморских большевиков партизаны уходили во владения терских, и наоборот.

Командуя тысячами повстанцев, Шкуро повысил себя в чине до генерал-майора (когда где-то нашел генеральский мундир). Да что с него взять? Уж такая натура – авантюрист был, каких поискать. Ему, кстати, всего 30 лет было. Когда сил стало достаточно, захватил Кисловодск, где объявил себя властью. Даже свои деньги пустил в ход, «шкуринки» – найденные на складах этикетки от минеральной воды. Большевики были в трансе от его наглости – ведь совсем рядом, в Пятигорске, располагались все Северокавказские советские учреждения и войск было видимо-невидимо. Двинули на него части и из Пятигорска, и из Армавира, даже из Астрахани подтянули подкрепления. Да он плевать на них хотел. Выскользнул из клещей и ушел на север. Многих спас, выведя из района Минвод огромный обоз беженцев, в том числе князей Голицыных, Волконских, Оболенских, графов Воронцовых-Дашковых, Бенкендорфа, Мусина-Пушкина, промышленников Нобеля, Гукасова, Манташева, Рябушинского, застрявших на курортах и обреченных на уничтожение.

Сначала Шкуро просто в целях самосохранения гулял по Ставрополью. Крестьяне на его казаков нарадоваться не могли. Передавали на ухо: «Не грабит! За все платит! Пролетел, точно тихий ангел!» Ну это, предположим, было исключение. Платил Шкуро щедро, потому что уволок Кисловодское казначейство, а его казаки набрали там у красных столько барахла, что грабить еще что-то им было некуда, тем более в походе. Но былины о нем пошли гулять, как о святорусском богатыре.

А на Ставрополье, вклинившемся между Доном и Кубанью, обстановка царила жуткая. Террор перешел все границы. Калмыков вырезали целыми улусами. В Ставрополе в Юнкерском саду палач Ашихин каждую ночь казнил партии «буржуев», их рубили шашками. В большом селе Безопасном вечно пьяный комендант Трунов истреблял всех неугодных проезжих – мужчин, женщин, подростков. Его суд сводился к двум фразам: «Покажи руки!», а если руки казались слишком «белыми» – «Раздеть!» И подручные, сорвав одежду, изощренно умерщвляли обнаженную жертву штыками. Упившись до чертей, расправился точно

так же с собственной женой. В ответ на ее ругань приказал обычное: «Раздеть!..» В селе Петровском, расстреляв всю «буржуазию», красноармейцы прямо на месте казни перенасиливали учениц местной гимназии, сопровождая это истязаниями.

4 июля, после победы Деникина под Тихорецкой, офицеры Ставрополя подняли восстание. Сговорились с «интернациональным» немецким батальоном, с рабочими дружинами. Захватили центральные казармы, склад пулеметов. Но восставших оказалось слишком мало, а пулеметчиков среди них не нашлось. Красные отсекали им пути к немцам и рабочим, выставив грузовики с пулеметами, а потом перебили. Штаб повстанцев во главе с братьями Ртищевыми пробился до леса, но был схвачен и казнен. Шкуро в этот день проходил всего в 14 км от Ставрополя, но не знал о восстании, а связные, посланные к нему, были перехвачены большевиками.

Зато через несколько дней Андрей Григорьевич дал красным жару. В селе Кугульта он поймал ставропольского комиссара Петрова, повесил его, а труп отправил в город с запиской, что в ближайшее время весь ставропольский Совнарком ждет та же участь. В городе начался переполох. А Шкуро еще немного продвинулся на восток и разъездами установил связь с Деникиным, объявив себя в его подчинении. Из села Донское он по телеграфу передал большевикам ультиматум – в 48 часов оставить Ставрополь. Иначе, мол, его армия начнет артиллерийский обстрел. Стоял он в 30 км от города, а его артиллерию составляли 2 декоративные пушки, негодные к стрельбе. Тем не менее красные побежали. Многие бросали оружие, сдавались в плен городскому населению. Быстрым маршем уводили войска, увозили орудия. Безоружные горожане обступили автомобиль Ашихина и доставили его в тюрьму.

22 июля в город въехала единственная машина с деникинцами во главе с ген. Уваровым, назначенным губернатором. Он немедленно объявил мобилизацию офицеров и классных чиновников – они и составили первоначально всю городскую оборону. Чуть позже прикатил Шкуро. К его сожалению, Уваров уже занял караулами банки и казначейство. Потом подтянулись подразделения полковника Слащева, занимая фронт. Бежавшие красные опомнились, пытались контратаковать. Их командующий Шпак, поставив орудия на грузовики, неоднократно заскакивал в городскую черту и бил наугад шрапнелью, пока казаки не подкараулили его и не зарубили.

Кто сразу понял значение успехов Деникина, так это отнюдь не большевики. В Москве еще даже имени его не знали. Опасность почуял германский Генштаб. Он пришел к выводу, что, если Деникин захватит Черноморский флот и высадит десант на Украине, это обернется для Центральных держав бедствием – население там и без того было недовольно немцами. Поэтому в июне последовал ультиматум Москве – либо перевести флот в Севастополь и сдать Германии, либо война.

Официальная версия очень сомнительна. Резолюция Ленина о потоплении флота, во-первых, датируется 24 мая, во-вторых, даже в ПСС приводится со ссылкой на малоавторитетный «Морской сборник», а не обычные в таких случаях партийные издания и архивы. Что по радио передали флоту приказ сдаться, а с приказом топить корабли послали уполномоченного – тоже сомнительно. Пробраться кружным путем через Царицын, тем более что Деникин уже перехватил железную дорогу? Ну-ну... Да и расстреляли бы такого уполномоченного не только белые, но и красные. ЦИК Кубано-Черноморской республики считал корабли своей собственностью и запрещал флоту выполнять приказы Москвы. Похоже, ленинский приказ был один – о сдаче. А патриотический глупый жест моряков был стихийным.

Мнения на флоте разделились... Председатель Кубано-Черноморского ЦИК Рубин, прикатив в Новороссийск, запрещал как уход к немцам, так и потопление, грозясь направить сюда полевые войска, которых у него уже не было. Часть флота ушла в Севастополь – дредноут «Воля» и 6 эсминцев. А не ушли те корабли, на которых уже не осталось экипажей. Они

даже с места тронуться не могли. На дредноуте «Свободная Россия» из 2 тыс. чел. осталось меньше 100, на эсминце «Килиакрия» – двое, на «Фидониси» – шестеро. Аналогичная ситуация сложилась на «Капитане Баранове», «Сметливом», «Стремительном» и др. Поделив судовые кассы, матросы давно уже гудели на берегу. Дееспособная часть команд осталась лишь на эсминцах «Керчь» и «Лейтенант Шестаков». Они и совершили потопление мертвого флота, в то время как остальные герои размазывали на берегу пьяные слезы и клялись мстить неизвестно кому. Поэтому и пришлось «Керчи» с «Лейтенантом Шестаковым» для собственного затопления уходить в Туапсе. Жить-то хочется.

А Таманская армия, оказавшаяся в окружении восставших станиц, двинулась в Новороссийск, надеясь укрыться под защитой флотских орудий. Шли 40 тыс. красноармейцев и 15 тыс. беженцев. Но пока дошли, эти орудия были уже под водой, а в порту стояли немецкие корабли. Они обстреляли как таманцев, так и преследующих их станичников. Казаки не испугались и открыли из полевых легких пушек огонь по линейному крейсеру «Гебен» (для справки, равному по огневой мощи 6 броненосцам типа «Потемкина»), Вреда ему они, разумеется, не принесли, но после такого отчаянного нападения немцы предпочли уйти.

К таманцам присоединилась часть матросов с обозами барахла и проституток. Все это бежало на юг, бросив без боя Новороссийск со всеми складами и госпиталями. Ворвавшиеся в город повстанцы учинили резню, подчистую уничтожая оставшихся красных и ненавистных моряков. Таманская армия вела себя не лучше. Спасаясь без всякого плана по тупиковой дороге, она дочиста грабила местное население. Сбила возле Туапсе грузинский фронт и устроила в городе погром, оставив после себя трупы и пустыню. После этого повернула на Гойтхский перевал. Прорвалась через заслоны Покровского на Белореченскую, вырезала несколько станиц и вышла к своим. К концу сентября армия неожиданным налетом взяла Армавир, уничтожив там полторы тысячи мирных жителей, и соединилась в Невинномысской с войсками Сорокина. Соединилась очень кстати, влив в битые красные части боевой дух и вернув им способность сражаться. Вскоре большевистские силы на Северном Кавказе были преобразованы в 11-ю Красную армию.

30. белые – но все разные...

*У меня, молодца, было три товарища.
Первый товарищ – мой конь вороной,
А другой товарищ – я сам молодой,
А третий товарищ – сабля вострая в руках.*

Старинная казачья песня

Всевеликое Войско Донское жило в состоянии некоего военного равновесия, то нанося удары, то получая их. Красные, осаждающие его границы, всегда были в большинстве, а донцы побеждали и держались за счет казачьего патриотизма. Для них проиграть значило бы пустить в свои станицы новое нашествие. Ну а у рядовых красноармейцев такой веской причины класть животы не было.

Хоть и жили Краснов с Деникиным, как кошка с собакой, Добровольческая армия оставалась единственным боевым союзником. Когда вспомогательный удар Деникина на север разрушил систему обороны красных в Сальских степях, казаки Киреева и Мамонтова смогли развить эту победу и выйти на подступы к Царицыну. Больше месяца держалась слобода Мартыновка, где засел бежавший от деникинцев 3-тысячный отряд Ковалева. Дело, правда, оказалось в том, что многие осаждавшие казаки были в родстве с мартыновскими крестьянами, поэтому те и другие вели огонь издалека, стараясь не поранить друг дружку. Только когда Краснов и Денисов догадались провести рокировку и прислать сюда казаков из другого округа, «странная война» кончилась и Мартыновка была взята. Остатки войск Ковалева степями прорвались на Царицын.

Одержав победы на восточном фронте, Дон тут же получил ответную оплеуху от своего же земляка казака Миронова. Этот красный командир был не чета алкоголику Голубову. Военный талант, кавалер нескольких орденов и Георгиевского оружия за мировую войну, беспартийный демократ и правозащитник, он еще до революции прославился как заступник бедноты и рядового казачества. Но на путях правдоискательства Миронов совершенно запутался в политике. Летом 17-го он, например, предсказывал, что «правая и левая контрреволюция», т. е. корниловцы и большевики, объединятся против демократии. Когда же потребовалось выбирать «или-или», то он по инерции принял сторону «против генералов», предполагая в них более страшного врага «свободы», чем коммунисты. После революции был выборным командиром 32-го полка, затем военкомом округа.

В июле он начал агитацию за советскую власть в Усть-Медведицком и Хоперском округах, где пользовался большим личным авторитетом. После бурных митингов часть казаков передалась на его сторону. Создалась опасность развала фронта. На север была срочно перебросена группа ген. Фицхелаурова. В пятидневном сражении части Миронова были разгромлены. Преследуя их, Фицхелауров дошел до границ Дона и вторгся на окраины Саратовской губернии.

После побед Добровольческой армии на Кубани красные армии Сорокина и Матвеева покатались прочь от южных донских границ. Краснов получил возможность снять войска с юга и усилить другие направления, Воронежское и Камышинское. Получив подкрепления, группа полковника Алферова перешла границу Воронежской губернии, развивая наступление в ее глубину. 9 августа был взят Богучар, за ним – Калач, Павловск, Кантемировка. Ответный удар Дон получил со стороны Царицына, где Сталин с Ворошиловым собрали большой, но разношерстный кулак, надергав войск отовсюду «с миру по нитке». Здесь впервые

была брошена в бой донская Молодая армия из 19–20-летних призывников, прекрасно экипированная, обученная и вымуштрованная. Первая же ее атака не ложась, стройно, как на параде, с винтовками наперевес, обратила красных в панику. Большевики были опрокинуты и бежали. Положение Царицына, который с запада прижал Мамонтов, а с севера Фицхеларов, еще более ухудшилось.

Наверное, в конце лета был пик могущества Донской армии. В ней насчитывалось около 60 тыс. чел, 175 орудий, 4 бронепоезда, 20 аэропланов. Плюс 20-тысячная Молодая армия на стадии формирования. Но уже вскоре вооруженные силы пришлось значительно сокращать: всеобщая мобилизация охватила казаков от 19 до 52 лет, хозяйства остались без рабочих рук. А ведь Дону надо было себя кормить да и ту же армию снабжать. Хочешь не хочешь, атаман вынужден был объявить демобилизацию старших возрастов. Это немедленно сказалось на боеспособности – и не только количественно. Старики-то были главными ревнителями казачьих традиций и опорой порядка. Без них в строю остались те же бывшие фронтовики. Хоть и ученые недавними событиями, но испорченные революцией и все еще отравленные невообразимыми коктейлями идеологических ядов. Казачьи полки стали доступны для большевистской агитации.

И донской патриотизм начал поворачиваться другим концом. Едва вышли к границам своей области, боевой порыв резко упал. Говорили – хватит, мол, свою землю очистили, а русские пусть сами себя освобождают, если хотят. Чего ради кровь за чужих проливать? К себе большевиков не пустим, но и лезть на русские земли тоже не станем, у нас свое государство, у них – свое. Впрочем, и большевистская пропаганда ловко подстраивалась под этот мотив. Дескать, нечего вам делать в русских губерниях, уходите назад, тогда и Дон никто трогать не будет. Поэтому война пошла вяло, ограничиваясь отражением вражеских атак. Будь красные поумнее – они вообще не лезли бы в наступления месяц-другой, и фронт развалился бы. Только большевистские удары то там, то здесь красноречиво доказывали казакам необходимость сохранять боеспособность и дисциплину. И давали моральное основание занимать крестьянские губернии – воевать-то лучше на чужой земле, а не на своей.

Серьезное испытание пришлось выдержать и Краснову. Полномочия-то у него были только до полного освобождения Дона, когда можно будет отовсюду собрать делегатов. 29.08 открылся Большой Войсковой Круг. Он был уже не «серым», как Круг Спасения Дона. Здесь были и представители городов, и интеллигенция, снова раздались голоса различных партий со своими взглядами и политическими программами. Сразу же атаман подвергся мощным атакам оппозиции, которую возглавили председатель Круга В. Харламов и управляющий Отделом иностранных дел генерал А. Богаевский, соратник Корнилова и Деникина.

Первый удар был по поводу германской ориентации, Богаевский доложил о скандальном письме Краснова к Вильгельму. Демагоги из левых партий нападали на ущемления «демократии» и отмену «завоеваний революции», требовали ограничить власть атамана и урезать его полномочия. 2.09 после длинной речи Краснов сказал: «Когда управляющий видит, что хозяин недоволен его работой, да мало того что недоволен, но когда хозяин разрушает сделанное управляющим и с корнем вырывает молодые посадки, которые он с таким трудом сделал, он уходит. Ухожу и я...» – и так швырнул тяжелый атаманский пернач о стол, что расколол верхнюю доску. Это произвело впечатление. Станичная и полковая часть Круга заволновалась, потребовали вернуть атамана.

К Краснову послали депутацию. Круг одобрил внешнюю политику Дона, но «без вовлечения в борьбу ни за, ни против Германии».

Однако положение еще долго колебалось. Шла борьба двух кандидатур Краснова и Богаевского, сторонника ориентации на Антанту и подчинения Деникину. Вмешались и немцы. Их представитель майор Кокенхаузен писал из Ростова, что «ослабление власти атамана вызовет менее дружеское расположение к Дону германцев».

Пригрозил прекратить поставки оружия. Это сыграло свою роль. Да и здравый смысл подсказывал делегатам, что иметь антигерманского атамана при немецком соседстве еще рановато. Лишь 26.09 работа Круга завершилась. 234 голосами из 338 атаманом был избран Краснов. Его права остались неурезанными. С трудом ему удалось проташить и постановление о переходе границ Донской области и занятия «для наилучшего обеспечения границ Царицына, Камышина, Балашова, Новохоперска и Калача». И все пошло по-прежнему.

А между тем деникинцы и повстанцы, очищая от большевиков Черноморское побережье, установили первые контакты с грузинскими войсками ген. Мазниева. Сначала отношения были дружеские, вполне союзные. Мазниев помогал казакам оружием, передал Добровольческой армии трофейный бронепоезд, а грузин снабжали зерном. Но после того как отступающая Таманская армия нанесла поражение Мазниеву и выбила его из Туапсе, город заняли преследующие таманцев добровольцы. И дружба кончилась. Мазниев отозвали, заменив генералом Кониевым. В районе Лазаревской сосредоточилось 5 тыс. грузинских войск при 18 орудиях, начали строить укрепления у Сочи. В Дагомысе и Адлере высадились германские гарнизоны.

25.09 в Екатеринодар прибыла делегация во главе с Г. Гегечкори. Но переговоры, без влияния немцев, зашли в тупик по всем пунктам. И по вопросу преследования в Грузии русских граждан, поднятому Алексеевым. И по вопросам товарообмена – деникинцы были готовы платить хлебом за вооружение и имущество, оставшееся в Грузии от Закавказского фронта, Красного Креста, военно-промышленных организаций, но просили гарантий, что хлеб не пойдет в Германию – несмотря на нехватку продовольствия в Грузии, такие факты отправки продуктов уже имелись. Алексеев заверял, что «со стороны Добровольческой армии и Кубани никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет», пытаясь получить ответные гарантии и втолковать грузинской стороне, что дружеские отношения в ее же интересах, ведь в случае победы большевиков их «независимая республика» просуществовать недолго. К этим доводам делегация Гегечкори осталась глухой. Главным же пунктом преткновения стал Сочинский округ, населенный русскими и армянами. Грузия настаивала на сохранении его за собой: он отделял Добровольческую армию от Сухумского округа, населенного воинственными абхазами, которые считали грузин оккупантами. Тифлисские политики опасались, что в случае приближения русских белогвардейцев Абхазия от них отпадет.

Так ни с чем и разошлись. Враждебных действий не последовало, но граница была закрыта, и товарообмен прекратился.

Надо заметить, что в гражданской войне довольно часто военные власти «на местах» более трезво и глубоко оценивали обстановку, чем политики в «центрах». Так было с Мазниевым, так было с англичанами, так было и с немцами. Когда Добровольческая армия, побеждая на Кубани, подчеркивала всюду свою союзническую ориентацию на Антанту, главное командование и правительство Германии потребовало от Краснова не передавать Деникину оружия и боеприпасов, поставляемых с Украины. В Батайске для контроля была установлена застава. Но местное германское командование, отлично представляющее, что такое большевизм, намекнуло тому же Краснову, что закроет глаза, если грузы пойдут на Кубань в обход заставы. И вооружение повезли грузовиками через степь.

В зонах германского влияния политика по отношению к белым формированиям была различной. В Эстонии, Лифляндии и Курляндии, объединенных в Балтийский округ, где немцы планировали создание суверенного государства Балтии под своим протекторатом, все национальные войска были распущены и создания каких-либо вооруженных сил не допускалось. То же самое относилось к Литве, где здешний Совет – «Тариба» – в 1918 г. обратился к протекторату Германии, приглашая на литовский престол немецкого принца.

В Псковской губернии и Белоруссии немцы интересов не имели, оставаться здесь не собирались. Поэтому сочувственно относились к организации белых сил для защиты от большевиков после их ухода. Им и здравый смысл подсказывал, что иметь потом соседями большевиков – не самая приятная перспектива. В Пскове начала формироваться Северная белая армия генерала Вандама. Вербовочные бюро открылись в Риге и Ревеле, немцы даже отпустили в ограниченном количестве средства и оружие. В Белоруссии такую же попытку формирования начал генерал Кондратович. Но эти действия шли черепашими темпами. Германская оккупация казалась еще очень долгой, и острой нужды вроде бы и не было. Это была прифронтовая зона Северного и Западного фронтов, зона максимальных солдатских бесчинств – офицеров здесь осело мало. Здесь не было авторитетных вождей, видных полководцев. А население... оно свободно вздохнуло под германской оккупацией после бедлама, творившегося здесь в 17-м. А ужасов коммунистического режима оно на себе не познало и оставалось инертным. Поэтому к осени 18-го Северная армия едва нарождалась на свет.

В Белоруссии результаты были вообще плачевными из-за политической возни, дошедшей до абсурда. Белорусские Рады образовались в Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле, Гродно, Ковно, даже в Смоленске, Москве и Петрограде. Причем каждая претендовала на верховную белорусскую власть. Одни Рады придерживались концепции независимости, другие – автономии, третьи – федерации с Россией, четвертые – с Польшей. Одни ориентировались на союз с немцами, другие – с поляками, третьи – с литовцами, четвертые – с большевиками.

Украина тоже оставалась почти безоружной. Политическая обстановка здесь царилась такая, что черт ногу сломит, – и гетман, и сторонники Рады, и сторонники России, и эсеры, и монархисты, и большевики, и махновцы. А для пропитания Центральным державам Украина была слишком важна, поэтому они на всякий случай не давали гетману создавать армию – кто знает, куда она штыки повернет. Вооруженные силы Скоропадского состояли из охранных и пограничных сотен, украинизированной дивизии ген. Натиева, быстро разложившейся и расформированной, из 1-й Украинской пехотной дивизии, созданной австрийцами из военнопленных – едва прибыв на родину, она тоже стремительно стала разлагаться и была расформирована, а также Сердюцкой дивизии – чисто декоративной опереточной гвардии гетмана, выраженной в жупаны с кривыми саблями и чубами-оселедцами.

Настоящая армия только предполагалась. Создавались штабы без войск на 8 корпусов и 4 кавалерийские дивизии. Больше это походило на анекдот. Офицеры были русские, которые шли в армию, чтобы прокормиться, или считая, что на этой базе сможет потом возродиться настоящая русская армия. Ломали язык, подделываясь под обязательную «мову». Занимали казармы, рисуя на них украинские вывески со множеством ошибок. Печатались учебники и наставления с обложками на украинском языке и содержимым на русском. Были изданы по-украински и изучались уставы, причем команды, которых в «рідной мове» не существовало, заменили... немецкими. Например, «смирно, равнение направо» читалось «хальт, струнко направо». Офицеры целыми днями развлекались, потешаясь над подобным чтивом, над украинизацией и над самими собой. А солдат попросту не было.

Наконец, в противовес Добровольческой армии союзной ориентации делались попытки образования белых частей германской ориентации. Летом 18-го монархический союз «Наша Родина» во главе с герцогом Лейхтенбергским и М. Е. Акацатовым по согласованию с гетманом и немцами, на их деньги, начал в Киеве работу по формированию Южной армии. Была достигнута договоренность с атаманом Красновым о развертывании этой армии в занятом казаками Богучарском уезде Воронежской губернии. Параллельно на Украине возникли вербовочные бюро Астраханской армии под руководством князя Тундутова. Совершенно пустой и тупой человек, он играл роль не то царька, не то полубога у калмыков. В Новочеркасске и Екатеринодаре выступал как атаман Астраханского казачества (самозва-

ный). Ездил в Берлин, ухитрился получить аудиенцию у Вильгельма, после чего всюду стал добавлять к своим титулам «друг императора Вильгельма». Его украинские бюро ведались почти не маскирующимися немецкими агентами, а затем перешли к ультраправым монархическим группам.

Из затеи ничего путного не вышло. В отличие от уезжавших воевать на Дон и Кубань, в эти армии шли те, кто желал получить содержание и рисоваться спасителем отечества, не рискуя собственной шкурой. Понацепляв золотые погоны и шевроны «романовских» бело-желто-черных цветов (в отличие от бело-сине-красного шеврона Добровольческой армии), Южная армия лихо воевала по киевским ресторанам и атаковала барышень на Крещатике. Опять же здесь были штабы без войск, командиры полков и батарей без полков и без батарей.

Наконец между Скоропадским и Красновым было достигнуто соглашение об образовании единой русской Южной армии из Воронежского корпуса (на базе киевской Южной армии), Астраханского корпуса (на базе Астраханской армии) и Саратовского корпуса (из крестьян-повстанцев Саратовской губернии, возглавлявшихся полковником Манакиным и земскими деятелями). Был найден и командующий, генерал от артиллерии Н. И. Иванов. Заслуженный полководец, бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом, герой Львова и Перемышля. Кавалер редчайшей награды – ордена св. Георгия 2-й степени. Таких в России было всего двое, он и Юденич (не путайте с солдатским Георгиевским крестом). Хотя и в преклонных летах, он принял предложение – которое на деле лопнуло, как пузырь.

Когда из Киева в Кантемировку смогли вытащить «Воронежский корпус», в нем оказалось всего 2 тыс. человек, из них лишь половина боеспособных, а остальные – сомнительные «сестры милосердия» и «ударницы», гражданские чиновники, полицейские, престарелые отставники и подозрительные «контрразведчики». Вся эта толпа наполнила Кантемировку кутежами, скандалами, перессорилась с местным населением. Больше половины «корпуса» пришлось разогнать, а оставшиеся подразделения переформировать. Тундутов, когда дошло до дела, выставил 4 тыс. калмыков – босых, оборванных, без седел и без оружия, с плетками и ножами. Такой «корпус» был опасен только мирному населению. А Саратовский корпус отлично дрался, но по численности не дорос даже до бригады.

Фактически Южная армия так и не сформировалась. Ее отдельные боеспособные кусочки растворились в Донской армии и воевали на разных фронтах. Те, что остались в Кантемировке – на Воронежском направлении, саратовцы – под Царицыном, а калмыки после основательной помощи одеждой и оружием обороняли маньчжские степи от отдельных красных отрядов.

31. Тоталитаризм во младенчестве

Хотя левые эсеры, по сути, очень немногим отличались в лучшую сторону от большевиков, но особенности однопартийного режима, установившегося в России с 7.07.1918, обозначились сразу же и очень резко.

Во-первых, открытым массовым террором. Абсолютная ложь, что политика «красного террора» началась в сентябре, после покушения на Ленина. Еще 26.06.18 он писал Зиновьеву: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает». Но вот власть стала однопартийной, руки развязались – и отбрасываются последние условности. Во все концы России открыто посыпались «расстрельные» телеграммы Ленина. Вот только некоторые из них. Сразу 7.07 он пишет в Петрозаводск Нацаренусу: «... Иностранцев, прямо или косвенно содействующих грабительскому походу англо-французских интервентов, арестовывать, при сопротивлении расстреливать. Граждан Советской республики, оказывающих прямое или косвенное содействие империалистическому грабежу – расстреливать»

В тот же день в Царицын, Сталину: «... Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще».

Букет телеграмм от 9.08.

«Г. В. Федорову. В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Надо действовать вовсю: массовые обыски, расстрелы за хранение оружия, массовый вывоз меньшевиков и ненадежных...» (Эх, «тройка», птица-«тройка»! Так вот кто тебя выдумал!)

«Вологда. Метелеву. Необходимо оставаться в Вологде и напрячь все силы для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейством, явно готовящим измену в Вологде».

«Пензенскому губисполкому. Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концлагерь».

«22.08 Саратов. Пайкесу. Советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Весь 50-й том ПСС вождя щедро пересыпан подобными указаниями. К началу тоталитарного правления относится и истребление царской семьи. 16 июля (через неделю после установления однопартийной власти!) в Екатеринбурге были перебиты: Николай Второй, его жена Александра Федоровна, больной ребенок цесаревич Алексей, великие княжны Анастасия, Ольга, Мария, Татьяна, доктор Боткин, повар, слуга и комнатная девушка императрицы – всего 11 человек. В расправе участвовали 4 русских чекиста и 8 латышей (двое латышей оговорили свое участие в экзекуции тем, что не будут стрелять в девушек). Раненых цесаревича и царских дочерей – добивали штыками. Тела поливали серной кислотой, жгли на костре, несколько раз перепрыгивали. Одновременно произошли расправы с членами дома Романовых в Перми и Алапаевске. В Алапаевске великие князья, княгини и их

близкие были брошены живыми в шахты. Местные крестьяне трое суток слышали оттуда стоны и молитвы.

Одновременность акций уже может служить доказательством, что они производились по общему сценарию и указанию из центра. И почерк один – вместе с Романовыми перебили всех свидетелей, всех находившихся при них слуг. Уже в 90-м на одном из аукционов «Сотби» всплыли подлинники телеграмм с докладами Свердлову... Официальные версии мотивов убийства не выдерживают никакой критики. Что, мол, приближались чехи и белогвардейцы, которые могли освободить царя... Эзекюция совершилась 16 июля, а Екатеринбург пал только в августе. Перми же ничего не угрожало до октября. Да и наступали на Урал отнюдь не монархисты – Романовых могло ждать лишь новое заключение или высылка. Эсеровское правительство потом даже колебалось, назначать ли следствие по делу об их убийстве, не будет ли это слишком контрреволюционно? Наконец, что мешало эвакуировать заключенных в Центральную Россию? Дорога на Пермь и Вятку оставалась свободной.

Может, причина в том, что фигура императора сплотила бы врагов Советской власти, стала бы знаменем? Глупо. Те же эсеры с меньшевиками боялись монархистов куда сильнее, чем большевиков. Наличие императора в белом лагере лишь внесло бы в него еще больший раскол. К тому же династическое право не оставляет «свято место» пустым. Убийство Романовых, находящихся в заключении, автоматически выдвигало в наследники престола претендентов, находящихся на свободе и успевших уехать за границу. Троцкий в своих мемуарах упоминает, что убийство царя и его родственников было проведено по указанию Ленина, для того чтобы «сжечь мосты», отрезать России пути назад. Советская Россия как бы повязалась кровью Романовых, чтобы окончательно следовать за большевиками. Что ж, все логично. Коммунисты сели на самодержавный престол 7.07, эзекюция 16.07. Как раз время исполнителей найти, кислоту достать, шахты присмотреть.

Кроме открытого террора, однопартийная власть принесла и другое новшество – войну против крестьянства. В большинство сельских советов выбрали мужиков хозяйственных, кто поумнее да потолковее. Такое, понятно, большевикам не подходило. В деревнях начали сажать вторую власть – комитеты бедноты из пришлых элементов и голытьбы. А откуда в деревне голытьба? Кто от своей бесхозяйственности разорился, у кого голова не варит, а кто от пристрастия к зеленому вину. Все это стало «активом», а настоящих, крепких хозяев объявили кулаками и мироедами, натравливая на них босяков. 6.08 в письме к елецким рабочим Ленин призывает: «Будьте беспощадны к ничтожной горстке эксплуататоров, в том числе кулаков», а в статье «Товарищи рабочие! Идем в последний решительный бой!» пишет «Беспощадная война против кулаков! Смерть им!».

В деревню внесли раскол. Плюс город натравливают на деревню. Из рабочих, голодающих от большевистского развала хозяйства, создаются продотряды. Задача простая – иди и грабь. Крестьянин – враг, потому что у него есть хлеб, которого в городе нет (а привозить его в город крестьянину запрещают). Меры чисто террористические. 10.08 Ильич пишет наркомпроду Цюрупе: «В каждой хлебной волости назначить 25–30 заложников из богатей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку хлеба... Инструкция назначить заложников дается комитетам бедноты, всем продотрядам».

29.08 он даст указание в Петровск Карпову: «Составить поволостные списки богатейших крестьян, отвечающих жизнью за правильный ход работ по снабжению хлебом голодающих столиц».

В южных краях – Ставрополье, Сальских степях – из украинских беженцев создавались «особые рабочие бригады» (вооруженные), численностью до 50 тыс. чел, которые насильно убирали подчистую хлеб с «кулацких» полей, отбирали скот и инвентарь. У калмыков и киргизов-кочевников, живших за счет табунов, эти табуны отбирались как явные излишки. Десятки тысяч голов крестьянского и калмыцкого скота угонялись на Царицын. И дошли

по дороге. Естественно, такая мудрая продовольственная политика не могла обойтись без стихийных восстаний. Тогда в ход шли регулярные войска. Предоставим опять слово В. И. Ленину.

«10.08. Пенза. Кураеву. Необходимо с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков, взяв часть войск из Пензы...»

«14.08. Пенза. Минкину. Получил на Вас две жалобы. Первую, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции...»

«17.08. Задонск Болдыреву. Действуйте самым решительным образом против кулаков и левоэсеровской сволочи. Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев».

«19.08. Здоровец, Орловской губ., Бурову. Необходимо соединить беспощадное подавление кулацко-левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой излишков хлеба полностью».

«20.08. Ливны. Исполкому. Проведите энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и не упуская ни минуты конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков...»

«20.08. Пермь. Монастырскому. Инструкция – действуйте энергично и решительно против кулаков и белогвардейцев».

«24.08. Вятка. Шлихтеру. Вы остались в Вятке в главном для энергичнейших продовольственных операций в связи с успешно идущим подавлением кулацких восстаний к югу от Вятки в целях беспощадного истребления кулаков и конфискации у них всего хлеба».

Летописей этих восстаний история нам не оставила. Кому там было мемуары писать? Босоногим мужикам да бабам, бросавшимся с косами и топорами на пулеметы карателей? Только по большевистским распоряжениям можно проследить географию восстаний: Пенза, Орел, Задонск, Ливны, Пермь, Вятка, Дмитров... По всей России полыхало, похлеще чем при Разине и Пугачеве. О размерах войны против крестьянства говорит и другой небезынтересный факт. Самым грозным по тому времени оружием считались бронемшины. У Советов их было 122. Из них 6 – на Западном фронте, 45 – на Южном, 25 – на Восточном, а 46 – в тылу, обслуживали карательные экспедиции. На «внутреннем» фронте действовали и лучшие соединения, в том числе дивизия латышских стрелков. Коммунистический тоталитаризм кричал из пеленок свои первые «уа-уа!».

32. Северный фронт

Добрая коммунистическая традиция проявлять сверхбдительность в мелочах, зато очевидную опасность ушами прохлопать была заложена не при Сталине, а еще при Ленине. Просто уму непостижимо, как высадка союзников в Архангельске могла стать хоть для кого-то неожиданной. О ней задолго знали все кому не лень, кроме... большевистского руководства. Она следовала из элементарной логики. Было три порта – Мурманск, Владивосток и Архангельск, в которых находилось свыше миллиона тонн военных грузов на сумму 2,5 млрд. руб., поставленных России союзниками в годы войны. Два порта было уже оккупировано – чем же третий лучше? И еще 23 июня все союзные посольства, находившиеся в Вологде, разом снялись с места и переехали в Архангельск. При этом издали и широко распространили воззвание, где открыто указали цели операций союзников на севере:

- «1) необходимость охраны края и его богатств от захватных намерений германцев и финнов, в руки которых могла попасть Мурманская жел. дорога, ведущая к единственному незамерзающему порту России;
- 2) защита России от дальнейших оккупационных намерений германцев;
- 3) искоренение власти насильников и предоставление русскому народу путем установления правового порядка возможности в нормальных условиях решить свои общественно-политические задачи».

Даже направления военных операций назывались – Петрозаводск и Вологда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.